

Ж.А. Ермекбай

Судьба и наследие Чокана Валиханова

Бюд
Областной
университет
имени
К.Маркса
ищущий
студент
от абитуриент
18.08.2022г.

Ж.А. Ермекбай

**Судьба и наследие
Чокана Валиханова**

2020

ББК 63.3(бказ.)

УДК 94(574)

E 69

Научные редакторы:

доктор исторических наук, заслуженный профессор

Национального исследовательского Томского

государственного университета В.П. Зиновьев;

доктор исторических наук, профессор

Омского государственного университета

им. Ф.М. Достоевского Ю.А. Сорокин

Редактор / корректор: Адыханова В.З.

Дизайн / верстка: Мукажанов Р.С.

Фотографии: Асильбаева Г.А.

Ермекбай Ж.А. Судьба и наследие Чокана Валиханова. – Нур-Султан: Изд-во НАО «Казахстанский институт общественного развития «Рухани жаңғыру», 2020. – 276 с.: ил.

ISBN 978-601-06-6577-4

Книга посвящается выдающемуся сыну казахского народа Чокану Чингисовичу Валиханову. Он вошел в историю как путешественник и ученый, научное наследие которого остается актуальным по настоящее время.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, которым не безинтересна судьба соотечественника.

ISBN 978-601-06-657

ББК 63.3(бказ.)

УДК 94(574)

© Республиканское общественное объединение «QazaqGeography»

Благодарность

Республиканское общественное объединение
«QazaqGeography» выражает благодарность
Министерству информации и общественного развития
Республики Казахстан, а также Некоммерческому
акционерному обществу «Казахстанский институт
общественного развития «Рухани жаңғыру»
за поддержку в издании книги, посвящённой
185-летию великого казахского учёного востоковеда,
историка, этнографа, географа, фольклориста,
путешественника и просветителя
Чокана Чингисовича Валиханова.

Оглавление

Вступительное слово научного редактора	5
От автора	6
ГЛАВА I. Из истории отечественного чокановедения	13
ГЛАВА II. Степные аристократы на русской службе	37
2.1. Семья Валихановых. Служебная и общественная деятельность полковника Ч.В. Валиханова	37
2.2. Детство и юность Чокана: воспитание и обучение	70
ГЛАВА III. Служба в Омске. Служебные экспедиции Ч.Ч. Валиханова	85
3.1. Адъютант генерал-губернатора. Экспедиции в Центральный Казахстан, Семиречье, Иссык-Куль и Кульджу	85
3.2. Дружба с П.П. Семеновым-Тян-Шанским. Подготовка экспедиции в Кашгарию	99
3.3. Поездка в Восточный Туркестан	114
ГЛАВА IV. Пребывание в Санкт-Петербурге	133
4.1. Памятные встречи в столице империи	133
4.2. Ф.М. Достоевский и Ч.Ч. Валиханов	154
4.3. В кругу столичных литераторов	164
ГЛАВА V. Снова в степи	170
5.1. Встречи с родными. Участие в военной экспедиции генерала Черняева	170
5.2. Пограничная работа на благо империи	180
5.3. Преждевременная кончина: печальные обстоятельства	185
5.4. Чокан Валиханов и его наследие	194
Заключение	226
Список сокращений	230
Указатели	232

Вступительное слово научного редактора

Настоящая книга написана об известном каждому казахстанцу и большинству образованных россиян человеке – о Мухаммед-Ханафии (Чокане) Чингисовиче Валиханове (1835–1865), этнографе, историке, исследователе фольклора тюркских народов, гуманисте и просветителе, потомке Чингисхана и Аблая, султане Среднего жуза, штабс-ротмистре, путешественнике и разведчике Генерального штаба Российской императорской армии.

О его короткой жизни и многообразной деятельности собрана масса документальных свидетельств, написано немало статей и книг. Зачем же писать еще одну? Однако известный казахский историк Жарас Ермекбай счел необходимым это сделать. Причин, побудивших его к этому, на мой взгляд, несколько. Первая из них заключается в желании добавить, уточнить информацию о Ч. Валиханове, реализовать значительный материал, найденный им в российских и казахстанских архивах о выдающемся сыне казахского народа. Вторая причина – политическая, прежние книги написаны в советское время компетентными, добросовестными историками, над которыми, тем не менее, довел классовый подход к объяснению больших и малых событий в истории, в том числе и действий отдельных личностей. Вольно или невольно они приписывали Ч.Ч. Валиханову излишнюю оппозиционность властям того времени. Третья, видимо, состоит в том, чтобы, основываясь на строго проверенных научных данных, пресечь разного рода слухи и спекуляции вокруг имени Ч. Валиханова, в биографии которого достаточно неясных мест. Ведь каждый народ должен знать своих гениев и к памяти о них обязан относиться бережно и с уважением.

Насколько автору удалось осуществить свои цели – судить Вам, читатель.

Заслуженный профессор Национального исследовательского Томского государственного университета В.П. Зиновьев

От автора

В статье Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи» отмечено, что «необходимо систематизировать и активизировать деятельность по созданию и распространению научно-популярной серии «Великие личности Великой степи» – «Ұлы Даң тұлғалары», охватив широкий исторический горизонт»¹. Это один из важных проектов, продолжающих программу «Рұхани жаңғыру». В этом контексте сын Великой степи Чокан Чингисович Валиханов занимает достойное место среди выдающихся деятелей мировой истории. Российское и мировое научное сообщество было восхищено его путешествиями на Тянь-Шань, в Джунарию, Восточный Туркестан и научными трудами по истории и культуре народов Евразии. Он впервые открыл европейскому миру историю и культуру отдельных тюркских народов Центральной Азии. Его научные сочинения не потеряли значения и по сей день.

Для меня Чокан Чингисович Валиханов интересен в первую очередь как исследователь народов Евразии. Ощущая себя сыном казахского народа, Ч.Ч. Валиханов интересовался историей других народов Центральной Азии. Он был знаком с нарративными источниками, написанными на персидском, арабском и тюркском языках. Свою научную работу он начал еще будучи воспитанником Омского кадетского корпуса. Его увлекли работы русского востоковеда И.Н. Березина. Он состоял с ним в переписке и выполнял его поручения в области казахского языка.

Несомненно, знание восточных и европейских языков дало ему возможность изучить в подлиннике древние источники, касающиеся географии и истории народов Центральной Азии. В целом для его мировоззрения было характерно взаимовлияние европейского и восточного менталитетов. Аул Валихановых часто навещали русские чиновники, путешественники, ученые-ссыльные, инженеры-геодезисты,

¹ Назарбаев Н.А. Семь граней Великой степи. Астана. 2018. С. 26.

картографы, которые оказали воздействие на миропонимание Чокана. Надо отметить существенное влияние на его духовное развитие и семьи будущего исследователя, особенно бабушки Айганым. Именно в детские годы Айганым привила ему интерес к преданиям и сказаниям казахского народа и в целом любовь к родному краю.

Окончив аульную школу, Чокан в 1847 г. поступил в Сибирский кадетский корпус. В этом учебном заведении, одном из лучших в Азиатской России, он изучал географию, геодезию, физику, математику, историю, литературу, арабский, французский и английский языки. Учеба в кадетском корпусе заложила в нем интерес к наукам, путешествиям, изучению истории народов Евразии.

Во время экспедиционной поездки по Семипалатинской области, совершенной летом 1855 г. в качестве офицера по особым поручениям генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта, Ч. Валиханов знакомится с историческими и географическими сведениями по истории этого региона Казахстана. В 1856 году участвует в военно-научной экспедиции полковника М.М. Хоментовского по северным районам Киргизии для ознакомления с местным кыргызским населением и создания топографической съемки бассейна Иссык-Куля. Сведения об этой экспедиции, отраженные Ч.Ч. Валихановым в путевых очерках, записках, зарисовках, гербариях, коллекциях, являются актуальными по географическому, биологическому, историческому и этнокультурному содержанию. Он собрал оригинальную орнитологическую и энтомологическую коллекцию, описал флору и фауну Семиречья, участвовал в съемках озера Иссык-Куль. Именно во время этой экспедиции Ч. Валиханов впервые записал и перевел на русский язык часть кыргызского героического эпоса «Манас» – «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Так, впервые в мире, Ч. Валиханов сделал доступным для европейцев «Манас» – золотой клад тюркской цивилизации. В целом проблемы этногенеза, истории политического и социально-экономического развития народов Евразии, устного народного творчества, искусства, религии в жизни тюркских народов и другие животрепещущие вопросы материальной и духовной культуры этносов Центральной

Азии были поставлены во главу угла в научном наследии великого современника своей эпохи.

У каждого путешественника есть незабываемые походы в экзотические края. Такой, как нам представляется, была поездка Чокана в Кашгарию в 1858–1859 гг. Как путешественник и ученый с европейским образованием, он впервые поведал миру сведения о землях, культуре и народах Центральной Азии. Исследователи, изучающие научное наследие Ч. Валиханова, считают, что главным результатом его поездки в Кашгарию стала работа «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Впервые в российской науке была написана фундаментальная работа, посвященная народам Восточного Туркестана. Его труд включает географический обзор и исторический очерк о народонаселении, правительственной системе и политическом состоянии Кашгарии.

Особое место в биографии Чокана занимает пребывание его в Петербурге. Повышенный в чине, награжденный орденом и денежным пособием, окруженный верными друзьями и соратниками, любимец общества Ч.Ч. Валиханов окунулся в столичную жизнь того времени. Штабс-ротмистр Ч. Валиханов одновременно работал сразу в нескольких правительственные учреждениях Петербурга – в Военно-ученом комитете Генерального штаба, Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, преподавал тюркские языки в Высшей школе при Азиатском департаменте. Кроме того, выступал на заседаниях Русского географического общества и писал для известных журналов, работал над переводами редких восточных сочинений, участвовал в составлении карт Центральной Азии и слушал лекции в университете. Однако болезнь легких не позволила ему остаться в Петербурге, и он по совету врачей был вынужден возвратиться на родину, в аул своих родителей. В родной степи Чокан собирает фольклорный материал, слушает народных поэтов и певцов. Он придавал большое значение этнокультурным взаимодействиям тюрко-славянского населения огромной Российской империи.

Следует отметить, что как просветитель Ч. Валиханов будущее казахского народа видел в освоении лучших достиже-

ний русского народа. В его короткой жизни большую роль сыграли русские ориенталисты П.П. Семенов-Тян-Шанский, Г.Н. Потанин, Н.И. Веселовский, Н.М. Ядринцев и другие. После его смерти они сделали все, чтобы научное наследие Чокана Валиханова стало достоянием мировой научной мысли, частью мирового культурного наследия.

Многие известные общественные, научные и творческие деятели приложили немало сил для исследования рукописного наследия Чокана. Особенно большой вклад внесли Г.Н. Потанин, Н.И. Веселовский, М. Дулатов, А. Байтурсынов, М. Чокай, Х.Г. Айдарова, А.Х. Маргулан, С.М. Муканов, С.Н. Марков, С.И. Бегалин, М.И. Фетисов, К. Бейсембиев, С.З. Зиманов, А.А. Атишев, О.А. Султаньяев, Н.П. Ивлев, И.И. Стрелкова и многие другие ученые.

Мой интерес к наследию выдающегося соотечественника был вызван неоднократным пребыванием у родственников в селе Сырымбет. От них я впервые узнал о знаменитом земляке, и с годами внимание к значению его личности только возрастало. В 1985 г. я посетил Сырымбет в числе тех, кто участвовал в праздновании 150-летия со дня рождения Чокана Валиханова. В последующие годы стал глубже входить в тему, участвовал в разных научных мероприятиях, посвященных дню рождения земляка, как в Казахстане, так и в России. Замечу, что российские коллеги также чтят нашего соотечественника и всегда принимают участие в научных конференциях, посвященных его творчеству. В Омске, Санкт-Петербурге, Москве, Томске не раз проходили встречи ученых, на которых обсуждались вопросы, связанные с научным наследием Ч.Ч. Валиханова.

В течение нескольких лет я работал над рукописным наследием Чокана Валиханова, пытался оценить его вклад как ученого и путешественника. Не раз участвовал в различных научных форумах, конференциях, посвященных Чокану, встречался и переписывался с коллегами, занимающимися его наследием.

Хочу выразить признательность коллегам и друзьям, которые делились своими мыслями, советами и пожеланиями. В их числе – Едиге Валиханов, потомок чингизидов, ученый, посвятивший много времени и сил исследованию наследия

Чокана Валиханова. Во время наших встреч мы, разумеется, по обыкновению, много говорили о Чокане, и его оценки, советы и добрые пожелания стимулировали меня к поиску новых материалов, документов, что способствовало переоценке сложившихся стереотипов о соотечественнике.

Ряд хороших советов дал ученый-историк К.С. Алдажуманов из Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, который был знаком со многими чокановедами. Хочу также выразить благодарность известным знатокам отечественной истории – К.Ш. Хафизовой, К.Л. Есмагамбетову, И.В. Ерофеевой, Б.К. Кумекову, С.К. Утениязову, М.Х. Абусеитовой, С.И. Ковальской за мудрые советы и полезные замечания, а также Макбал Мусиной из Санкт-Петербурга, М.О. Абсеметову, Ж.С. Мажитовой, суждения которых о деятельности Чокана Валиханова очень помогли мне в работе.

Особую благодарность хочу выразить научным редакторам: доктору исторических наук, заслуженному профессору Национального исследовательского Томского государственного университета В.П. Зиновьеву, доктору исторических наук, профессору Ю.А. Сорокину из Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского за труд по расчистке рукописи от шероховатостей, неточностей, некорректных формулировок и придания ей завершенности и читаемости.

Также выражаю свою признательность Республиканскому общественному объединению QazaqGeography за участие в выходе в печать моей рукописи.

В литературе утвердилось мнение, что вышедшее в свет в 1904 г. первое издание избранных трудов Ч.Ч. Валиханова в «Записках Императорского Русского географического общества» под редакцией профессора Н.И. Веселовского и сборники, выпущенные в 1950–1980-х годах под общим руководством академика А.Х. Маргулана, – не полны, и не исчерпывают творческого наследия Ч.Ч. Валиханова, страдают рядом неточностей текстологического и редакционного характера. Ряд рукописей Ч.Ч. Валиханова в советское время, возможно, не вошли в собрание сочинений по идеологическим соображениям. Предполагается, что тексты некоторых его работ были подправлены, поэтому требуется кропотли-

вый труд по выявлению подлинного содержания сочинений Ч.Ч. Валиханова.

По мере возможности, в процессе работы мною использованы архивные материалы гг. Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Ташкента и Алматы. Некоторые были ранее уже озвучены в различных изданиях, но по ходу поиска нашлись и редкие сведения из жизни Чокана и в целом семьи Валихановых.

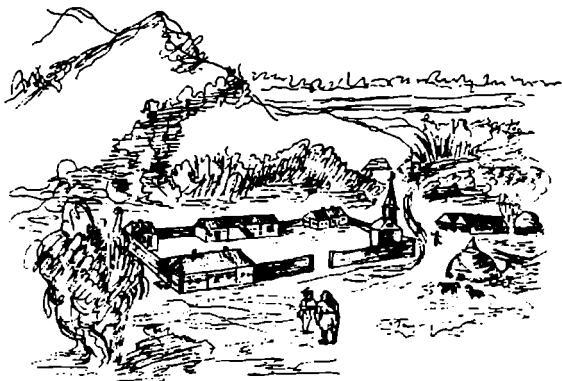
Сложность архивной работы заключалась в разбросанности материалов по разным фондам. Например, большинство документов, касающихся служебной деятельности Чокана Валиханова, сосредоточены в Архиве внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российском государственном историческом архиве и Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук. В этой связи хочу выразить признательность за оказанную помошь в поиске материалов сотрудникам Архива внешней политики Российской империи, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Санкт-Петербургского филиала архива РАН, архива Русского географического общества (Санкт-Петербург), которые внимательно отнеслись к моему увлечению и старались помочь в поиске необходимых материалов, особенно в уточнении выходных данных некоторых интересных текстов, касающихся служебной деятельности Чокана Валиханова.

Кстати, в Центральной научной библиотеке Национальной академии НАН РК (Алматы) находится архив Ч.Ч. Валиханова в виде фотокопий, полученный в 1951 г. из архива АН СССР (фонд 23, опись 1) г. Ленинграда. Названия дел, хранящихся в ЦНБ НАН РК, не всегда совпадают с названиями документов указанного именного фонда 23 Ч.Ч. Валиханова Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук. Некоторые дела из фонда 23 Санкт-Петербургского филиала архива РАН, насчитывающие 55 единиц хранения на 11 января 1957 г., как следует из описи, были частично реставрированы в 1978 и 1979 годах.

К сожалению, не все материалы (особенно архивные)

по разным причинам оказались доступны мне в процессе работы, но портрет Чокана Валиханова на базе различных исторических документов, печатных изданий, воспоминаний, думаю, сложился.

Автор оставил имя и фамилию в русской транскрипции, так как при жизни наш соотечественник во всех формулярных списках, публикациях, официальных и личных письмах обозначался как Чокан Валиханов. Также обращаю внимание читателя на то, что в XIX в. в российской правительственной документации, в переписках военных и гражданских ведомств под этнонимами «киргизы» или «киргиз-кайсаки» имели в виду казахов, и поэтому в тексте в скобках дается правильное самоназвание народа.

ГЛАВА I

Из истории отечественного чокановедения

По мнению известного казахского ученого, академика А.Х. Маргулана (1904–1985), расцвет научной и просветительской деятельности Ч.Ч. Валиханова пришелся на 1850-е – начало 1860-х годов. В это время он совершил поездки и экспедиции в Центральный и Южный Казахстан, Кыргызстан и Восточный Туркестан. Им уже были написаны интересные с научной точки зрения работы, среди которых, прежде всего, нужно отметить «Очерки Джунгарии», «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах», «Аблай», «Из Тарихи-Рашиди» и др.

Научное наследие Чокана Чингисовича на протяжении длительного времени остается предметом пристального внимания как специалистов, так и общественности. После преждевременной смерти Ч.Ч. Валиханова постановлением совета Императорского Русского географического общества

от 24 апреля 1867 г. было решено издать его труды¹. В 1887 г. вновь был поставлен вопрос об издании сочинений Ч.Ч. Валиханова, причем степной генерал-губернатор Г.А. Колпаковский (1819–1896) «выразил согласие изыскать средства на это издание из местных источников»².

Особый вклад в публикацию трудов Ч.Ч. Валиханова внесли его близкие товарищи. В частности, однокашник по кадетскому корпусу Г.Н. Потанин (1835–1920), впоследствии известный путешественник, этнограф, исследователь Сибири и Центральной Азии, приложил много усилий по сбору и публикации творческого наследия друга и соратника. О деятельности Г.Н. Потанина в этой части свидетельствует его эпистолярное наследие. Письма Н.Н. Потанина на этот счет частично опубликованы в 1968 г. в четвертом томе собрания сочинений Чокана Валиханова³, и полностью – в 1990–1991 годах в Иркутске⁴.

Еще в ноябре 1887 г. в письме Н.М. Ядринцеву Г.Н. Потанин интересовался: «Передали ли рукописи Н[иколаю] Ив[ановичу] Веселовскому...»⁵ (речь шла о рукописях Чокана Валиханова). 28 марта 1888 г. в письме супруге Н.М. Ядринцева Аделаиде Федоровне Потанин пишет: «Теперь к Вам просьба. Я, уезжая из Петера, оставил у Николая Михайловича рукописи Чокана Валиханова и переписанные его сочинения, и просил его передать все это профессору Николаю Ивановичу Веселовскому. Последний же пишет мне, что он до сей поры не получил их. Николай Михайлович уверяет, что он поручил передачу рукописей Вам. Будьте добры, свезите рукописи в Географическое общество для передачи Веселовскому и снеситесь с ним... <...> И меня известите: у Вас ли находятся эти рукописи, а по передаче – о том, что они переданы»⁶. 28 июня 1889 года в письмах А.Н. Пыпину Григорий Николаевич дает

1 Веселовский Н.И. Предисловие // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. СПб.: Тип. гл. упр. уделов. 1904. С. II.

2 Там же.

3 Об издании трудов Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР. 1965.

4 Письма Г.Н. Потанина. Т. 4. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1990; Т. 5. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1991.

5 Письма Г.Н. Потанина. Т. 4. С. 85.

6 Там же. С. 92.

краткую биографическую справку о жизни и деятельности Чокана Валиханова¹. 14 сентября 1891 г. он сообщил А.Н. Пыпину о том, что посыпает заметку о Чокане Валиханове².

Весьма информативна переписка Г.Н. Потанина с известным востоковедом, профессором Петербургского университета Н.И. Веселовским (1848–1918). В 1891 г. Григорий Николаевич вновь поднял вопрос об издании трудов Чокана Валиханова. Вот что он пишет в одном из писем: «Многоуважаемый Николай Иванович! Я оставил материал для издания статей Валиханова у Ник[олая] Мих[айловича] Ядринцева. <...> Ник[олай] Мих[айлович] передаст Вам портрет Чокана Валиханова, лучше которого я пока не нашел. Я напишу генерал-губернатору Колпаковскому о том, что рукописи передал Вам. <...> Биографические заметки о Чокане пришли из Сибири. Может быть, Вам удастся пополнить их рассказами других лиц, знавших Чокана: П.П. Семенова, Семена Яковлевича Капустина, Цурикова...»³.

Спустя 30 лет после смерти Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанин в 1895 г. в возрасте 60 лет совершил поездку в Кокчетавский уезд, где встречался с отцом Чокана и его братьями. О результатах своей поездки Потанин 29 октября 1895 г. писал Н.И. Веселовскому: «Вот я добыл от Чингиса Валиевича, отца Чокана Валиханова, письмо с отказом от прав на издание статей Чокана. Кроме того, я принес еще несколько мелких рукописных заметок Чокана и фотографическую карточку, наиболее чем другие похожую...»⁴. Собранные рукописи Валиханова составили XXIX-й том Записок ИРГО, изданных в 1904 г. под названием «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», с биографическим очерком Г.Н. Потанина, воспоминаниями Н.М. Ядринцева и И.И. Ибрагимова.

Выходу в свет этой книги под редакцией профессора Н.И. Веселовского предшествовала долгая работа по сбору рукописей Чокана Валиханова и поиску денежных средств для издания. 24 апреля 1867 г. на заседании Совета Императорского Русского географического общества было принято

1 Там же. С. 105–109.

2 Там же. С. 159.

3 Там же. С. 202.

4 Там же. С. 292.

решение об издании рукописей, оставшихся после Валиханова. Это решение было первоначально реализовано лишь частично. В 1868 г. в «Записках» ИРГО было опубликовано продолжение описания кашгарской экспедиции. Готовивший публикацию путешественник и ученый Федор Романович Остен-Сакен (1832–1916) писал: «Так как Валиханову принадлежит честь быть первым образованным русским, посетившим эти страны, то долг справедливости требует, чтобы рассказ его о совершенной им поездке появился в печати раньше описания позднейших исследований»¹. Однако в силу ряда обстоятельств этим и ограничились. В 1887 г. Г.Н. Потанин опять поставил вопрос об издании трудов Ч.Ч. Валиханова, и вновь все останавливалось из-за отсутствия средств. В конце концов, Г.Н. Потанину удалось привлечь к совместной деятельности по выпуску в свет избранных произведений Чокана Валиханова известного востоковеда, профессора Петербургского университета Н.И. Веселовского. Были изысканы черновики и рукописные материалы, проведена редакционная работа, найдены средства на издание, и в 1904 г. совместная творческая деятельность соратников и современников Ч.Ч. Валиханова ознаменовалась, как было отмечено выше, выходом в свет XXIX-го тома в «Записках» ИРГО, включавшего сочинения нашего выдающегося соотечественника.

Таким образом, спустя 37 лет после принятия Императорским Русским географическим обществом судьбоносного решения об издании рукописей Чокана Валиханова, наконец-то в 1904 г. вышли в печать отдельной книгой произведения нашего соотечественника. Выход XXIX-го тома в «Записках» ИРГО был связан с юбилейными торжествами в честь 300-летия дома Романовых, которые праздновались в масштабе Российской империи. Это свидетельствует о лояльности к такой личности, как Чокан Чингисович Валиханов, российского правительства, которое помнило его заслуги, но по ряду причин не давало добро на издание трудов. Конечно, это было связано со служебной деятельностью Чо-

1 Остен-Сакен Ф.Р. Поездка Ч.Ч. Валиханова в Кашгар // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т IV. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1968. С. 604.

кана, особенно с его поездкой в Кашгар, и поэтому, в определенный период, власти не давали разрешения на огласку научного наследия. А формальной причиной отсрочки издания трудов Валиханова считалось отсутствие финансов.

О Чокане Валиханове не раз писали его современники, в том числе те, с которыми он был лично знаком, и в основном эти публикации были биографического характера¹.

В конце XIX – начале XX вв. казахские деятели в лице А. Байтурсынова, А. Букейханова, М. Дулатова, М. Чокая, К. Кеменгера и др. в своих печатных работах обращали внимание общественности на деятельность Чокана Валиханова, отмечали его труды, научные заслуги².

В 30–40-х годах XX столетия вышли в свет книги, где Чокан Валиханов упоминается в целом как ученый и просветитель, однако в них присутствует влияние коммунистической идеологии. В частности, профессор С.Д. Асфендияров, один первых авторов учебника по истории Казахстана, считал, что Чокан Валиханов «стоял на той точке зрения, что казаки (казахи. – Ж.Е.) могут сделаться культурными лишь через освоение русской культуры. Под русской культурой он подразумевал культуру русского дворянско-помещичьего

1 Венюков М.И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записи о них // Туркестанский сборник. Т. IX. СПб., 1869. С. 258–259; Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения или дунгеней в западном Китае // Туркестанский сборник. Т. V. СПб., 1869. С. 65; Он же. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. 137–135; 209: 265; 353: 498–499; Маев Н. От Ташкента до Кульджи. Путевые заметки // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. Вып. II. СПб.: Туркестанский стат. ком., 1873. С. 301; Семенов-Тян-Шанский П.П. История полуночной деятельности Русского географического общества 1845–1895. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1896. Ч. I. С. 276; Он же. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: Дрофа, 2007. С. 50–51; Веселовский Н.И. Указ. соч. С. I–III; Ибрагимов И.И. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. СПб.: Тип. гл. упр. уделов, 1904. С. XL–XLV; Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове / Там же С. IV–XXXIV; Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове // Там же. С. XXXV–XXXIX.

2 Байтұрынұлы А. Бес томдық шығармалар жинағы. 2 т. Алматы: Алаш, 2004. 97: 155, 434; 450 бб.; Бекейхан Э.Н. Шығармаларының 9 томдық толық жинағы – полное собрание сочинений в 9 томах. Т. 7. Алстана: Сарыарқа, 2013. 386 б.; Дулатұлы М. Алты томдық шығармалар жинағы. 2 т: Қосемсөз. әдеби-сын және зерттеу мақалалары. Алматы: Мектеп, 2013. 196–204 б.; Шокай М. Таңдамалы шығармалар: Үш томдық. 1 т. Алматы: «Қайнар» баспасы, 2007. 156–157 б.; Кеменгерұлы К. Үш томдық шығармалар жинағы. 1 т. Алматы: Алаш, 2005. 61 б.

класса. Будучи сам воспитанником русской военной школы, офицером, Валиханов думал о покровительстве, которое окажут казакскому (казахскому. – Ж.Е.) «народу» просвещенные администраторы¹. В другой работе под редакцией С.Д. Асфендиярова отмечено: «Казахские буржуазные националисты расценивали историческую роль Валиханова как роль миссионера, предавшегося царизму, отступника от казахского народа. Появление таких людей, как Валиханов, знаменовало начавшееся разложение казахского феодально-патриархального строя. Валиханов видит недостатки старого общественного [строя] у казахов, но и расценивает их с точки зрения казахских господствующих классов. Валиханов видит выход в быстром освоении казахами европейской культуры. Под нею он понимает великорусскую дворянско-помещичью культуру, плоды которой он вкусыл сам»².

Сбором материалов о Чокане Валиханове занималось Общество изучения Казахстана, возглавляемое А.М. Жиренчиным, известным ученым-литературоведом, писателем, который входил в состав Казахского филиала Академии наук СССР. В одном из отчетов Казахского филиала АН СССР за 1940–1941 гг. сообщалось, что Общество изучения Казахстана собрало архивные материалы о деятельности Чокана из Омского архива и дипломатического архива г. Москвы, которые насчитывают 120 печатных листов. И хотя материалы представляют исключительную научную ценность, исследователи не обращаются к ним, и никакой работы по изучению наследия выдающегося казахского деятеля не проводится³.

В учебнике «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», вышедшем в 1943 г., Ч.Ч. Валиханову отводится целый параграф под названием «Первый казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов» в главе XIX «Культура казахского народа в колониальный период». Составители учебника не упоминали его как проводника ко-

1 Асфендияров С.Д. История Казахстана (с древнейших времен). Т. 1. Алма-Ата-Москва: Казахстанское краевое издательство. 1935. С. 203.

2 Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Под редакцией проф. С.Д. Асфендиярова. Т. 2. Алма-Ата-Москва: Казахстанское краевое издательство, 1936. С. 250.

3 Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее – ЦГА РК). Ф. 1137. Оп. 6. Д. 507. Л. 264 об.

лониальной политики царизма в Казахстане, по мысли, господствовавшей в 1930-е годы среди национальной интеллигенции республики, а писали, что «он особенно остро ощущал двойственность своего положения и мучительные противоречия между убеждениями и взглядами той социальной среды, из которой он вышел и в которой теперь жил»¹. Авторы учебника старались соотнести мировоззрение Чокана с взглядами лучших демократических представителей России XIX века.

Одним из первых исследователей Советского Казахстана, обративших внимание к наследию Чокана Валиханова, была историк Х.Г. Айдарова, которая в 1945 г. защитила кандидатскую диссертацию, посвященную научному наследию Ч.Ч. Валиханова. В том же году ею опубликованы статьи и монография «Чокан Валиханов», а несколько позже – избранные статьи и письма Ч.Ч. Валиханова и др.².

Академик АН СССР Н. Дружинин в предисловии к ее монографии писал: «Заслуга Х.Г. Айдаровой заключается в том, что [она] <...> привлекла все опубликованные и все доступные архивные первоисточники, подвергла их самостоятельному анализу и пришла к ряду обоснованных и важных выводов. Теперь Ч.Ч. Валиханов представлен нам ясным в процессе его внутреннего роста. <...> Достаточное внимание уделено автором научной деятельности и, что особенно важно, мировоззрению Ч.Ч. Валиханова, его философским и общественно-политическим взглядам»³.

Монография Х.Г. Айдаровой, посвященная Чокану Валиханову, нашла в целом положительный отклик в ряде рецензий, которые вышли на страницах журналов и газет республики. Так, в 1946 г. опубликованы отзывы академика С.

1 История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней / Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. С. 320.

2 Айдарова Х. Первый казахский просветитель Чокан Валиханов // Большевик Казахстана. 1945. № 6; Она же. Чокан Чингисович Валиханов // Вестник Казахского Филиала Академии Наук СССР. 1945. № 4/7; Она же. Чокан Валиханов. 1837–1865: Жизнь и деятельность казахского просветителя. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945; Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка / Сост., вст. ст. и примеч. Х. Айдаровой. Алма-Ата. 1947; Она же. Чокан Чингисович Валиханов // Большевик Казахстана. 1952. № 4.

3 Айдарова Х.Г. Чокан Валиханов. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945. С. 3–4.

Юшкова¹ и доцента Х. Адильгереева², где отмечены заслуги автора в изучении научного наследия Чокана Валиханова, и в то же время обращено внимание на недостатки, которые присутствуют, по их мнению, в монографии.

Однако судьба монографии оказалась под ударом того времени. Через семь лет после выхода книги в печать, а точнее 12 ноября 1952 г., высшим партийным руководством Казахстана было принято решение «Об изъятии из библиотек общественного пользования и книготорговой сети книги т. Айдаровой «Чокан Валиханов»³. Хочется отметить, что, несмотря на это роковое решение, в Национальной библиотеке Республики Казахстан книга эта сохранилась и сегодня доступна читателям.

Статьи и переписка Ч.Ч. Валиханова, вступительная статья и примечания Х.Г. Айдаровой, вышедшие в 1947 г., были впервые опубликованы в Китае в 1956 г. в переводе Д. Косanova⁴.

Когда миновало время сталинской диктатуры, отечественными исследователями были опубликованы основные фундаментальные рукописные работы Ч.Ч. Валиханова⁵. Много сделал в этом направлении академик А.Х. Маргулан (действительным членом АН КазССР он был избран в 1958 году), который по праву считается одним из первых казахстанских биографов Чокана Валиханова. Именно при его непосредственном участии читатели впервые познакомились с трудами выдающегося ученого и просветителя. Значимыми являются слова А.Х. Маргулана о судьбе наследия Ч.Ч. Валиханова, сказанные на страницах журнала «Про-

1 Юшков С. Книга о великом казахском просветителе и ученом Чокане Валиханове // Большевик Казахстана. 1946. № 8. С. 47-50.

2 Адильгереев Х. Чокан Валиханов // Казахстанская правда. 1946. 25 августа.

3 Архив Президента Республики Казахстан (далее АП РК). Ф. 708. Оп. 16. Д. 155. Л. 15.

4 (در استحان مهندسی ناقو) ۱۹۵۶، فارسی

ت. 231 - میرابناب گزنداندۇرچ «رەزىلچا»

يابن اقىدە فۇرىلىسىقى: باخچانىدا ئاشىزىدە

فەابن كەنۋەد بىزىروشىكادەر

اوورا اوچاچ: ئېشىزۇرسىزلىقى.

5 Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения / Под ред. акад. АН КазССР А.Х. Маргулана. Алма-Ата: Казгослитиздат. 1958; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1961-1972; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1984-1985.

стор» в 1963 г.: «...ученые Казахстана за последние годы вели тщательные поиски автографов и рукописей Валиханова, погребенных в архивах. В результате был открыт ряд неизвестных материалов»¹.

Издание собраний сочинений Чокана Валиханова первоначально планировали завершить в течение 1957–1965 годов². Однако колоссальный труд академика А.Х. Маргулана совместно с научными сотрудниками Института истории, археологии и этнографии АН КазССР над рукописным наследием Чокана Валиханова растянулся на несколько лет из-за поиска материалов и их обработки для публикации. В состав чокановедов входили в разное время различные специалисты: историки Л.М. Ауэзова, М.С. Турсунова, Ш.К. Беткенбаева, этнограф Г.Н. Валиханова, географ, специалист по арабской графике Д.Х. Кармышева и др. С 1954 г. эти исследователи занимались поисками неизвестных черновых рукописей в различных архивохранилищах и научно-образовательных учреждениях СССР, переводили, редактировали и готовили к печати найденные варианты текстов. Материалы были изданы в виде академического 5-томного собрания сочинений, первый том которого вышел в свет в 1961 г., а пятый – в 1972 г.

По ходу работы отечественные чокановеды рассылали письма в различные архивы, библиотеки Ленинграда, Москвы, Омска, Томска, Ташкента с просьбой найти материалы о соотечественнике. По многим заявкам были найдены ранее не озвученные автографы и черновые записи, написанные рукой Чокана. Об этом подробно можно узнать из личного архива академика А.Х. Маргулана³.

О том, с какими трудностями пришлось столкнуться в процессе работы над первым пятитомным собранием сочинений, можно узнать из научного отчета М.С. Турсуновой (1914–1990), кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии

1 Простор. 1963. № 1. С. 102.

2 Научный архив «Гылым ордасы» Национальной академии наук Республики Казахстан (далее – Научный архив «Гылым ордасы» НАН РК). Ф. 11. Оп. 1.п.д. Д. 177. Л. 29.

3 Из наследия академика А.Х. Маргулана (Сборник документов и материалов из рукописного фонда – личного архива ученого) / Сост. Е.К. Рахимов. Павлодар: Кепеку. 2011. С. 131–201.

фии им. Ч.Ч. Валиханова АН КазССР. В 1966 г. в своем отчете М.С. Турсунова пишет: «Академическое издание трудов Ч.Ч. Валиханова имеет свою особую трудность. Это связано не только с тем, что составители вначале не имели достаточного опыта в издании подобного рода трудов. Ч. Валиханов является необычным ученым... <...> Он создал свои труды в условиях непрерывного путешествия, при часто менявшемся местожительстве; его интересы были широкими, он изучал разные стороны жизни многих народов. <...> Исключительную трудность представляет чтение его рукописей. Они написаны мелким неразборчивым почерком, своеобразной, присущей Чокану, графикой, с постоянным сокращением слов, пропуском букв; большинство рукописей остались незаконченными, в черновом виде, с множеством вставок, без указания их места и вариантов; тексты рукописей пестрят различными старыми терминами, наименованиями, выражениями; очень часто встречаются тексты, написанные на разных восточных, западноевропейских языках. Правильное чтение такого рода текста и объяснение всех встречающихся терминов, выражений, их перевод представляют большую трудность и отнимают у составителей много времени; не менее кропотливым является установление основного текста автора, выявление разночтения списков, вариантов его трудов, составление комментариев¹. По словам коллег, М.С. Турсунова была единственной из составителей собрания сочинений, которая могла прочесть сложные записи Чокана Валиханова.

По отзывам ветеранов Института истории и этнографии, Мария Сулейменовна была скромным, трудолюбивым человеком. Из ее характеристики известно, что «во второй половине 1954 г. тов. Турсунова включилась в работу по составлению 1-тома избранных произведений Ч.Ч. Валиханова. В процессе работы тов. Турсунова быстро овладела методикой работы над рукописью, внимательно относится к своим обязанностям...»².

Среди составителей собрания сочинений Чокана Валиханова, как выше отмечено, числилась младший научный

1 Научный архив «Ғылым ордасы» НАН РК. Ф. 11. Оп. 1 л. д. 177. Л. 29–30.

2 Там же. Л. 15.

сотрудник отдела этнографии АН КазССР Д.Х. Кармышева (1914–1995). О том, как она работала над рукописями Чокана, свидетельствует ее отчет: «В 1965 г., по заданию руководителя группы чокановедов академика А.Х. Маргулана, для IV тома собрания сочинений Ч. Валиханова перевела с узбекского на русский язык (с оригинала и фотокопий) адресованные Чокану Валиханову 8 писем караванбashi Мусабая Касымова с сообщением требуемых Валиханову сведений для его научного отчета о поездке в Кашгар, 5 писем с уйгурского, написанных кашгарскими друзьями Чокана, письмо с казахско-татарского отца Чокана, одно с татарского Исмаила Габдулмажитова, одно письмо-прошение к Чингизу или Чокану Валихановым, написанное духовным лицом, а также три стихотворных текста с уйгурского, один с персидского. Все – из ААН СССР, ф. 23, дд. 15-в, 25 и 29, составляют 19 ед. на 38 отдельных листках. Перевод с примечаниями и легендой составляет 56 стр. рукописи»¹.

В процессе работы перед составителями возникали такие сложности, как, например, установление авторства анонимных текстов различных статей. В предисловии к IV тому А.Х. Маргулан отметил, что в связи с выявлением анонимных статей о Казахстане XIX в., которые были опубликованы в начале 60-х годов на страницах газет «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Северная пчела», корреспондентом которых одно время хотел стать Чокан Валиханов, перед ними стояла трудная задача выявления авторства. В «Русском инвалиде», например, напечатан анонимный материал о событиях в Семиречье (1860. № 264) и, по мнению академика, «задача состоит в том, чтобы определить волю и авторство Ч.Ч. Валиханова»².

Определением авторства данной статьи занялся текстолог Г.В. Ермоленко, который, изучив события тех лет, местонахождение Чокана, утверждает, что «Ч. Валиханов не был свидетелем событий, происходивших в Семиречье, он находился за тысячи километров от тех мест. Сказанное не исключает полностью возможного участия его в написании

1 Научный архив «Гылым ордасы» НАН РК. Ф. 11. Оп. 1 л/д. Д. 88. Л. 23.

2 Предисловие // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1965. С. 7.

анализируемой статьи: материал мог быть передан именно ему, так как статья была написана в Петербурге, где тогда и находился Валиханов»¹, и далее, на основе анализа высокочастотной и низкочастотной лексики, речевых параллелей, орфографических особенностей текста, сделал основной вывод: «...в написании статьи «Известия из Западной Сибири» (Русский инвалид. 1860. № 264) Чокан Валиханов участия не принимал»².

Описывая эпопею работы над изданием полного собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова, невольно возникает вопрос – а почему среди чокановедов отсутствовала Х.Г. Айдарова (1909–1977), ведь она первая обратилась к наследию Чокана, еще в предвоенные годы, когда обучалась в аспирантуре в Ленинграде. Здесь следует учитывать атмосферу того времени, когда коммунистическая идеология стояла во главе гуманитарной науки СССР. В Казахстане после окончания Великой Отечественной войны обстановка среди ученых была напряженной. Многие деятели науки и культуры во-лею судьбы оказались вовлечеными в разные политические кампании, цель которых была дискредитация ученых в глазах общества. В числе их оказалась Хадича Галимовна Айдарова – одна из организаторов Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана, член Коммунистической партии с 1940 г., внештатный лектор ЦК КП(б) Казахстана. И ее использовали в борьбе с учеными, якобы не соответствовавшими духу коммунистической идеологии, среди которых был и А.Х. Маргулан.

В статье «Националистические извращения в вопросах истории Казахстана», опубликованной в 1948 г., Х.Г. Айдарова отрицательно отзывалась об ученых-гуманитариях, и в том числе о Маргулане, труды которых якобы носят националистический оттенок: «Отдельные исследователи, основывая свое исследование лишь на данных народного фольклора, исторические несообразности, которые есть в любом фольклорном произведении, воспринимают как достоверные, не требующие никакой проверки, и преподносят их в своей работе. Они чрезвычайно переоценивают значение казахского

1 Ермоленко Г.В. Анонимные произведения и их авторы: На материале русских текстов второй половины XIX – нач. XX в. Минск: Университетское, 1988. С. 77.

2 Там же. С. 57.

эпоса как исторического источника. <...> Слепо следя поэме «Эдиге», являющейся образцом феодально-бекской поэзии, А.Х. Маргулан золотоордынского мурзу Эдиге идеализировал, называя его представителем казахского народа, его защитником¹. Кампания борьбы с учеными нашла отражение и в газете «Правда», главной политической трибуны СССР, где в статье «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» жесткой критике подвергся историк Е. Бекмаханов за свою монографию «Казахстан в 20–40 годы XIX века»².

После таких острых замечаний Х.Г. Айдаровой судьба А.Х. Маргулана была как бы предрешена, однако смерть Сталина и ослабление критики в адрес ученых спасли его от наказания. Конечно, А.Х. Маргулан не мог простить критику со стороны Х.Г. Айдаровой, и она не вошла в состав группы ученых, занимавшихся в 50–70-е годы прошлого столетия изданием пятитомного собрания сочинений Чокана Валиханова.

В разные годы по творчеству Ч. Валиханова были опубликованы монографии, книги и статьи М.И. Фетисова, К. Бейсембиева, А.Х. Маргулана, З.С. Кедриной, С.З. Зиманова, А.А. Атишева, Х. Адильгиреева, В.А. Мануйлова, К. Хасанова, С.Я. Булатова, Л.В. Дюкова, О.А. Султаньяева, Г.М. Исхакова, С.К. Утениязова, Ч.Д. Турдалиевой, М.В. Шиловского, А.А. Колесникова, М. Мусиной, Б. Тихомирова, Р.Ю. Почекаева, Ю.И. Дробышева и др.³. Кроме того, по научному наследию

1 Айдарова Х.Г. Националистические извращения в вопросах истории Казахстана // Известия АН КазССР. Серия историческая. 1948. Вып. 1. С. 20–21.

2 Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 декабря.

3 Булатов С.Я. К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестник АН КазССР. 1956. № 3: Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана (30–50-е годы XIX века). М.: АН СССР. 1956; Он же. Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата: Казгосиздатхудлит. 1961; Бейсембиев К. Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата: АН КазССР. 1957; Адильгиреев Х. Чокан Валиханов (био-библиографический очерк). Алма-Ата: Казгосиздатхудлит. 1959; Мануйлов В.А. Друг Ф.М. Достоевского Чокан Валиханов // Труды Ленинградского библиотечного института имени Н.К. Крупской. Том V. Л.: 1959; Дюков Л.В. Ч.Ч. Валиханов как последователь Н.Г. Чернышевского // Ученые записки КазГУ. Т. 29. Вып. 6. Алма-Ата. 1960: Маргулан А.Х. Новые письма Чокана Валиханова // Простор. 1960. № 9: Он же. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1984: Кедрина З. Из жизненного источника. Очерки советской казахской литературы. М.: Советский писатель.

Чокана Валиханова защищались диссертации на соискание ученой степени кандидатов и докторов наук в России, Казахстане и Кыргызстане: Х.Г. Айдаровой (кандидатская диссертация отсутствует в Российской государственной библиотеке, по неизвестным причинам ее изъяли в советское время), К. Бейсембиева, О.А. Сегизбаева, А. Исакова, А.А. Атишева, Д.И. Дулатовой, Т.М. Акпамбетовой, О.А. Султаньяева, Г.Р. Усеновой, Ч.Д. Турдалиевой, Г.Ш. Валихановой, И.Р. Ишембетова, Ж. Бейсенбайулы¹.

1960: Хасанов К. Чокан Валиханов как уйгуроед. Алма-Ата: [б. и.], 1963: Зиманов С.З. Атишев А.А. Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1965; Султаньяев О.А. Публицистика Чокана Валиханова. О языке и художественно-стилевых особенностях публицистических произведений Ч. Валиханова. Алма-Ата: Мектеп, 1986; Исхаков Г.М. Вопросы этнической истории уйгуротов в исследованиях Чокана Валиханова // Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988; Отениязов С. Шоқанмен кайта кездесу. Алматы: Қазақстан, 1990: Турдалиева Ч.Д. История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч. Валиханова. Бишкек: Эркин-ТОО, 2000: Она же. Кыргызы в трудах Чокана Валиханова. Бишкек: Үлүү Тоолор, 2015: Шиловский М.В. Ч.Ч. Валиханов и Г.Н. Потанин: трансформация личности в парадигмах фронтира // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005; Колесников А.А. Русские в Кашигарии (вторая половина XIX – начало XX в.). Миссии, экспедиции, путешествия. Бишкек: Раритет, 2006: Мусинова М., Тихомиров Б. Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге. СПб.: Серебряный век, 2009; Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. XXXIV. 2013: Дробышев Ю.И. Ч.Ч. Валиханов о природопользовании в Синьцзяне // Страны и народы Востока. XXXIV. 2013.

1 Бейсембиев К. Развитие общественно-политической и философской мысли казахского народа после присоединения Казахстана к России: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1957; Сегизбаев О.А. Мировоззрение Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1958; Исхаков А. Идеи свободомыслия и атеизма в трудах первого казахскогоченого и просветителя Чокана Валиханова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1961; Атишев А.А. Политические взгляды Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алма-Ата, 1962; Дулатова Д.И. Исторические взгляды Чокана Чингисовича Валиханова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1963; Акпамбетова Т.М. Значение творческих связей Ф.Достоевского и Ч.Валиханова в развитии литературных отношений Казахстана с Россией (проблемы современной трактовки в научных трудах и литературных произведениях): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1987; Султаньяев О.А. Русская и казахская лексика и фразеология произведений Чокана Валиханова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы, 1994; Усенова Г.Р. Государственно-правовые взгляды Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Алматы, 1996; Турдалиева Ч.Д. История и культура кыргызов по трудам Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2000: Валиханова Г.Ш. Проблемы теории и истории казахской культуры в творчестве Ч.Ч. Валиханова: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Алматы, 2004; Ишембетов И.Р. Взгляды Валиханова Ч.Ч. на право и государство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006: Бейсенбайулы Ж. Шокан Үәлиханов – әдеби мұра зерттеушісі: филол. ғылым. канд. ... дис. автореф. Астана, 2010.

В 1957 г. вышла отмеченная монография К. Бейсембиева «Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века», где первая часть была посвящена исследованию философских, социологических и общественно-политических взглядов Ч.Ч. Валиханова.

Из советских исследований, посвященных изучению наследия Чокана Валиханова, наиболее ценными в научном отношении являются труды академика А.Х. Маргулана. По мнению С.З. Зиманова и А. Атишева, «его труды имеют двоякое значение: научное и источниковедческое». Они отмечают, что «работам А.Х. Маргулана присущи документальность, тщательный анализ фактов,держанность в описании, последовательность в обобщениях. Именно этих качеств не хватало многим работам, изданным до него»¹. Этот вывод остается актуальным и по сегодняшний день.

Описывая процесс создания пятитомного собрания сочинений 1961–1972 гг., нельзя не сказать и о собрании сочинений Чокана Валиханова, опубликованном в 1984–1985 гг., которое было выпущено в ознаменование 150-летия со дня рождения исследователя. Основано это юбилейное собрание сочинений на первом академическом пятитомном издании под редакцией академика А.Х. Маргулана и составлено по хронологическому принципу. В 1986 г. выпущен также сборник избранных трудов Чокана Валиханова, куда вошли наиболее ценные его работы².

Отметим, что в 2011 г. вышли в печать два сборника материалов, где представлены описи документов, а также ранее неопубликованные или малоизвестные материалы из рукописного фонда – личного архива выдающегося чокановеда А.Х. Маргулана, хранившиеся у дочери академика Дарнель Алькеевны, которая предоставила их ученым и сотрудникам Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова³. Впоследствии личный архив академика А.Х.

1 Зиманов С., Атишев А. Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата: Наука. 1965. С. 9.

2 Валиханов Ч. Избранные произведения. Вступ. статья А.Х. Маргулана. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

3 Опись рукописного фонда – личного архива академика А.Х. Маргулана. Павлодар: Керекү. 2011: Из наследия академика А.Х. Маргулана / Сборник документов и материалов из рукописного фонда – личного архива ученого / Сост. Е.К. Рахимов. Павлодар: Керекү. 2011.

Маргулана был передан в Национальный архив Республики Казахстан и стал доступен для чокановедов, занимающихся исследованием наследия выдающегося путешественника и ученого.

Надо отметить, свой научный и творческий вклад в изучение наследия Чокана Валиханова внесли географы Н. Пальгов, И.М. Забелин, академик А.С. Бейсенова; историки Е. Бекмаханов (член-корреспондент академии наук Казахской ССР), М.С. Муканов, И.В. Ерофеева; востоковеды К.Ш. Хафизова, А. Анваров; этнографы Э.А. Масанов, Х.А. Аргынбаев, Н.Э. Масанов, Н.А. Алимбай; антрополог О.И. Исмагулов; литературовед Ш.К. Сатпаева; философы О.А. Сегизбаев, Ж.М. Абдильдин, Р.Ж. Абдильдина; юрист С.Ф. Ударцев; экономисты М.К. Илюсизов, Д. Кабдиев; журналист С. Муктарулы; писатели С.М. Муканов, С.Н. Марков, С.И. Бегалин, Ж. Бейсенбайұлы; краевед Н.П. Ивлев; публицист И.И. Стрелкова¹.

1 Муканов С. Нить Ариадны: Чокан Валиханов: историческая трагедия в 4-х актах. 6 картинах. с эпилогом. Москва-Ленинград: Искусство. 1945; Он же. Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1953; Он же. очерк жизни, научной деятельности Ч. Валиханова // Простор. 1965. № 7; Он же. Промелькнувший метеор. Роман-трилогия. Алма-Ата: Жазушы. 1967; Забелин И.М. Чокан Валиханов. (Замечательные географы и путешественники). М.: Географиздат, 1956; Бекмаханов Е. Чокан Валиханов – выдающийся казахский просветитель // Учитель Казахстана. 1955. 1 мая; Он же. Присоединение Казахстана к России. М.: Изд-во АН СССР. 1957; Сегизбаев О.А. Ч.Ч. Валиханов – выдающийся казахский просветитель и демократ // Вестник АН КазССР. 1957. № 3; Он же. Исследователь, мыслитель (о Ч. Валиханове). Алма-Ата: Казахстан. 1974; Абдильдин Ж., Абдильдина Р. Чокан Валиханов – великий ученый и мыслитель. Астана: Фолиант. 2015; Илюсизов М.К. Экономические воззрения Чокана Валиханова. М.: Соцэкиз. 1960; Кабдиев Д. Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов. Алма-Ата: Казахстан. 1966; Масанов Э.А. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата: Наука КазССР. 1966; Ивлев Н.П. Находки краеведа. Алма-Ата: Казахстан. 1977; Он же. И оживают биографии. (Записки краеведа). Алма-Ата: Казахстан. 1983; Бегалин С.И. Чокан Валиханов (повесть). М.: Детская литература, 1976; Бейсенова А.С. Исследования природы Казахстана. Алма-Ата: Казахстан. 1978; Она же. Чокан Валиханов – путешественник и географ // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата: Наука. 1988; Марков С.Н. Идущие к вершинам. Алма-Ата: Жазушы. 1982; Мұқтарұлы С. Шокан және өнер: туисінкітмелеген иллюстрациялы ғылыми-публицистикалық кітап. Алматы: Өнер. 1985; Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. Алма-Ата: Жазушы. 1987; Алимбай Н.А. Теоретическая оценка работ Чокана Валиханова по этнической культуре казахов // Чокан Валиханов и современность / Сб. материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1988; Аргынбаев Х.А. Общественная деятельность Чокана Валиханова // Там же: Ерофеева И.В. Проблемы истории присоединения Казахстана к России в научном наследии Ч.Ч. Валиханова // Там же: Исмагулов О.И. Некоторые вопросы исторической антропологии в работах Чокана Валиханова // Там же: Масанов Н.Э. Чокан

Важный вклад в изучение научного наследия выдающегося соотечественника внесли известные ученые республики – академик Академии наук Казахской ССР Р.Б. Сулейменов и профессор В.А. Моисеев¹.

Отметим также монографию доктора филологических наук, профессора О.А. Султаньяева «Публицистика Чокана Валиханова. О языке и художественно-стилевых особенностях публицистических произведений Ч. Валиханова». Если рассматривать с лингвистической позиции – это уникальная монография, актуальность которой до сих пор вызывает интерес у исследователей-чокановедов. В монографии изучаются язык и художественно-стилистические особенности публицистических трудов Чокана Валиханова, рассматриваются вопросы русско-казахских языковых контактов. В одной из статей, посвященных историографии творчества Чокана Валиханова, отмечено: «О.А. Султаньяев в своей книге показывает, что Ч. Валиханов не только прекрасно освоил русский язык, научную терминологию, но и впитал в своем творчестве традиции русской демократической публицистики»². Отметим, что профессор О.А. Султаньяев на протяжении всей творческой жизни занимался исследованием научного наследия Ч.Ч. Валиханова и в 1994 г. успешно

Валиханов об этногенезе казахского народа // Там же: Муканов М.С. Труды Чокана Валиханова в исследованиях А.Х. Маргулана // Там же: Хафизова К.Ш. Чокан Валиханов о китайских грамотах // Там же: Она же. Чокан Валиханов в китайской историографии // Шокан Үәлиханов және XXI ғасырдағы гуманитарлық ғылым: көрнекті қазак ғылыми Ш.Ш. Үәлихановтың 175 жылдығына арналған халықаралық ғылыми-практикалық конференция материалы. Алматы: Тарих тағызымы. 2010: Она же. Чокан Валиханов и Китай // Қазақстан мұрағаттары. 2010. № 4 (16); Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Вест. ст. и примеч. д-ра юрид. наук. проф. С.Ф. Ударцева. Алматы: ВШП «Әділет», 1999; Стрелкова И.И. Валиханов. М.: Молодая гвардия (Жизнь замечат. людей: сер. биогр.), 2004: Бейсенбайұлы Ж. Шокан. Алматы: Қазақстан, 2009: Он же. Чокан Валиханов. Историко-биографическое повествование. Астана: Фолиант. 2015; Анваров А. История изучения Восточного Туркестана английскими и индийскими путешественниками (1812–1900 гг.). Алматы: Мир, 2013.

1 Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Выдающийся казахский ученый, просветитель-демократ (к 150-летию со дня рождения Чокана Чингисовича Валиханова). Алма-Ата: Общ-во «Знание» Казахской ССР, 1984; Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Чокан Валиханов – востоковед. Алма-Ата: Изд-во Наука КазССР. 1985.

2 Егоров В.Л. Чокан Валиханов в современной историографии // История СССР. 1987. № 3. С. 105.

защитил докторскую диссертацию на тему «Русская и казахская лексика и фразеология в произведениях Чокана Валиханова».

В 2009 г. была переиздана монография С. Зиманова и А. Атишева «Политические взгляды Чокана Валиханова», впервые опубликованная в 1965 г. в Алма-Ате. Она посвящена политическим взглядам Чокана Валиханова и его связям с революционными и демократическими кружками России, отношению к государственной политике царизма на окраинах империи¹. В том же году вышел очерк «Чокан Валиханов в Санкт-Петербурге» петербургских исследователей М.Ш. Мусиной и Б.Н. Тихомирова. Авторы использовали разнообразные источники, в том числе материалы Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского, Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Российской национальной библиотеки, Научной библиотеки Томского государственного университета и др. На сегодняшний день это наиболее полный очерк о жизни и деятельности нашего соотечественника в Санкт-Петербурге. По их мнению, «петербургский период являет собой яркую страницу в биографии Валиханова. Это было время, наполненное интересными событиями, любимой работой, дружеским общением»².

В 2010 г. опубликованы, наконец, труды Ч.Ч. Валиханова на казахском языке. Это синхронный перевод избранных сочинений, приуроченных к 175-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. В 2012–2014 гг. по грантовому проекту научные сотрудники Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова и Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова работали над изданием дополненного и переработанного собрания сочинений Чокана Валиханова в восьми томах. В основу было взято первое пятитомное издание его произведений, вышедшее в 1961–1972 гг. под редакцией академика

1 Зиманов С. Общественно-политические воззрения Ч. Валиханова. М. Сералина. Алматы: Арыс, 2009.

2 Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 62.

А.Х. Маргулана¹. В 2013 г. кокшетаускими коллегами издана энциклопедия, посвященная Ч.Ч. Валиханову². В серии «Великие путешествия» вышло в печать эксклюзивное издание «Чокан Чингисович Валиханов. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль»³. По мнению составителей серии, «основу данной книги составили отчеты о главных путешествиях Чокана Валиханова. С 1856 по 1859 годы молодой офицер принял участие в трех больших экспедициях. Первая – на озеро Иссык-Куль, вторая – в китайский город Кульджа. И наконец, самое знаменитое путешествие <...>, вошедшее в анналы не только отечественной, но и мировой географической науки, в страну Шести городов, древнюю и неприступную Кашгарию»⁴.

Нельзя не упомянуть прямых потомков Чокана Валиханова, внесших вклад в дело пропаганды наследия выдающегося ученого и просветителя. Один из потомков Чокана, Эдиге Жансултанович Валиханов (1945–2012), историк, работавший заведующим отделом Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, в одном из интервью говорил: «Комплексное изучение наследия Ч. Валиханова с позиций современной научной мысли, современной методологии, современной социологии, антропологии, политологии позволит нам по новому понять и осмыслить свою историю, свое место в мировой истории. В этом смысле Чокан актуален всегда...»⁵. Другой потомок – Шота-Аман Идрисович Валиханов, внук младшего брата Чокана Макыжана, известен как скульптор, заслуженный архитектор Казахской ССР, Лауре-

1 Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 1. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. 700 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 2. Алматы: Дайк-Пресс, 2012. 632 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 3. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 628 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 4. Алматы: Дайк-Пресс, 2013. 786 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 5. Алматы: Дайк-Пресс, 2014. 268 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2015. 568 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 7. Алматы: Дайк-Пресс, 2015. 344 с.; Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в восьми томах. Т. 8. Алматы: Дайк-Пресс, 2015. 600 с.

2 Шоқан Шыңғысұлы Үәлиханов: Энциклопедия. Қекшетау: «Әрекет» жарнама-баспа компаниясы, 2013.

3 Валиханов Чокан Чингисович. Страна шести городов. Дневник путешествия на Иссык-Куль. М.: Эксмо, 2017.

4 Там же. С. 5.

5 Central Asia Monitor. 20.08.2010.

ат Государственной премии (1990), председатель Республика-канского общества охраны памятников истории и культуры, автор герба Республики Казахстан. Он опубликовал ряд работ, посвященных своему выдающемуся родственнику¹.

Работы исследователей советского периода, занимавшихся наследием Чокана Валиханова, отражают, безусловно, эпоху, связанную с марксистско-ленинской идеологией, которая не могла не внести корректизы в работы ученых. В схеме советских авторов действительно прогрессивным деятелем мог выступать, прежде всего, революционер, борец за свободу угнетенных. Чокан Валиханов не был исключением.

В свое время не обошли вниманием деятельность Чокана Валиханова и зарубежные исследователи. Известный своими публикациями по зарубежной историографии истории Казахстана профессор К.Л. Есмагамбетов изучал труды зарубежных ученых, посвященные научному наследию Ч.Ч. Валиханова².

Так, в 1862 г. А. Эрман и А. Петерман на немецком языке опубликовали статью Ч.Ч. Валиханова «Очерки Джунгарии»³ из Известий Императорского Русского географического общества. В 1865 г. англичане Д. и Р. Митчелл публикуют статьи о русских путешественниках, в том числе о Ч.Ч. Валиханове⁴.

В 1878–1879 гг. статья известного французского географа и социолога Э. Реклю о Ч.Ч. Валиханове, как ученом и путешественнике, вошла в 19-томную французскую Всеобщую географию «La Nouvelle géographie universelle», где он упоминается наряду с другими русскими учеными, кото-

1 Валиханов Ш.И. Белые ночи Чокана. Семей: Международный клуб Абая. 2005.

2 Есмагамбетов К. Шетел ғалымдары жөнінде // Жатын. 1994. 11 желтоқсан: Тарих таңдақтары. Кітап 1. Алматы: «Арыс» баспасы. 2008. 111–112 бет.; Егемен Казакстан. 2010. 10 караша.

3 Ost-Turkestan oder die chinesische Provinz NanLu. Nach dem Rossischen von Wali-chanow // Archiv für wissen schaftliche Kunde von Russland / hrsg. v. A. Erman. Berlin. 1862. Bd. XXI. P. 605–638.

4 The Russians in Central Asia: their occupation of The Kirghiz Steppe and the Line if the Syr-Daria: Their Politically Relations with Khiva, Bokhara, and Kokan: also Descriptions of Chinese Turkestan and Dzungaria. By Capt. Valikhano. M. Veniukoff, and other Russian travelers. Translated from the Russian by John and Robert Michell. London. 1865.

рые внесли вклад в исследование Кашгарии, или Восточного Туркестана¹.

В 1960 г. канадский профессор Р. Пирс в своей книге о Центральной Азии также упоминает Чокана Валиханова².

Свое мнение высказывали и американские ученые: профессор С.А. Зеньковский причислял Чокана к западникам, в целом высоко оценивая его демократические взгляды³, а доктор Э. Бэкон писала, что Чокан Валиханов через русскую литературу впитал западные идеи и был своеобразным культурным мостом между русскими и казахами⁴. Чокану Валиханову в своих работах уделяет внимание и американский исследователь А. Халид⁵.

Специалист по Центральной Азии профессор Эдвард Оллворс в своих работах делает вывод, что Чокан был приверженцем джадизма⁶, и подчеркивает его первенство в сборе материалов о казахской степи⁷. Профессор Колгейтского университета М.Б. Олкотт в книге «Казахи» назвала Чокана Валиханова «выдающимся казахским этнографом»⁸.

Интересные мысли по мировоззрению Чокана высказывал М. Фютлер⁹. В 1989 г. посвятил специальную статью Чокану Валиханову в журнале «Central Asian Survey» профессор Эморийского университета К. Маккензи. Он писал о вкладе Ч.Ч. Валиханова в изучение народов и культур

1 Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география: девятнадцать томов в десяти книгах. Кн. 4. Т. 6: Азиатская Россия; 7: Восточная Азия: Китайская империя. Корея. Япония. СПб.: Издание т-ва Общественная польза и К., 1895. С. 296.

2 Pierce R.A. Russian Central Asia. 1867-1917. A Study in Colonial Rule. Berkley-Los-Angeles: University of California Press. 1960. 359 p.

3 Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press. 1960. 348 p.

4 Elizabeth E. Bacon Central Asians under Russian rule. A study in culture change. New York: Cornell University Press. 1966. 273 p.

5 Khalid A. The politics of Muslim Culture reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley: University of California Press. 1995. 355 p.

6 Allworth E. Central Asia. 120 years of Russian Rule.-Durham. London: Duke University Press. 1999. 615 p.; Allworth E. Changing Intellectual and Literary Community // Central Asia: A Century of Russian Rule / E. All worth (ed.). New-York-London: Columbia University Press. 1967. P. 349-396.

7 Allworth, Edward, ed. Central Asia: A Century of Russian Rule. New York: Columbia University Press. 1967. P. 349-396.

8 Olcott M.B. The Kazakhs. 1st ed. Stanford: Hoover Institution Press. 1987. P. 19.

9 Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Shokan Valikhanov) // The Slavonic and East European Review. 1979. Vol. 57. № 1. P. 16-31.

Центральной Азии, считая его великим мыслителем своей эпохи¹.

Ученый из США В. Хостлер пишет, что Чокан закончил кадетский военный корпус, был другом Ф.М. Достоевского и большим поклонником русского либерализма и Запада в целом. Однако после окончания русской службы, по мнению В. Хостлера, патриотизм (или национализм) Ч. Валиханова яростно развился, и его прорусские идеи рассеялись, так как он видел реальную ситуацию в степи. Также он отметил его как первого собирателя кыргызского эпоса «Манас»².

В 2011 году в Мичиганском университете Яном Кэмпбеллом была защищена PhD диссертация на тему «Знания и власть в казахской степи, 1845–1917», в которой вторая глава «Мы находимся в наиболее транзитном состоянии: Ч. Валиханов, М.С. Бабаджанов и неопределенности казахскости 1850–1871», объемом в 72 страницы, посвящена подробнейшему анализу жизни и деятельности двух представителей казахской элиты XIX века. Основной акцент автора приходится на размышления об идентичности двух казахских интеллектуалов и двух миров, что выстраивается вокруг столичных центров, русских городов-крепостей и казахского номадического пространства³.

О Валиханове мы также можем найти данные в трудах Хавьер Халез и Дениз Болгамыш⁴. В целом отметим, что в дальнем зарубежье англоязычные и франкоязычные исследователи с уважением относятся к наследию Чокана Валиханова. В их числе французский историк Г. Имар⁵, профес-

1 MacKenzie K. Chokan Valiyanov: Kazakh Princelling and Scholar // Central Asian Survey. 1989. № 8. P. 1–30.

2 Hostler W.C. The Turks of Central Asia. London. 1993. P. 99.

3 Ian Wylye Campbell Knowledge and Power on the Kazakh Steppe. 1845–1917. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (History) in the University of Michigan 2011 Ссылка доступна http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/86561/icampbel_1.pdf?sequence=1&isAllowed=true

4 Xavier Hallez G.N. Potanin et l'intelligentsia kazakhe: entre politique et traditions orales». Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le monde Turco-Iranien. № 34. 2002. P. 13–40; Balgamis. Ayse Deniz Ph.D. The Origins and Development of Kazakh Intellectual Elites in the Pre-Revolutionary Period. The University of Wisconsin-Madison. 2000. 259 p.

5 Imart G.G. Kirghizia-Kazakhstan: A Hinge or Fault-Line? // Problems of Communism. Washington. 1990. Vol. XXXIX. № 5. P. 4.

сор Каролинского университета С. Сабол¹, американский ученый П. Роттиер² и др.

В 2010 г. в селе Сырымбет Айртауского района Северо-Казахстанской области, где находятся мемориальный музей Чокана Валиханова и усадьба его бабушки Айганым и отца Чингиза, побывал директор отдела культуры Азии Смитсоновского института в Вашингтоне доктор П. Тейлор, с целью сбора материалов для выставки на сайте своего института в рамках казахстанского культурного фестиваля в США.

Анализу формирования поземельных отношений среди казахов и роли семьи Валихановых посвящена статья Вирджинии Мартин «Казахские Чингизиды, земля и политическая власть в XIX веке: кейс-стади Сырымбет»³.

Изучение научного наследия Ч.Ч. Валиханова имеет место и в китайской историографии. В своем выступлении на международной научной конференции в г. Алматы в 2010 г., посвященной 175-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова, профессор К.Ш. Хафизова отметила, что впервые к научному наследию Чокана Валиханова обратились историки КНР в период «культурной революции» и обострения советско-китайских отношений, что не могло не отразиться на их выводах. Примером может служить посвященная Чокану Валиханову статья под названием «Первый царский шпион в Южном Синьцзяне», опубликованная в журнале «Шицзе лиши» (Всемирная история)⁴. Профессор К. Хафизова в своем докладе также привела примеры того, как китайские исследователи, освещая деятельность иностранных путешественников, называли их «иностранные дьяволы», «заморские черти в китайском Синьцзяне», «грабители китайских культурных сокровищ», «заморские бандиты» и т. д.

1 Sabol S. Russian Colonization and the Genesis of Kazak National Consciousness. Palgrave-Macmillian. 2003. 233 p.

2 Rottier P. The Kazakness of sedentarization: promoting progress as tradition in response to the land problem // Central Asian Survey (March. 2003). 22(1). P. 67 -81.

3 Martin V. Kazakh Chinggisids. land and political power XIX century: a case study of Syrymbet // Central Asia Survey. Vol. 29. No.1. March 2010. P. 79-102.

4 Хафизова К.Ш. Чокан Валиханов в китайской историографии // Сб. материалов Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука. 1988. С. 79.

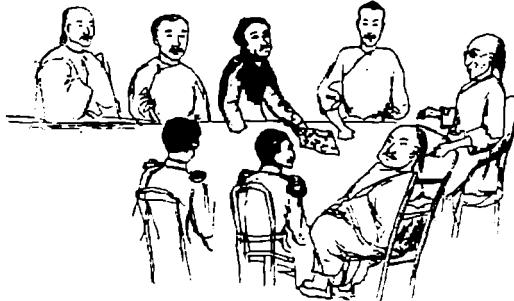
Следовательно, «Валиханова китайские ученые поставили в один ряд с европейскими учеными, вывезшими из Западного Китая бесценные культурные сокровища: редкие рукописи, настенные фрески, скульптуры, монеты и т. п.»¹. Как считает К.Ш. Хафизова, «полностью игнорировать имя Чокана все же было невозможно, кое-что из его трудов переводилось на китайский язык для служебного пользования и для библиографических списков»².

Отмечая заслуги исследователей, внесших вклад в составление биографии Ч.Ч. Валиханова, уточнение списков его научных трудов и издание полного академического собрания сочинений и воспоминаний современников, нельзя не упомянуть и о деятельности мемориальных музеев, где собраны уникальные вещественные и рукописные материалы нашего соотечественника. Немногочисленные вещественные материалы, принадлежавшие, по легендам, лично Чокану Валиханову, сосредоточены в Центральном государственном музее РК, а их копии – в мемориальных музеях: в музее-усадьбе Валихановых (село Сырымбет Айртауского района Северо-Казахстанской области) и в музее Ч.Ч. Валиханова «Алтын-Эмель» (село Шокан Кербулакского района Алматинской области).

---

1 Там же. С. 51.

2 Там же. С. 55.

ГЛАВА II

Степные аристократы на русской службе

2.1. Семья Валихановых. Служебная и общественная деятельность полковника Ч.В. Валиханова

Чокан Чингисович Валиханов происходил из известных в казахской степи потомков чингизидов. Он был правнуком великого казахского хана Аблая (1711–1781), который еще в 1740 г. принял российское подданство. Поэтому большинство его потомков, за исключением Кенесары хана (1802–1847) и некоторых других соплеменников, связали свою судьбу с Россией, ее историей и культурой. Так, один из тридцати сыновей хана Аблая – Вали (1741–1819) в 1781 г. был торжественно утвержден ханом Среднего жуза. У него было две жены, от старшей родился Губайдулла, который был признан ханом по законам степи, а от младшей жены – Чингис. В силу противостояния царскому правительству, Губайдулла не был утвержден ханом, находился в оппозиции, впоследствии его сослали в ссылку, а Чингис Валиханов верно служил русскому императору. Отметим, что со временем вхождения Казахстана в состав империи российское

правительство намеренно проводило курс на ликвидацию ханской власти в Степи. Этому способствовали смерть хана Бокея в 1817 г. и кончина хана Среднего жуза Вали в 1819 г. Было принято решение воспользоваться уходом из жизни известных казахских ханов и упразднить ханскую власть в Казахской степи и впредь не назначать новых ханов.

В 1822 г. был утвержден «Устав о сибирских киргизах» (здесь и далее. – казахах), разработанный М.М. Сперанским. Согласно этому Уставу, территория кочевий Среднего и части Старшего жузов, получившая название Область Сибирских киргизов, вошла в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром управления вначале в Тобольске, а с 1839 г. – в Омске. Для управления местным населением, проживавшим на территории современных Северо-Казахстанской, Акмолинской, Павлодарской, части Костанайской, Карагандинской и Восточно-Казахстанской областей, было организовано Пограничное управление сибирских киргизов. Казахские аулы, попавшие под новое управление, объединялись в волости, а последние составляли округа. Царские чиновники старались учитывать традиционную родоплеменную структуру казахского социума, «хотя акцент постепенно смешался в сторону территориальных принципов административной организации»¹. Во главе окружного управления или приказа стоял старший султан (ага султан), обычно в чине подполковника, и заседатели – двое от русских и двое от казахов. Члены приказа от казахов были выборными, но окончательно утверждались областным генерал-губернатором. В 1836 г. в Омской области насчитывалось 7 внешних округов (Кокчетавский, Аягузский, Акмолинский, Баян-Аульский, Учбулакский, Аман-Карагайский)². В 1854 г. степные округа северо-восточных казахов вошли в две области: Область Сибирских киргизов с центром в Омске и Семипалатинская область с управлением в Семипалатинске.

В дальнейшем, в связи с расширением границ империи на востоке, когда Россия вошла в непосредственное

1 Ремнев А.В. История образования Омской области // Степной край: зона взаимодействия русского и казахского народов (XVIII–XX вв.). Омск: ОмГУ, 1995. С. 10.

2 Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 1630. Л. 44–45.

соприкосновение с Цинским Китаем и среднеазиатскими ханствами, потребовалось приблизить центр управления к тем территориям, которые нуждались, по мнению русских властей, в постоянном военном и административном внимании. В связи с этим, с 1839 г. Омск официально стал центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства, раскинувшего свои границы до Верного (Алматы). С его упразднением в 1882 г., в Омске располагался центр Степного генерал-губернаторства, власть которого распространялась на Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области. Такова была политическая обстановка в Казахстане в XIX столетии, когда на свет появился Чокан Валиханов.

Говоря о генеалогии семьи Валихановых, отметим, что сведения о предках Вали хана были собраны Г.Н. Потаниным: «У Аблая было две зимовки – одна на Ханском озере, к в[остоку] у Kokчетава, одна на Срымбете. Потомки от первой жены Сайман живут и теперь там; дети Айханым [Айганым] – на Срымбете¹. Как пишет А.Х. Маргулан, главная ставка, перешедшая по наследству к Вали хану и его потомкам, находилась на озере Боровом и была известна под различными названиями (Урда, Хан-кон, Ханнын Кзыл-Агаши и т. д.)².

Младшая жена хана Вали – Айганым была для своего времени образованной и дальновидной женщиной. По свидетельству современников, она знала несколько иностранных языков, была в курсе событий, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Санкт-Петербурге, пользовалась авторитетом у соотечественников. По данным П.П. Семенова-Тян-Шанского, «родная бабка по отцу – вдова хана Валия – со своими детьми осталась верной России в то время, когда остальные ее родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнесся к вдове хана Валия и велел выстроить

¹ Научная библиотека Томского государственного университета. Архив Г.Н. Потанина. № 52 ж. Л. 3144.

² Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. 1961. С. 10.

ей в Киргизской степи дом, в котором родился Чокан Валиханов»¹.

О том, насколько важна была персона ханши Айганым для российской администрации, свидетельствует факт назначения к ней специальной охраны из казаков. Атаман Сибирского линейного казачьего войска генерал-майор С.Б. Броневский в 1828 г. в рапорте Омскому областному начальнику писал: «...по поводу оказываемого покровительства ханше Валиевой и старшине Токтамышу Янузакову при кочевьях их с давнего времени содержатся постоянно из отряда, находящегося при Кокчетавском внешнем округе, команды казаков»². В Российском государственном архиве литературы и искусства есть запись, сделанная Чоканом Валихановым: «...19 ноября 1853 года в четверг... во время намаза... скончалась вдова покойного хана Средней Киргиз-Кайсацкой Валия, Айганым, урожденная Саргалдакова, на 70 г. от рождения. Предана [земле]... в пятницу при... 20 человек. Имела 9 сыновей, из которых 2 умерли в детстве, а 2 в 20 летах»³.

В 1811 г. в Сырымбете родился Чингис Валиевич Валиханов (1811–1901) – отец Чокана. Заботясь о судьбе своего сына, вдова хана Вали ханша Айганым обратилась с ходатайством о принятии его в Омское училище, и в начале 1831 г. он был принят в Азиатскую школу переводчиков при училище Сибирского линейного казачьего войска, где проучился до 1834 г. Об этом свидетельствует просьба Айганым в Кокчетавский окружной приказ о принятии ее сына в Омскую школу переводчиков, чтобы он мог «по-российски читать и писать»⁴.

Со времени вхождения Казахстана в состав Российской империи привлечение на российскую службу потомков чингизидов было весьма привлекательно для царской администрации. В 1829 г. в Омск из Министерства иностранных дел поступило письмо вице-канцлера К.В. Нессельроде, где, в частности, говорилось: «В местах, сопредельных азиат-

1 Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. М.: Дрофа, 2007. С. 51.

2 ЦГА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 483. Л. 1.

3 Российский государственный архив литературы и искусства [далее – РГАЛИ]. Ф. 115. Оп. 1. Д. 469. Л. 9.

4 ЦГА РК. Ф. 335. Оп. 1. Д. 690. Л. 2.

ским странам, настоит известная необходимость иметь на службе людей с образованием и основательными сведениями в языках восточных, но изучение иных требует столицких пожертвований трудами и временем, что немногие решаются посвятить себя тому. <...> Министерство иностранных дел приемлет в уважение, что между подданными России состоит великое число татар и целые роды киргизов (здесь и далее – казахов. – Ж.Е.), следовательно, по разным частям управления в тех краях нужны люди, знающие языки тамошних обычавтелей, [и] полагает, что для существенных выгод службы должно поощрить молодых людей к изучению восточной словесности»¹.

Азиатская школа при училище Сибирского линейного казачьего войска имела общеобразовательный уклон. Здесь в специальном классе восточных языков для подготовки переводчиков и топографов Чингис получил законченное среднее образование, и был одним из первых казахов, хорошо овладевших русским языком. После окончания училища Чингис Валиханов был назначен старшим султаном Аман-Карагайского окружного приказа, который был открыт 30 августа 1834 г.² Фактически Аман-Карагайский окружной приказ открылся в 1835 г., после строительства жилых и хозяйственных сооружений, и лишь в 1845 г., в связи с переездом Аман-Карагайского округа в Кушмурунскую крепость, округ стал называться Кушмурунским³. В 1834 г. Чингис Валиханов женился на Зейнеп Чормановой и прожил с семьей в Кушмуруне девятнадцать лет, т. е. до 1853 г.

В списке должностных лиц Аман-Карагайского окружного приказа Омской области за 1834 г. Чингис Валиханов числился старшим султаном, заседателями были титулярные советники Батагов и Шубенко, от казахов заседателями числились старшина поручик Язы Янов и старшина Игеней Истемиров, секретарем был коллежский регистратор Тогжулуков¹.

1 Цит. по: Малышева М., Познапский В. Чингис Валиханов как этнограф. собиратель казахской истории // Первые этнографы Казахстана. Алматы: Білім. 2002. С. 14–15.

2 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 317. Л. 79–79 об.

3 Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска / Сост. есаул И.Г. Путинцев. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1891. С. 180.

4 ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1362. Л. 20 об.–21.

В различных официальных документах можно найти свидетельства о служебной деятельности Чингиса Валиханова в должности старшего султана Аман-Карагайского окружного приказа¹. В формулярном списке полковника Чингиса Валиханова записано: «За прослужением 3-х летия и по избрании на место его другого уволен от оной должности. 18 января 1853 г.»². Из этого документа видно, что Чингис Валиевич Валиханов шесть раз подряд избирался и утверждался генерал-губернатором Западной Сибири в должности старшего султана Кушмурунского окружного приказа³. В журнале Пограничного управления Сибирскими киргизами от 2 ноября 1849 г. записано, что губернатор Западной Сибири своим приказом от 22 октября 1849 г. в числе утвержденных на должность старшего султана Кушмурунского внешнего округа упомянул майора Чингиса Валиева⁴.

Отметим, что в формулярном листе Чингиса Валиханова есть данные о присвоении ему воинских званий – майора (8 июня 1838 г.), подполковника (14 августа 1853 г.) и полковника (8 декабря 1855 г.) и о поощрениях за участие в боевых действиях. Процитируем источник: «За личным участием в экспедициях против мятежного султана Кенесары Касымова особенно содействовал успеху наших военных отрядов, за что всемилостивейший награжден золотой медалью на Александровской ленте» (30 декабря 1843 г.) и «орденом Св[ятого] Станислава 2 степени для мусульман установленных» (8 декабря 1855 г.)⁵.

О служебной деятельности Чингиса Валиевича в указанной должности в архивах сохранились некоторые сведения. Так, осталось его прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири от 8 июня 1835 г. за № 2275, где говорится, что «киргизы Аргыновских, Уваковских, Киреевских, Кипчаковских, Кендирагалинских волостей просят моего ходатайства

1 Месяцслов и общий штат Российской империи на 1835. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1835. С. 183; Месяцслов и общий штат Российской империи на 1836. Ч. 2. СПб.: Имп. Академия наук, 1836. С. 290.

2 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 16.

3 Там же. Л. 12–18.

4 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4386. Л. 9 об.

5 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 14–15, 17–18.

о дозволении им отправить на свой счет в Санкт-Петербург к Высочайшему Двору Депутацию, из пяти человек почетнейших из среды их биев вместе со мною; дабы лично повергнуться к стопам Августейшего Монарха и от имени народа означенных волостей засвидетельствовать верноподданническую преданность ко Всероссийскому Престолу и излить благодарность Его Императорскому Величеству, за принятие под Высокое Свое покровительство и открытие в кочевьях их в прошлом 1834 году Внешнего Окружного Приказа под названием Аман Карагайского. О чем Вашему Высокопревосходительству имею честь довести до сведения, покорнейше прошу о исходатайствовании Киргизам Аман Карагайского Округа отправления в Санкт-Петербург означенной депутатации. Старший султан Чингис Валиханов»¹.

По поводу прошения старшего султана Ч.В. Валиханова есть донесение управляющего Омского общего областного управления генерал-губернатору Западной Сибири от 26 ноября 1835 г. за № 4997, где говорится, что «желание народа, изъясненное султаном Валиевым, ничем им не доказано и, следовательно, подвергаясь сомнению, дает повод заключить, что просьба его произошла из собственной прихоти, в том единственном предположении, чтобы воспользоваться подарками и чином, на кои мало имеет еще права, <...> я полагал бы отказать теперь домогательству Валиева [под] благовидным предлогом и не прежде ходатайствовать дозволения отправить депутатию»².

В своем секретном письме управляющему Омской области генерал-губернатор Западной Сибири от 5 декабря 1835 г. писал: «Я покорнейше прошу Вас отклонить под благовидным предлогом домогательство Валиева в том, чтобы возможно смягчить отказ...»³. И все же, Ч.В. Валиханов в составе депутатии был на аудиенции у царя, о чем свидетельствует формулярный список о службе советника от казахов Областного правления Сибирскими киргизами полковника Валиханова, где записано: «С разрешения Его Величества был в С.-Петербурге с депутатией с января по 1 июня 1855 года»⁴.

1 ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1470. Л. 1-1 об.

2 Там же. Л. 3-3 об.

3 Там же. Л. 4.

4 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 17.

Как руководитель местной администрации, Чингис Валиханов уделял внимание обустройству хозяйства и распространению хлебопашества в своем округе. Об этом свидетельствует донесение Пограничного управления сибирскими киргизами от 6 апреля 1848 г., где сообщается, что «старший султан Куш-мурунского округа майор Валиев 17 февраля 1847 г. за № 8 обратился в приказ с просьбой о том, что он намерен выстроить деревянный дом с мечетью и училищем на урочищах по реке Ишиму, Аз nabай Сай и Кызыл Чубар, которые принадлежат тому Округу и никем не заняты...»¹. Рассмотрев вопрос, Пограничное управление сибирскими киргизами, а также волостные управители, старшины, бии и почетные киргизы Кушмурунского округа решили удовлетворить просьбу Чингиса Валиевича и дали свое согласие на строительство деревянного дома, мечети и училища в урочище Кызыл Чубар².

В литературе высказано мнение, согласно которому «прогрессивные устремления отца Чокана наиболее четко оформились после его ухода в отставку и нашли свое яркое проявление во время политического процесса над «сибирскими сепаратистами». В 1865 г. Чингису было предъявлено политическое обвинение, находившееся в прямой связи с распространением в Омском кадетском корпусе прокламации «К патриотам Сибири» и арестом друзей Валихановых – Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Ф.Н. Усова и других³.

Известно, что сибирское областничество как общественно-политическое течение зародилось в 1850-х гг. Ее видными представителями были Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков. Областники считали Сибирь колонией Европейской России и выступали за отмену уголовной ссылки в Сибирь, ликвидацию экономической зависимости от метрополии, открытие университета в Сибири и др.¹

1 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2038. Л. 1-1 об.

2 Там же. Л. 3-4.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 19-20; Он же. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1984. С. 15-16.

4 Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество. 1994. С. 249.

В историческом архиве Омской области (ИАОО) есть дело под названием «О преступных мыслях против правительства, выраженным Султаном полковником Чингисом Валихановым» от 25 августа 1867 г. за № 1868, где говорится: «Возвращая к Вашему превосходительству докладную записку султана полковника Чингиса Валиханова, в которой он выразил преступные мысли против правительства, покорнейше прошу вытребовать его в Омск для личных объяснений¹. По этому документу трудно судить о связи отставного полковника Чингиса Валиханова с сибирскими областниками, но, скорее всего, он сочувствовал им и поддерживал их морально, но не более. Сибирские областники были лишь знакомы Чингису Валиханову, но не близки с ним, поэтому никаких строгих мер по отношению к нему со стороны генерал-губернатора Западной Сибири не было предпринято. Все закончилось устным предупреждением.

Чингис Валиевич Валиханов был разносторонне развитым и деятельным человеком. Он разбирался в вопросах культуры и обычного права, был известен как краевед-энтузиаст, собиратель материалов и коллекций по этнографии казахов. Еще в 1830-х гг. он вместе с родственником Мусой Чормановым (1818–1884) – известным деятелем в казахской степи, старшим султаном Баян-Аульского внешнего округа, впоследствии советником по казахам в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, полковником – записывал поэмы и отправлял их русским ученым-востоковедам. А в конце 1850-х гг. к собиранию казахского фольклора подключился и его сын Чокан.

В 1876 г. полковник Ч.В. Валиханов вместе с сыном Жакупом, работавшим младшим помощником Кокчетавского уездного начальства, отправил в Санкт-Петербург на выставку Третьего международного конгресса ориенталистов предметы национального быта, в числе которых значились: суконный чамдары, вышитый шелком, стоимостью 100 руб.; вышитый аракчин (тахия) стоимостью 50 руб.; лисья шапка (малахай) стоимостью 50 руб.; сабля с портупеей, ружье малого размера; колчан со стрелами и луком; оправленная черным железом плеть; патруска роговая; деревянный футляр

¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 18509. Л. 2.

для часов и др.¹ 13 января 1878 г. Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества обратился с просьбой в вышестоящие инстанции, чтобы часть ценных коллекций, – «имеющие любопытное научное значение, в том числе и предметы, принадлежащие разным лицам Акмолинской области», – отправленных на Третий международный конгресс ориенталистов по согласованию с их владельцами, были бы направлены в Омск для создаваемого Сибирского музея².

Впоследствии, в 1881 г., часть этой коллекции Ч.В. Валиханова из Императорского Русского географического общества была передана в Музей антропологии и этнографии. Но, как отметила в своей книге В.А. Прищепова, из перечисленных выше экспонатов сохранились лишь кожаные ножны, украшенные металлическими пластинами, на которых была этикетка с надписью, что «пшак принадлежал полковнику Чингизу Валиханову из Кокчетавского уезда Акмолинской области»³.

О заслугах Ч.В. Валиханова в области меценатства и популяризации предметов быта казахского народа говорят его высказывания в письме к одному из друзей – художнику, этнографу, археологу Михаилу Степановичу Знаменскому (1833–1892) по поводу приуроченной к Третьему международному конгрессу ориенталистов этнографической выставки в Петербурге в 1876 г.: «Я, к несчастью своему, в настоящее время не имею никаких вещей, которые бы могли обратить взгляд публики, чтобы познакомить с современным и древним бытом людей, населявших область кайсаков (казахов. – Ж.Е.), ибо замечательные и любопытные костюмы древних кайсаков, в особенности бывшего хана, покойного отца моего Валиханова, кольчуга, шлем и прочие были переданы мною приезжавшему сюда в степь с комиссией в 1865 году генерал-майору Гейнсу; другие же не менее любопытные и ценные вещи доставлены были также мною на Московскую выставку, бывшую в 1867 г.».⁴

1 ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6934. Л. 34.

2 Там же. Л. 263–264.

3 Прищепова В.А. Коллекции заговорили: История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб.: МАЭ РАН. 2000. С. 28.

4 Матышева М., Познанский В. Указ. соч. С. 22.

Отметим, что коллекция предметов быта казахов Северного Казахстана, отобранная в 1867 г. Чингисом Валихановым для этнографической выставки в Москве, влилась в фонды Румянцевского музея и насчитывала более сотни наименований. Позднее, в октябре 1867 г., Совет Императорского общества любителей естествознания препроводил в Главное управление Западной Сибири три свидетельства на награды, присужденные обществом, для доставления их по назначению – полковнику Валиханову, его помощникам Майке Сарымсакову и Тунгату Саукенбаеву, привезшим в Москву коллекции, принесенные в дар Валихановым¹. Процесс сбора экспонатов для различных российских выставок свидетельствует об исследовательских способностях Чингиса Валиханова, о неоценимой работе по классификации, этнографическому объяснению, определению ценности различных предметов казахской материальной культуры. В дальнейшем Чингис Валиханов еще многие годы оставался единственным в Северо-Восточном Казахстане «поставщиком» экспонатов для научных учреждений России².

За время работы в Кушмурунском округе Чингис Валиханов часто встречался с разными чиновниками, учеными и офицерами, в числе которых академик А.Х. Маргулан отмечает А.А. Сотникова, А.К. Гейнса, И.И. Ибрагимова, А.К. Крохалева и др. Он консультировал и помогал им в исследовании обычного права казахов, в геодезических изысканиях, в сборе фольклорных и этнографических материалов³. В Кушмурун на встречу с Чингисом Валиевичем приезжали ученые из Академии наук, Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела. В 1840 г. здесь побывал академик А.И. Шренк, интересовавшийся народной поэмой «Козы-Корпеш и Баян-Сулу». Конечно, Ч.В. Валиханов оказал помочь ученому в сборе вещественных коллекций, которые впоследствии попали в Этнографический музей Российской академии наук. В архивных материалах Академии наук сохранилась запись,

1 Там же. С. 22–23.

2 Матышева М., Познанский В. Указ. соч. С. 23–25.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 17.

сделанная в 1856 г.: «...куплено было у доктора Шренка 1) собрание древностей с Алтайских гор и Казахской степи и 2) собрание этнографических предметов казахской [казахских], монгольских и китайских...», и что собрание Шренка включало «чудские древности с Алтая и Жунгаро-Казахской степи»¹.

Омское руководство, зная об общественной деятельности Ч.В. Валиханова, нередко направляло его в числе других подчиненных для сбора материала по казахскому праву и фольклору. Так, в начале 1840 г. полковник М.В. Ладыженский, пограничный начальник над Сибирскими киргизами, приказал ему разработать классификацию фольклорного материала с записями в разных тетрадях текстов казахских песен, сказок, преданий и пословиц, с отдельным учетом надписей на камнях и развалинах старых построек и с фиксированием преданий, связанных с топонимикой².

Российский исследователь Центральной Азии и Сибири Г.Н. Потанин высоко оценивал деятельность Чингиса Валиевича и его близких в оказании помощи местной администрации в управлении казахским населением и русским исследователям в сборе материалов по истории, культуре и этнографии казахов: «В течение не менее полу века омская администрация пользовалась советами и влиянием на степное население этих трех лиц: султана Чингиса, его сына Чокана и его свояка Мусы Чорманова, как самых сведущих в степных обычаях людей. В архивах омских канцелярий, вероятно, найдется немало трактатов и записок о казахском хозяйстве или о киргизских судебных порядках и т. п., составленных Чоканом по собранным им лично данным или написанных под диктовку Мусы. С одной стороны, члены семейства Валиханова были незаменимыми помощниками местных администраторов в управлении областью, с другой – пример этого семейства, преданного русским интересам, не оставался без влияния на верхний класс степного населения, на класс султанов, биев и богатых людей»³.

1 Малышева М.. Познанский В. Указ. соч. С. 18.

2 Там же. С. 17.

3 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича // Из поездки в Кокчетавский уезд // Русское богатство. 1896. № 5. С. 75.

Отмечая заслуги Чингиса Валиханова, как собирателя преданий, сказок, пословиц, поговорок казахов, знатока традиций и обычаяев степняков, нельзя не сказать о том, что он не раз выполнял общественные поручения различных учреждений. Известно, что он помогал Московскому публичному и Румянцевскому музеям в пополнении этнографических экспонатов с описаниями. В июне 1865 г. в Москву был отправлен материал под названием «Сведения, составленные старшим султаном Кокчетавского округа полковником Валихановым, относящиеся к этнографии». Чингисом Валихановым написан очерк «Свадебные обряды у казахов», сведения об условиях сожительства сосватанных молодых людей, когда семья жениха не могла выплатить калым до их совершеннолетия, правила вторичного замужества вдовы¹.

Российские ученые М. Малышева и В. Познанский, исследовав деятельность Чингиса на этом поприще, не без оснований утверждают, что «обнаруженные в последнее время в архивах документы, вышедшие из-под пера Чингиса Валиханова, позволяют внести корректиды в традиционную точку зрения и утверждать, что он не только был сопричастен к исследованиям, проводимым другими учеными, но и был самобытным этнографом»².

В целом служебная деятельность Чингиса Валиханова прошла в соответствии с Табелью о рангах, принятой еще императором Петром I в 1722 г. и просуществовавшей до ноября 1917 г. Согласно Табели о рангах, Чингис Валиханов последовательно получал очередные воинские звания в соответствии с занимаемой должностью. К тому же в Российской империи казахские султаны, находящиеся на государственной службе, по статусу приравнивались к русским дворянам. Этим не мог не воспользоваться и Чингис Валиханов. Архивные материалы свидетельствуют о его просьбе в представлении права на потомственное дворянство.

В историческом архиве Омской области (ИАОО) есть дело «Об исходатайствовании старшему султану Валиеву на дворянское достоинство диплома», где обозначена просьба

1 Малышева М., Познанский В. Указ. соч. С. 21.

2 Малышева М.П., Познанский В.С. Казахский этнограф Чингис Валиханов // Советская этнография. 1991. № 5. С. 70.

Пограничного управления Западной Сибири генерал-губернатору за 1849 г.: «...о исходотайствовании старшему султана Куш-Мурунского округа майору Чингису Валиеву диплома на потомственное дворянство Российской империи»¹. Генерал-губернатор Западной Сибири поддержал просьбу Пограничного управления и отправил документы в столицу, однако из Петербурга пришел указ, отказывающий в представлении дворянского достоинства на том основании, что «не представлено метрических свидетельств о законном происхождении и рождении детей его, Валиева»².

В 1857 г. было направлено новое прошение «об исходотайствовании» султана Чингиза Валиханова на дворянское достоинство. В рапорте генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта в Правительствующий Сенат от 18 мая 1857 г. значится: «... султан Валиханов, по происхождению из ханского рода и по Всемилостивейше пожалованному ему в 1838 году чину майора..., на основании 19 ст. IX т. Зак[она] о прав[е] на потомственное дворянство Российской империи, я приемлю честь представить на благоусмотрение Правительствующего Сената формулярный список и документы Полковника Валиханова, вместе с следующими, согласно 2 прим. к 618 ст. X т. Уст[ава], ...деньгами двести три рубля серебром и ходатайствовать о выдаче ему, Султану, диплома на потомственное дворянство»³.

11 октября 1858 г. на очередное требование Правительствующего Сената о предоставлении метрических свидетельств о рождении детей министр внутренних дел С. Ланский в своем рапорте указал, что «свидетельства о рождении детей султана Чингиса Валиханова, с документами о его происхождении... [Сенат] просил доставить сведения о степени достоверности помянутых свидетельств, а также заменяют ли они метрические сии свидетельства, выдаваемые Магометанскими Духовными правлениями. Вследствие сего я сносился с генерал-губернатором Западной Сибири, который отозвался, что хотя свидетельства о рождении детей султана Валиханова не внесены в метрические книги, выдаваемые

1 ИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2631. Л. 1.

2 Там же. Л. 4.

3 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 1.

из Оренбургского Магометанского Духовного Собрания, но как свидетельства сии подписаны Волостными управлениями и почетными киргизами и утверждены печатью и подписью Ахуна, то, по мнению его, генерал-губернатора, равно как и исправляющего должность военного губернатора области Сибирских Киргизов, <...> онъя должны иметь силу метрических свидетельств, а следовательно, служить достоверным документом родопроисхождения, тем более что недостаток в Киргизской степи духовных лиц Магометанского исповедования и кочевая жизнь инородцев затрудняют правильное ведение метрических книг¹.

Уже в феврале 1861 г. российский герольдмейстер представил полковнику Чингису Валиханову проект герба, где указано: «Герб Валиханова: в червленом поле горноста[е]вый полумесяц. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною. Нашлемник: в червлено[й] одежде рука, держащая серебряный дугообразный меч. Намет червлена[й] с серебром. Гербовое отопление [утопление] объясняет, что полумесяц относится к магометанскому происхождению просителя, нашлемник означает военное звание, горностай напоминает Сибирь»². 28 апреля 1861 г. Министерство юстиции России уведомило герольдмейстера, подготовившего проект герба полковнику Ч. Валиханову, о том, что «...означенные проекты рассмотрены и признаны правильным»³.

В 1853 г. было принято решение «упразднить Кушмурунский окружной приказ и состоявших в оном пять волостей причислить к Кокчетавскому округу» и «взамен упраздненного Кушмурунского приказа открыть новый окружной приказ при месте распоряжения Атбасарской станицы, под названием Атбасарского окружного приказа»⁴. Таким образом, вместо Кушмуруна новым административным центром стала станица Атбасар, расположенная к северо-западу от Акмолинского приказа.

Как считает академик А.Х. Маргулан, Атбасарский округ появился не сразу, а спустя шесть лет, т. е. в 1859 г., и поэтому намеченная на пост старшего сultана кандидатура Чингиса

1 Там же. Л. 4-4 об.

2 РГИА. Ф. 1405. Оп. 59. Д. 375. Л. 2 об.

3 Там же. Л. 5.

4 ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4257. Л. 13-30.

Валиханова отпала¹. Указ государя гласил: «Старший султан Күшмүрүнского округа со дня закрытия приказа вступает в должность советника областного правления Сибирских киргизов, но впредь до особого распоряжения может оставаться в кочевьях своих»².

В июне 1854 г. приказ генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда (1794–1874) оповестил Ч.В. Валиханова о новом назначении: «... бывший старший султан Кош-Муринского окружного приказа подполковник Чингис Валиев [назначен] на вакансию советника от киргиз в пограничное Управление Сибирскими киргизам[и] <...> ... поставить в известность подполковника Валиева с тем, чтобы Г[господин] Валиев немедленно явился бы к отправлению своей обязанности»³. В царской России чиновники давали клятвенное обещание «служить и во всем повиноваться не щадя живота своего до последней капли крови». Клятву на должность советника от казахов Среднего жуза в Пограничное управление Западной Сибири Чингис Валиханов дал 15 сентября 1854 г.⁴

До назначения на новую должность Чингис Валиханов в 1853 г. с семьей покинул Күшмүрун и поселился в Сырымбете (Сырымбетские сопки, покрытые сосновым лесом, расположены к северо-западу от Kokшетауской возвышенности) – в родовой усадьбе своей матери Айганым, где жил в основном зимой, а летом выезжал на кочевку. Об этом свидетельствуют документы Пограничного управления сибирских киргизов, где упоминается докладная записка старшего султана Күшмүрүнского округа Чингиса Валиханова от 3 апреля 1853 г. «о перечислении его с тюленгутами в Kokчетавский округ <...> [Чингис Валиханов] желает занять места прежних кочевок матери его Айганым, а именно уроцища: Каракчилик, Каркаралы и Сары-Озек, занятые 3-х аулов киргиз Андагул Ораз-Баимбетевской волости....». Далее говорится, что «кокчетавский приказ от 28 сентября 1853 г. при № 8127 представил произведенное заседателем Голициным удовлетворение о местах, просимых под кочевку султаном Валиевым

1 Мартулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 14.

2 ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4257. Л. 13–14.

3 ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1687. Л. 2–2 об.

4 Там же. Л. 6–7.

урочищах: Карагалик, Каркаралах и Сары-Озек и его подписку, из коих видно: первого, что бии и киргизы Кочкулинского и Оразовского отделений, кочующие на этих урочищах, с общего согласия уступили Валиеву урочище Каркаралы, а остальные на две равные части разделяют между собою...»¹.

Уместно сказать об истории усадьбы. После смерти мужа хана Среднего жуза Вали в 1821 г. Айганым вместе с сыновьями получила в наследственное владение его бывшую ставку в урочище Сырымбет. Тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич, учитывая, что ханша Айганым одна из первых среди казахской степной знати Среднего жуза приняла российское подданство и взяла курс на сближение с Россией, в августе 1823 г. обратился в Сибирский комитет с просьбой: на основании письма вдовы хана выстроить ей за счет казны небольшой дом и мечеть.

Такой акт признательности и сочувствия ханше нес в себе еще и политический интерес. В связи с учреждением Омской области, П.М. Капцевич рассчитывал учредить первый округ в казахской степи при одном из сыновей покойного хана Вали, рассчитывая таким образом привлечь к оседлости других султанов и подчиненные им роды. 19 декабря 1823 г. прошение генерал-губернатора было рассмотрено Сибирским комитетом, и 28 февраля 1824 г. император Александр I подписал указ «О водворении вдовы хана Вали на избранных ею землях и о строительстве для нее дома и мечети ценою в пять тысяч рублей»².

Вскоре после выхода царского указа началось строительство усадьбы под руководством военного инженера Ермолаева. Однако не все пошло по намеченному плану. По имеющимся архивным документам можно увидеть, на сколько лет затянулось строительство дома, мечети и надворных сооружений. Ханша Айганым, конечно, следила за ходом строительства, и в одном из писем от 21 мая 1825 г. к сенаторам, ревизирующим по заданию императора Западную Сибирь, сообщала, что получила копию указа Правительствующего Сената об отводе ей земель из Атагаевской,

¹ ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2729. Л. 1.

² ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 422. Л. 1.

Худайбердинской, Уваковской и Киреевской волостей. При этом она писала: «...никакого удовлетворения я еще не получила, да и полагаю, что ассигнованная сумма на построение мне мечети и дома не совсем еще употреблены»¹. Далее она просила отправить её на аудиенцию к императору, где она желала бы высказать свои просьбы относительно управления казахским краем. В частности, ханша предлагала избирать в волостные управители только султанов ханской крови «дабы не управляли ...волостями люди простого происхождения, а равно не были пропускаемы на наши места русские люди для рыбного промысла». При этом она заверяла: «...какая бы воля не последовала на сии просьбы от Государя Императора... обязуюсь исполнять в полной мере»².

Усадьбу ханши строили военные рабочие из Кокчетавского приказа. Уже к концу года были готовы мечеть и жилой дом, куда со своей семьей переселилась ханша Айганым. В одном из писем полковника Чингиса Валиханова на имя генерал-губернатора Западной Сибири А.П. Хрущова сообщалось, что «на отведенных ей (Айганым. – Ж.Е.) местах был построен дом и мечеть в 5000 руб.»³.

Поскольку от утвержденной сметы оставались еще средства, Айганым просила пристроить к дому гостиную комнату для приема посетителей, построить баню, двор с сарайми и училищный дом с комнатой для учителя. Также требовалось оштукатурить стены внутри дома, выложить еще две печи – голландскую и русскую с очагом, приделать к 15 окнам ставни и повернуть фасадом в надлежащую сторону не по правилам поставленную мечеть⁴. Областное руководство с пониманием отнеслось к замечаниям ханши Айганым и обязалось выполнить все её просьбы. Но дело застопорилось, поскольку рабочие уже были сняты с этого объекта, от сметы осталось совсем мало средств, а поручик Ермолаев, отосланный по делам, вскоре умер.

Областное управление Западной Сибири в своих документах по поводу строительства усадьбы Валихановых за-

¹ Там же. Л. 25 л. 29.

² Там же.

³ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Л. 9300. Л. 149.

⁴ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Л. 422. Л. 35–36.

фиксировало, что на устранение недостатков и возведение новых построек требуется 4034 рубля и 11 1/4 коп.¹ Судя по переписке, которую вели Областное управление Западной Сибири с Кокчетавским внешним округом и генерал-губернатором по этому вопросу, устранение недоделок было отложено, как и строительство новых помещений усадьбы, до изыскания денежных средств. Затянувшееся строительство, в конце концов, окончилось, и 16 апреля 1835 г. в одном из донесений генерал-губернатору Западной Сибири отмечалось, что «возведенные при доме ханши Валиевой здания постройкою уже кончены»².

По сведениям волостных управителей, биев и старшин Кушмурунского внешнего округа от 29 июня 1850 г., до прибытия в Сырымбет у старшего султана, майора Чингиса Валиевича и его жены Зейнеп Чормановой родились сыновья Чокан, Якуб, Махиджан и Махмуд, дочери Бабыгуль-Джамал, Рахия и Нурида³. Остальные дети – Сакып-Керей (Козыке), Апия и Нурмухамед родились в Сырымбете⁴. В ряде публикаций есть сведения о братьях Чокана. До нас дошло письмо отца Чокана Чингиса Валиевича от 19 сентября 1860 г., где он интересовался обучавшимся в Петербурге Макы (младший брат Чокана), просил передать его фотографию, а также сообщал, что у Якуба (второй сын Чингиса после Чокана) родился сын, которому дали имя Жан-Мухаммед⁵.

Уместно привести мнение Д. Доссараева, побывавшего в 1949 г. в Сырымбете и интересовавшегося Валихановыми: «Шоқанның өмірін жақсы білетін кейбір тұыстарының, естіген-білген адамдармен айтуы бойынша мынадай әңгімелерді жазып алдыым <...> Ыдырыс Макиннің айтуды бойынша Шыңғыс Үәлихановтың 6 ұлы, 4 қызы болады. Ұлдары: Шоқан, Жақып, Мақы, Махмет, Сақыпкереі, Коқыш»⁶.

1 Там же. Л. 36.

2 Там же. Л. 50.

3 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 22–23.

4 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 13.

5 Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 102–103.

6 Доссараев Ж. Шоқан Үәлиханов туралы есте қаған әңгімелер (Тапсырган Казак ССР ғылым Академиясының мүші-корреспонденті А.Х. Марғұлан) // Вестник АН Казахской ССР. 1950. № 9 65 . С. 73: 75.

О детях Чингиса Валиханова оставил свои впечатления Г.Н. Потанин, посетивший аул султана. Он так описывал внешний вид, одежду и основные черты характера братьев Чокана: «Когда наши телеги переехали реку и поднялись на террасу, из дверей юрты вышел прилично одетый мужчина лет около сорока, красивой наружности, с важной осанкой и меланхолическим взглядом; это был Кокуш. Он был одет почти по-европейски, на нем было летнее платье; пиджак и узкие панталоны; только красная фреска придавала его фигуре вид мусульманина»¹. Далее Г.Н. Потанин писал: «Через несколько минут из другой юрты пришел Якуб, старший сын султана Чингиса, и разговор оживился. Якуб был одет совершенно в такой же костюм, как и Кокуш. Это, очевидно, была киргизская мода конца XIX столетия»².

В ИАОО хранится формулярный список о службе младшего помощника Кокчетавского уездного начальника султана Джакупа Чингисовича Валиханова за 1875 г., где сообщается, что он магометанского вероисповедования, ему 38 лет, он не обучался в учебных заведениях, не имеет чинов, награжден серебряной медалью на Аннинской ленте и золотой медалью на Станиславской ленте для ношения на груди. Женат на Ману и Айсаре. Дети от первой жены: сын Махмед (9 лет) и дочери – Шавуя (8 лет), Биби Фатима (4 года), Зубайра (3 года), Газиза (1 год). Приказом военного губернатора области Сибирских киргизов от 5 декабря 1868 г. за № 66 определен младшим помощником Кокчетавского уездного начальника с 1 января 1869 г.³ Генеалогия потомков Якуба составлена в книге «Казахские ханы и их потомки»⁴.

Увидел Г.Н. Потанин в ауле Валихановых также Махмуда и Макы, младших братьев Чокана: «Я познакомился с остальными двумя сыновьями султана Чингиса. Один из них – Махмуд... <...> Я сделал ему визит, и мы потом очень часто виделись. Мне было очень приятно с ним познакомиться, так как он прекрасно говорил по-русски. Султан Махмуд кончил

1 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... . С. 68.

2 Там же. С. 69.

3 ИАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 10023. Л. 440–441; Ф. 3. Оп. 8. Д. 13241. Л. 105–106.

4 Табулдин Г.Ж., Омурзаков Р.К., Оловинцев А.Г. Казахские ханы и их потомки. Кокшетау: Мир печати. 2013. С. 191.

курс, как и Чокан, в кадетском корпусе, учился потом немногого в Петербурге, служил на военной службе, дослужившись до чина поручика, вышел в отставку и теперь живет в степи, кочует и занимается сельским хозяйством...»¹.

О Макы он пишет следующее: «Маке верхом на лошади выехал нам навстречу. Его юрта стояла в нескольких саженях от усадьбы, на окраине березовой рощи. Маке получил образование в школе глухонемых в Петербурге на Гороховой улице (он глухонемой), потом служил в разных канцеляриях в Петербурге и Омске (в Петербурге он пробыл одиннадцать лет), так что из всех сыновей султана Чингиса он был самый обруслый. Мне говорили, что, когда он наезжает зимой в Кокчетав, в русском клубе его принимают как приятного гостя; его любят там за общительный характер и галантное обращение. К сожалению, я не владею искусством говорить знаками с глухонемыми и потому не мог ближе сойтись с Маке, но когда я ехал из Кокчетава разыскивать аул Валихановых, я думал, что если я с кем из четырех живых братьев заведу наиболее откровенные связи, то именно с Маке»². О том, как Макы оказался в Санкт-Петербурге, есть информация в ходатайстве от 6 апреля 1855 г. председателя Сибирского комитета князя А. Чернышевского перед царем об определении Макы в училище глухонемых: «Старший из членов прибывшей в С.-Петербург депутации от киргиз-кайсаков Средней орды советник областного правления сибирских киргизов подполковник султан Чингис Валиханов привез сына своего Абул-Макаджана, 10 лет от рождения, и просит определить его в училище глухонемых для воспитания на [за] счет казны <...> имея в виду, что у султана Валиханова нет в С.-Петербурге ни родственников, ни знакомых, я имею счастье испрашивать высочайшее разрешение: попечение о его сыне, когда он поступит в училище глухонемых, возложить на управляющего делами Сибирского комитета»³.

Макы учился в Петербургском художественном училище глухонемых с 1855 по 1864 гг., затем до 1866 г., как

1 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... С. 75.

2 Там же. С. 76.

3 Ходатайство кн. А. Чернышева перед царем об устройстве сына Чингиса Валиханова Макы в Петербургское училище глухонемых // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1965. С. 179–180.

отмечал Г.Н. Потанин, служил в различных учреждениях Санкт-Петербурга. По возвращении из столицы Российской империи работал заведующим канцелярией в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве, переводил документы с русского на казахский, и наоборот. Любил читать художественную литературу и рисовать. По воспоминаниям М. Асфандияровой, правнучки Сакып-Керея (Козыке), ее родители видели нарисованные Макыжаном пейзажи, портреты матери, братьев и других родственников. Увлекался он декоративно-прикладным искусством. Выполненные им изделия демонстрировались на выставке III Конгресса ориенталистов в 1876 г. в Петербурге. Как вспоминает Магмурда Асфандиярова, у ее матери сохранились несколько его деревянных шкатулок разных размеров с ажурным казахским орнаментом, а палисандровый ящик с двойным дном, сделанный Макы, хранится у его внука Шоты Идрисовича Валиханова – заслуженного архитектора Республики Казахстан. Кроме того, сохранились выполненные самим Макы орнаментальные аппликации и фотографии вышитых по его эскизам полотен¹.

Также у М. Асфандияровой есть некоторые сведения о братьях Чокана – Махмуде и Сакып-Керее (Козыке) и сестре Нуриде². Известно, что к Махмуду в урочище Сырымбет приезжали в гости инженеры и члены географического общества из Петербурга и Омска. Часто бывал у него друг по кадетскому корпусу – учредитель Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, историк Сибирского казачьего войска, краевед, генерал-лейтенант Георгий Ефремович Катанаев (1848–1921). Именно Махмуд в 1906 г. передал в Императорскую публичную библиотеку (ныне – Российская национальная библиотека) в Санкт-Петербурге письмо Ф.М. Достоевского, написанное Чокану в 1856 г. Близкие и знакомые отмечали его богатую личную библиотеку, состоящую из классиков русской и зарубежной литературы. После выхода в отставку Махмуд поселился недалеко от имений отца и занимался сельскохозяйственными работами. Нередко брату Чокана

1 Асфандиярова М. Круг близких Чокана // Вести Казахстана. 1995. 1 августа.

2 Там же.

приходилось вставать на защиту интересов малоимущих, за что он, считаясь неблагонадежным, находился под надзором полиции. От ареста выручал его однокашник по кадетскому корпусу Г.Е. Катанаев. Когда Махмуд умер, газета «Казах» от 22 февраля 1916 г. опубликовала некролог, в котором были отмечены его заслуги перед народом, а также упоминались родители, воспитавшие столь талантливых и справедливых детей.

Сын Чингиса Сакып-Керей (Козыке)¹ был также одарен от природы – своими стихами и мелодиями он буквально очаровывал родных и знакомых. По воспоминаниям его дочери Белыгул-Жамал, матери отца М. Асфандияровой, Козыке часто брал с собой на прогулку в лес, горы и приозерные камыши уроцища Сырымбет своих и аульных детей и играл им на кобызге, сыйызгы (свирели из камыша) и домбре. Среди его произведений особенно известна песня «Қозыкенін аманаты», посвященная памяти брата Чокана. Согласно народной молве, Козыке был дружен с известным в степи певцом Аканом серэ, который вдохновенно исполнял его песни и музыкальные произведения. Козыке ушел из жизни в молодые годы, оставив в памяти народа свои восхитительные песни и мелодии. По словам М. Асфандияровой, все его песни наизусть знал ее отец, который исполнял их на пианино, аккордеоне и гитаре. К сожалению, до сих пор музыкальное наследие Козыке не стало объектом исследования у казахстанских музыколов.

Как вспоминает М. Асфандиярова, из всех сестер Чокана выделялась Нурида – она была отчаянна и отважна. С детства девочка мастерски и ловко ездила верхом, как говорят казахи, «играла на ушах лошади». Смело могла управляться и с ядовитыми змеями. При случае могла усмирить и пристыдить буйную компанию мужчин. Ее также отличала природная красота: фигура, высокий рост, длинные косы до пят, узкое лицо с большими карими глазами, прямой нос и чистая белая кожа лица. Поведение девушки отличало ее от других братьев и сестер. Об этом свидетельствует история любви Нуриды к Садвокасу – племяннику матери Зейнеп, сыну Мусы Чорманова. По иронии судьбы, Нурида впервые

¹ Табулдин Г.Ж., Омурзаков Р.К., Оловинцев А.Г. Указ. соч. С. 189.

увидела его в день сватовства к ней другого, нареченного жениха, но влюбившись в Садвокаса с первого взгляда, не могла скрыть своих чувств. Родители Садвокаса, не ожидавшие такой выходки со стороны дочери их сестры, вначале сдержанно отнеслись к молодым, но подкупающая открытость и искренность чувств Нуриды к возлюбленному все-таки снискали благосклонность родственников и, в конце концов, их женили.

Об урочище Сырымбет, одном из красивейших мест Северного Казахстана, и усадьбе Валихановых, где прошло детство Чокана, остались свидетельства современников. «Усадьба султана Чингиса состоит из большого барского дома с тремя флигелями, амбарами и мечетью. В главном доме зимой помещается султан Чингис с семьей младшего сына Кокуша, во флигелях – Маке, разведенная жена Якуба с его детьми (бывшая сначала женой Чокана) и мулла. Усадьба расположена на открытой площадке, над которой с востока возвышается гора Сырымбет, покрытая на этой стороне сосновым лесом, с запада большая березовая роща отделяет усадьбу от большого озера, воды которого видны между стволами берез»¹, – писал Г.В. Потанин.

Семья Валихановых обустраивала свою усадьбу посадкой новых пород деревьев. Чокан вместе с отцом заложил березовую аллею. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) есть «Дело о запрещении казакам З батальона Сибирского линейного казачьего войска порубки леса на урочище Сырымбет, принадлежащей султану Ч.В. Валиханову»². Из содержания дела видно, что советник от казахов при областном правлении подполковник Чингис Валиханов обращается к своему руководству с жалобой на незаконную вырубку строевого соснового леса (1700 сажен) казаками Сибирского линейного войска и просит о принятии мер по недопущению подобного³. Просьба была удовлетворена – генерал-губернатор Западной Сибири, генерал от инфантерии Г.Х. Гасфорд отдал приказ впредь не совершать порубки соснового леса⁴.

1 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... . С. 76.

2 ЦГА РК. Ф. 345. Оп. 1. Д. 1934.

3 Там же. Л. 1-2.

4 Там же. Л. 18-18 об.

В 1831 г. в усадьбе Сырымбет начали заниматься хлебопашеством. Для этого ханша Айганым просила прислать ей необходимые семена, земледельческие орудия и опытного человека для «показания», что и как делать. Омский областной начальник выделил средства на покупку четырех сох, восьми борон, 12 серпов, 40 пудов ржи. Наряду с этим, в усадьбу был послан казак Антон Лычагин с заданием – найти недалеко от поселения пригодный для хлебосеяния участок, «поднять» четыре десятины целинной земли и засеять их с помощью местных казахов озимыми. Все это было выполнено в трех верстах от дома. Кроме того, Айганым просила поставить в усадьбе ветряную мукомольную мельницу и исправить недоделки в доме и мечети. Судя по архивным материалам, в 1835 г. «для постройки мукомольной мельницы для ханши Валиевой» было заготовлено «лесу 165 штук» и выделено 60 руб.¹

Офицер Генерального штаба, генерал-лейтенант, действительный член Императорского Русского географического общества, Императорского Общества любителей естествознания и этнографии А.К. Гейнс (1833–1893) писал: «Зимовка Чингиса лежит от настоящего места кочевки в десяти верстах. Две живописные горы, покрытые бором, закрывают его усадьбу; пронесвшись по каменистому подъему и спуску, мы увидели несколько домиков во вкусе наших помещичьих средней руки, а посередине мечеть. В середине дома, занимаемого Чингисом с женой, убранство подходит к помещичьему. В зале орган, играющий до двенадцати пьес; зеркала в простенках, бронзовые канделябры с хрустальными подвесками, такие же бра; маленькие шелковые портьеры, обшитые тонким, но широким аграмантом. В гостиной вместо гарднеровских или корниловских ваз стоят китайские; лампа на столе, диван и прочее. Все полы выложены ташкентскими и персидскими коврами; на мебель накинуты тигровые, барсовые и медвежьи шкуры. Общее впечатление приятно»².

Приведем также мнение Ж. Доскараева, побывавшего с экспедицией на родине Чокана: «Сырымбет – табигаттағы бір жақсы, көрікті жер. Оның айналасы агаш, көл, алан,

1 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 690. Л. 231, 235.

2 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. С. 265.

*алқап, сай-сала, неше түрлі өсімдік, көкорай шөп <...> кілемнің түріней құлпырып, маңайындағы <...> ауылдары табигат көркімен де түрленуде*¹.

Усадьба Валихановых была уникальным и непривычным для Казахстана образцом жилого комплекса. По типу строений (исключая мечеть и медресе), планировке помещений (разделение на жилую и хозяйственную зоны), расположению вблизи водоема и леса она тождественна русской дворянской усадьбе XIX в. Усадьба Сырымбет сыграла значительную роль в распространении просветительских идей и культуры в казахской степи. Во многом повлияла она и на становление личности Чокана. Здесь постоянно проходили айтисы (состязания) певцов и музыкантов, выступали знаменитые акыны-импровизаторы Биржан сал и Акан серә, известный кобызист Курумбай Кангожин, певец Коке Альжанов. Сюда также часто заезжали русские путешественники, ученые-ссыльные, инженеры-геодезисты. В разные годы в ней гостили работавшие в Пограничном управлении сибирских казахов декабристы, поэт-петрашевец С.Ф. Дуров, студенты Императорского Казанского университета и др.

Долгое время считалось, что на сохранившихся и широко известных рисунках Чокана Валиханова, датированных 1853 г., изображены внешний вид и планы построек усадьбы Айганым. Однако к тому времени усадьбы уже не существовало: она была сожжена повстанцами Кенесары Касымова. В 1989 г. в урочище Сырымбет были проведены комплексные архитектурно-археологические исследования, позволившие архитекторам Т.Н. и Н.В. Турекуловым выполнить проект воссоздания усадьбы Валихановых. Авторы проекта установили, что остатки зданий жилого комплекса ни планировкой, ни размерами, ни своим расположением на местности не совпадают с эскизами Чокана, которые, вероятно, были сделаны им к проекту строительства усадьбы его отца султана Чингиса².

1 Досқараев Ж. Указ. соч. С. 74–75.

2 Ермекбаев Ж.А. Музей-усадьба Чокана Валиханова «Сырымбет» // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана: в 3-х томах. Т. 1. Алматы: Казахский научно-исследовательский институт по проблемам культурного наследияnomadov. 2011. С. 246.

Известно, что после смерти Айганым (1853 г.) в урочище Сырымбет переехал ее старший сын Чингис. Недалеко от того места, где еще недавно была усадьба матери, он построил себе дом, а позже обратился в Пограничное управление с просьбой выделить средства для возведения мечети в урочище Сырымбет. Пограничное управление дало согласие на строительство, при условии, что предварительно будет представлен проект. Возможно, проект новой усадьбы помог составить его сын Чокан, который только что окончил Омский кадетский корпус, где проходил курс архитектуры, черчения и топографии. По мнению архитекторов Т.Н. и Н.В. Турекуловых, некоторые детали эскизов говорят о желании Чокана сделать новое поместье похожим на усадьбу Айганным, с которой у него было связано множество воспоминаний детства.

В 1929 г. здания фамильной усадьбы Сырымбет были разобраны и перевезены в различные районы области. Так, в селе Володарском (ныне Саумалколь) находился жилой дом; в нем в разное время размещались почта и другие учреждения. До сих пор в поселке Сырымбет стоит сарай из усадьбы Чингиса, в Шок-Карагае – мечеть, сарай, баня.

В 1977 г. экспедиция Министерства культуры Казахской ССР произвела топографическую съемку местности, где находилась усадьба, и зафиксировала хорошо сохранившиеся фундаменты ее построек. А в 1985 г., в ознаменование 150-летия со дня рождения Чокана Валиханова, учрежден Мемориальный комплекс-музей и, наконец, в 1991 г. по проекту архитекторов Т.Н. и Н.В. Турекуловых в урочище Сырымбет была восстановлена усадьба Чингиса Валиханова, в котором ныне размещается музей.

Отношения Валихановых с местным населением носили в основном спокойный характер, хотя и были случаи недопонимания, особенно в вопросах пользования пастбищами. Об этом свидетельствуют архивные материалы. Тяжбы по поводу захвата пастбищ в районе урочища Сырымбет и других мест, как Валихановыми, так и другими не менее влиятельными в степи сultanами, биями и старшинами, шли десятилетиями. Пограничное управление сибирских киргизов в Омске и Кокчетавский окружной внешний при-

каз годами вели переговоры и переписки по разделу мест зимовий. Так, Кокчетавский окружной внешний приказ до-кладывал пограничному начальнику сибирских киргизов в Омске, что «в сентябре месяце прошлого 1837 года ханша Айханым Валиева рапортом и 2 [двуумя] прошениями просила приказ сей о удалении с принадлежащих ей зимовий мест уро-чища Джаркын-Камыша и Саз султана Сартая Чингисова с киргизами»¹.

Ханша Айганым в своем письме от 8 мая 1839 г. полков-нику Ладыженскому, тогдашнему пограничному начальни-ку сибирских киргизов, писала: «...имею честь изъяснить, что зимовое место же, отведенное мне по Величайшей воле Го-сударя Императора, имеет пространство не более 25 верст в окружности. Место сие без ведома нашего занимают киргизы Якшильской волости купно с султанами своими, несмотря на данное султаном их Сартаем Павлу Яковлевичу и старшему султану Качкынбаю, который ныне покойен, – письменное обя-зательство никогда впредь не только не занимать принад-лежащего мне места, но даже и не приближаться кочевкою к столбу, поставленному на самой грани того места, – и к удивлению моему, они завели ныне со мною спор о сем месте, намереваясь... все оное присвоить себе. По сему, опасаясь ли-шиться на зимнее время корму для собственного скота на-шего, я осмеливаюсь покорнейше просить Особу Вашу прика-зать им удалиться от принадлежащего мне места и запре-тить им впредь делать таковые самовольства»².

Султан Сартай Чингисов также в письме полковнику Ладыженскому жаловался: «С давних времен занимал я зимо-выми кочевками в число 60 кибиток подведомственного мне народа уроцище Яркын Камышев и Ана Су, которые настаи-вают завладеть у нас старшина Илчара Байтеким и ханша Айханым Валиева, будто бы те места значатся в данном от Г.Г. [господ] Сенаторов ей Указ...»³.

И в 1844–1873 гг. бесконечно шли переговоры и пере-писка по отводу земель для скота между ханшей Айганым, ее сыном Чингисом и местными казахами Кокчетавского

1 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

2 Там же. Л. 15–15 об.

3 Там же. Л. 18.

приказа с Пограничным управлением сибирских киргизов и генерал-губернаторами Западной Сибири. 28 апреля 1844 г. Кокчетавский окружной приказ доносил в Омск о поступлении жалобы местных казахов на незаконный захват их земель со стороны Айганым Валихановой и ее сына – старшего султана Кушмурунского округа полковника Ч.В. Валиханова¹. Через два года, в 1846 г., из Омска в Кокчетав был специально направлен советник Пограничного управления сибирских киргизов Коченов для решения земельных споров².

18 ноября 1846 г. переводчик Дабшинский написал рапорт за № 50 на имя начальника Пограничного управления сибирскими киргизами генерал-майору Вишневскому, в котором подробно описал суть тяжбы между Валихановыми и местными казахами. В частности, в рапорте отмечалось: «Мы с согласия ханши определили границу..., чем ханша Айганым Валиева <...> осталась довольною...»³.

Начальник Пограничного управления сибирских киргизов генерал-майор Вишневский 14 февраля 1847 г. в письме Кокчетавскому окружному приказу за № 486 писал: «Валиева таковым отводом земли осталась довольною, я распоряжение мое о поверке той земли отменяю и учиненное наделение земли Валиеву и киргиз[ам] оставляю в той силе, в какой оно определено»⁴.

Несмотря на достижение мирового согласия в споре о земле, ханша Айганым Валиханова в прошении от 21 мая 1847 г. начальнику Пограничного управления сибирских киргизов генералу Вишневскому сообщала: «Ваше Превосходительство в прошлом году осенью изволили командировать чиновника Дабшинского и заседателем [заседателя] Ундеровича для уделения мне с сыновьями и всему скоту нашему места, каковая воля Ваша приведена была ими в исполнение и я наделением их осталась довольною; но после этих чиновников приезжал к нам зимою Советник Турдубек Коченов и переменил отмежевание этих чиновников, – это дело его нахожу я

1 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 1021. Л. 11.

2 Там же. Л. 26–27.

3 Там же. Л. 26–26 об.

4 Там же. Л. 40.

невыгодным и навсегда считаю себя стесненною и огорченюю им. Посему покорнейше прошу утвердить за нами то место, которое уделено Дабшинским и заседателем Ундеровичем. На что почтительнейше ожидаю от Вашего Превосходительства милостивой резолюции¹.

В ИАОО также есть материалы, свидетельствующие о том, что в 1871-1873 гг. обсуждался вопрос о законности владения полковником Ч.В. Валихановым земли, отведенной 30 апреля 1824 г. его матери ханше Айганым, для постройки дома и мечети². Из сохранившихся архивных документов интересным представляется личное письмо полковника Ч. Валиханова генерал-губернатору Западной Сибири А.П. Хрущову от 21 мая 1873 г., в котором сообщалось: «Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1824 года, последовавшего на имя Тобольского и Томского генерал-губернатора генерал[а] от инфanterии Капцевича, – предоставлено в пользование матери моей Ханше Айганым Валиевой с семейством ея часть земель для постоянной кочевки, с тем, чтоб на отведенном ей местах был построен дом и мечеть в 5000 рублей <...>. Из первоначально отведенных матери моей земель, часть таковых уступлены в пользование других киргиз, – в чем ею и членами нашего семейства 17 октября 1846 года дана подпись заседателю бывшего Кокчетавского Окружного Приказа Ундеровичу при чиновнике Пограничного Управления Дабшинском. Ныне же, на основании журнала Совета Главного Управления Западной Сибири, состоявшегося в 8 день ноября минув[шего] 1872 года за № 48, на отведенные матери моей с семейством земли, – не признаны за потомками хана Валия права собственности, на том собственно основании, что в указ[е] Правительствующего Сената, от 30 апреля 1824 года, не говорится об отводе в собственность ханши Валиевой земель, и предоставляется сделать отвод ей земель для пользования только таковыми. Имея в виду, что при введении в 1869 году Положения, Высочайше утвержденного 21 октября 1868 года об управлении степными областями в Западной Сибири, я не был представлен к награждению в потомственное владение землею, вероятно потому, что

1 Там же. Л. 46.

2 ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 9390. Л. 135, 139, 138-140, 152. 177-180.

Областное Начальство знало, что мне в лице моей матери Ханше [ханши] Айганым Валиевой дарованы, согласно выше означенного указа Правительствующего Сената, в потомственное владение места, значущиеся в раздельном акте, тогда как другие Старшие Султаны награждены землю. Еще более убеждает меня в том... то обстоятельство, что при введении нового положения, – награждены земельными участками бывшие Старшие Султаны Акмолинского округа – Полковник Ибрагим Джайкпаев и Баян-Аульского – Муса Чорманов, роды которых никогда не были владельцами и даже не султанского происхождения и земли дарованы им в потомственное владение за то только, что они служили несколько лет по выбору народа Старшими Султанами в Акмолинском и Баян-Аульском округах, – тогда как я, кроме древности моего рода, – предки которого были владельцами – Ханами Средней Орды, – служил Правительству до 36 лет на должности Старшего Султана в Кокчетавском и Кушмурунском округах, – это последнее обстоятельство дает мне полное право просить Правительство об утверждении за мною земли, предоставленной указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1824 года, и значущейся в отводном акте, составленном заседателем Ундеровичем и чиновником Каченовым. Докладывая о сем Вашему Высокопревосходительству, имею честь почтительнейше просить, во внимание к выше объясненным обстоятельствам не оставить своим Милостивым ходатайством, об отводе мне с семейством, предоставленных матери моей Ханше Айганым Валиевой, земель <...> в потомственное мое с семейством владение, что сим вознаградите меня за 36 летнюю служебную мою деятельность, за которую, на тех же самых данных, как и Султаны Джайкпаев и Чорманов, – я не лишился права»¹.

До конца своей жизни полковник Ч. Валиханов обращался к российским властям с просьбой решить вопрос об отводе в собственность его семьи участка земли вокруг урочища Сырымбет. В ЦГА РК есть дело «О съемке на план земельного участка размером от 2 до 3 тысяч десятин, по указанию полковника Чингиса Валиханова в Кокчетавском уезде Акмолинской области и об отводе этого участка Вали-

¹ ИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 9390..Л. 149-151.

ханову в собственность», где засвидетельствовано обращение Чингиса Валиевича и переписка омской администрации с управлением государственными имуществами по этому вопросу.

Отметим, что тогдашний генерал-губернатор Западной Сибири Г.А. Колпаковский доброжелательно относился к семье Валихановых, и по поводу заявления Ч. Валиханова в 1886 г. обратился в Управление государственными имуществами со словами: «*Предполагая войти с ходатайством в Правительствующий Сенат об отводе в собственность потомков султана Валиханова в награду за оказанные его семейством услуги Правительству участки земли величиною от 2 х до 3 х тысяч десятин, я считаю необходимым произвести предварительно межевание и снятие плана этого участка, а потому предлагаю Управлению сделать зависящее распоряжение о командировании весною будущего года землемера в Кокчетавский уезд, поручив ему произвести съемку земельного участка выше размера, по указанию полковника Чингиса Валиханова, в район земель, находящихся ныне в его пользовании, на основании Сенатского указа от 30 апреля 1824 г., ...копии при сем препровождаю*»¹.

Началась обычная бюрократическая волокита, характерная для российских чиновников, и дело с решением вопроса об отводе участка земли в собственность семейства Валихановых затянулось на долгое время. Так, в 1895 г. российские чиновники, ссылаясь на статью 119 Положения об управлении степными областями, где казахские земли считались государственной собственностью Российской империи, утверждали, что указ Правительствующего Сената от 30 апреля 1824 г. предполагал лишь «место для кочевья по р. Ишиму, вместе с подведомственными ей киргизами, причем самая земля не была пожалована ей в собственность...», т. е. ханше Айганым, и поэтому «ходатайство полковника Чингиса Валиханова о прошении его владельцем земель, отведенных под кочевья его матери, может подлежать удовлетворению не иначе, как в путях Монаршей милости»².

1 ЦГА РК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 196. Л. 1.

2 Там же. Л. 51.

Несмотря на все бюрократические проволочки в решении этого щепетильного вопроса, не упускался вариант в исключительном случае отвести в собственность участок земли султану Ч. Валиханову. Так, министр земледелия и государственных имуществ Российской империи «не усмотрел оснований и к испрошению Высочайшего соизволения [соизволения] на пожалование Валиханову в вечное и потомственное владение участка в 2000 десятин»¹. Однако местная российская администрация оставалась непреклонной и отказывала в просьбе полковника. И 8 ноября 1898 г. военный губернатор Акмолинской области генерал-лейтенант Санников утвердил доклад об отводе земельных угодий Валихановым следующим образом: «...что в исключительное пользование рода султанов Валихановых земельных угодий не отводилось... и жалобы Валихановых [находим] как неосновательные»².

Подвел итоги этим спорам Г. Потанин: «Урочище Сырымбет было пожаловано матери султана Чингиса – ханше Айганным, второй жене последнего киргизского хана Вали, по имени которого и сырымбетовские помещики называются Валихановскими. В жалованном документе было сказано, что земля эта отдается в бесспорное пользование ханше Айганным с ее потомством и родами атыгай и караул. Впоследствии это бесспорное владение сама администрация стала оспаривать у Валихановых. Владельцы земли, пользовавшиеся ею более полстолетия, привыкли смотреть на нее как на собственность; местная администрация только в позднейшее время (кажется в шестидесятых годах) вздумала обсудить, как понимать поземельные права сырымбетовцев, и решила, что они не собственники, а только имеющие урочище Сырымбет во временном пользовании»³.

Таким образом, тяжба о земле длилась продолжительное время, что было характерно для взаимоотношений между казахскими родами и чингизидами, а местная администрация выступала в роли арбитра в этих спорах.

Отметим, что выбор урочища Валихановыми был не случаен, красивый пейзаж Сырымбета очаровывал всех,

1 Там же.

2 Там же. Л. 73.

3 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... С. 77.

кто посещал эти места. Здесь прошла большая часть детства Чокана Валиханова, сюда он приезжал на летние каникулы из Омска.

2.2. Детство и юность Чокана: воспитание и обучение

Чокан Валиханов родился в 1835 г. в Кушмуруне, настоящее его имя – Мухаммед-Ханафия, а имя Чокан дано матерью Зейнеп, как принято у казахов, и в последующем оно вошло во все документы и формулярные списки¹.

В детские годы Чокан учился в Кушмуруне в казахской школе, овладел арабским письмом и научился рисовать. Из воспоминаний Г.Н. Потанина мы узнаем о его детских увлечениях, связанных, например, с соколиной охотой в степи: «Чокан, как многие киргизские барчата, должно быть еще с раннего детства увлекался картинами этого киргизского удовольствия и отлично знал подробности ухода за соколами и вообще охоту у киргиз. Он рассказывал [рассказывал], я записывал, а он потом иллюстрировал мой текст рисунками патрусом [натрусом] соколиных наглазников, соколиных постаментов, пороховниц, ружей и пр. С этой поры мы стали друзьями, и наши умственные интересы более не разлучались; нас обоих интересовал один и тот же предмет, Киргизская степь и Средняя Азия»².

О детских годах Чокана, проведенных в Кушмуруне и Сырымбете, написал А.Х. Маргулан в очерках о Чокане Валиханове³. Есть версия, что Чокан учился в медресе села Стерлибашево в Башкирии, где получил духовное образование.

1 Архив внешней политики Российской империи далее – АВПРИ . Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 40-1. Д. 55-1; РГИА. Ф. 13-13. Оп. 1. Д. 125. Формулярный список о службе и достоинствах прикомандированного к полку Сибирского линейного казачьего войска, состоящего по кавалерии поручика Валиханова. Октября 31 дня 1854 года.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.: Тип. гл. упр. уделов. 1904. С. XVI.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 23–25; Он же. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1984. С. 17–20.

Об этом факте из биографии Чокана мы узнаем из книги М. Махмудова¹. Медресе, куда приезжали учиться дети состоятельных родителей из Казахстана, Оренбурга, Самары, Нижнего Новгорода, Мензелинска и других мест Российской империи, находилось в селе Стерлибашево Оренбургской губернии. М. Махмудов предположил, что Чокан Валиханов провел в одном из медресе Стерлибашева более трех лет, и к десяти годам овладел арабской письменностью, однако никакими ссылками на источники автор не подтверждает эти факты.

Внешний вид своего друга Г.Н. Потанин описывает так: «Черты лица у Чокана были монгольские, он сам говорил, что султанское сословие, «белая кость», ак сюек, отличается чертами лица от «черной кости», кара сюек. У черной кости будто бы эти черты разнообразны, потому что она смешанной крови, состоялась из разноплеменников, и по типу ближе к западным тюркам. Султаны же чингизиды монгольской крови, и потому черты лица их однообразнее и представляют выдержаный монгольский тип. Но, тем не менее, он не был безобразен; лицо его можно было назвать даже миловидным; так как эти черты были облагорожены. Европейское платье и европейская манера носить волосы окончательно поробощали «Монголию»².

У писателя-публициста, исследователя Сибири и Центральной Азии Н.М. Ядринцева (1842–1894), одного из основоположников сибирского областничества, первооткрывателя древнетюркских памятников на реке Орхон, о Чокане есть такие слова: «С киргизскими и тонкими чертами, небольшими усиками, он не представлял монголообразного безобразия, лицо его напоминало миловидного, образованного китайца. За то [Зато] стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения его придавали ему вид европейского сибари-та и денди. Все это производило впечатление, узенькие глаза его сверкали умом, они смотрели как угольки, а на тонких губах всегда блуждала ироническая улыбка, это придавало ему нечто Лермонтовское и Чарльз-Гарольдовское [Чайльд-Гарольд]

1 Махмудов М. Стерлибашево, горжусь твоей судбою! Уфа: Белая Река. 2000. С. 38.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXX.

рольдовское]. Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность, киргизы большие насмешники, но под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет. <...> В то же время это был человек с поэтической душой и восточным воображением. Он любил арабские стихи и вместе с учителем своим Костылецким приходил в восторг от них»¹.

Знаменитый русский ученый-исследователь П.П. Семенов-Тян-Шанский в своих воспоминаниях отмечал: «Другим лицом, особенно меня заинтересовавшим в Омске, был Чокан Чингисович Валиханов. <...> Обладая совершенно выдающимися способностями, Валиханов окончил с большим успехом курс в Омском кадетском корпусе, а впоследствии, уже в Петербурге, под моим влиянием слушал лекции в университете и так хорошо освоился с французским и немецкими языками, что сделался замечательным эрудитом по истории Востока, и в особенности народов, соплеменных киргизам»².

Вероятно, по совету своих русских знакомых и друзей – К.К. Гутковского, А.А. Сотникова и В.И. Дабшинского – Чингис Валиевич в 1847 г. решил отдать сына в Омский кадетский корпус, считавшийся приличным и известным учебным заведением Западной Сибири. Отметим, что Чингис Валиханов хорошо знал этих людей, занимавших в свое время различные административные посты в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве и часто бывавших гостями в его ауле.

Так, К.К. Гутковский (1815–1867) служил начальником Областного управления Сибирских киргизов и одновременно преподавал в Омском кадетском корпусе фортификацию, артиллерию и тактику. Г.Н. Потанин отзывался о нем так: «Гутковский был человек с обширными и разносторонними знаниями...»³. К.К. Гутковский помогал Чокану в учебе, давал книги для чтения, часто приглашал к себе в дом. Надо

1 Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.: Тип. гл. упр. уделов. 1904. С. XXXVI-XXXVII.

2 Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856-1857 гг. С. 51.

3 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. IX.

сказать, что Гутковский сыграл в судьбе Чокана немаловажную роль, именно он в 1858 г. принял активное участие в организации экспедиции Ч.Ч. Валиханова в Кашгар.

После смерти Чокана Валиханова К.К. Гутковский обратился в Императорское Русское географическое общество с предложением издать его труды. Однако смерть не позволила ему довести дело до конца. По данным И.И. Стрелковой, по приезде Гутковского в аул Тезека «с целью забрать все до последнего листика научное и литературное наследие Чокана – бумаг покойного оказалось очень мало. <...> Часть того, что уцелело, Гутковский сразу же передал в Русское географическое общество П.П. Семенову. Остальные рукописи и письма хранились у него. В 1920 году дочь Гутковского передала их в архив Академии наук¹. В обозрении архивных материалов Академии наук СССР отмечается, что рукописи Ч.Ч. Валиханова действительно приняты в архив в 1920 г., хранятся в фонде 23 и связаны с его путешествием в Кашгар².

Как отмечал Г.Н. Потанин, А.А. Сотников также принимал деятельное участие в судьбе Чокана Валиханова: «В течение первой зимы по поступлении в корпус Чокан ходил в отпуск к чиновнику Сотникову. Сотников служил в управлении киргизской степью, это был ориенталист, студент Казанского университета по восточному факультету, ходил, кажется, в степь начальником целого казачьего отряда и, как мне говорил Чокан, напечатал в какой-то литературной газете статьейку «День в киргизском ауле». Чуть ли это не был описан день, проведенный автором в ауле Чингиса Валиевича, Чоканова отца, в Күшмүруне. Это был способный человек, но неукротимый, дикий характер сгубил его»³.

По данным известного казахстанского этнографа Э.А. Масанова, опиравшегося на материалы ЦГА РК, А.А. Сотников родился в 1812 г. и окончил в 1836 г. Одесское училище восточных языков, но не Казанский университет, как утверждал Г.Н. Потанин. В 1839 г. А.А. Сотников переведен по его собственной инициативе в Омск, где работал в должности помощника секретаря канцелярии, управляющего

1 Стрелкова И.И. Валиханов. М.: Молодая гвардия, 2004. С. 288–289.

2 Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов. Л.: Изд-во АН СССР, 1933. С. 157–158.

3 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XIII.

делами по военному отделению и чиновника для особых поручений. Принимал участие в разрешении споров и проведении границ между казахами Оренбургского и Сибирского ведомств, составил свод казахских законов по материалам, собранным им лично в Кокчетавском, Аман-Карагайском и Уч-Булакском округах, осуществлял ревизию Аман-Карагайского приказа, где старшим султаном был Чингис Валиевич Валиханов, вел следствие в Аман-Карагайском приказе по делу чиновника Барковского и участвовал в военных походах против султана Кенесары Касымова. В 1842 г. А.А. Сотников был в ауле Чингиса Валиханова и оттуда написал письмо в Одессу, которое вышло в «Одесском вестнике» под названием «Аул султана Чынгыза Валиханова, сына покойного владетеля Средней орды Вали-хана»¹.

Деятельное участие в определении Чокана Валиханова в Омский кадетский корпус принял В.И. Дабшинский. Ранее он состоял чиновником на различных должностях: вначале губернским секретарем в Пограничной комиссии сибирских киргизов, в 1846 г. был назначен заседателем Кушмурунского окружного приказа, а затем служил в чине титулярного советника, переводчика областного правления Сибирских киргизов². Г.Н. Потанин вспоминал: «Чокан был привезен в Омск осенью 1847 г. Его привез В.И. Дабшинский, переводчик киргизского языка, состоявший при так называемом Пограничном Начальнике, т.е. при генерале, заведывавшем киргизами Сибирского ведомства. Я увидел Чокана в первый раз еще до его поступления в корпус, именно в квартире В.И. Дабшинского. Как это случилось, я не помню; до этого визита я никогда у Дабшинского не бывал. Я уже в это время прожил год в корпусе, а потому, вероятно, меня избрали нарочно в первые знакомцы Чокану, чтобы он не так сильно почувствовал свое одиночество, когда его наконец оставят в стенах корпуса. Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом; Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город

1 Масанов Э.А. Некоторые материалы о Ч.Ч. Валиханове // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. Вып. I. 1964. С. 76–77.

2 Масанов Э.А. Некоторые материалы о Ч.Ч. Валиханове. С. 77; РГИА. Ф. 472. Оп. 35 (13/950). Д. 3. Л. 42–44.

поразил мальчика, и он изобразил карандашом один из городских видов»¹.

Об Омском кадетском корпусе Г.Н. Потанин писал следующее: «Войсковое казачье училище только перед поступлением Чокана было преобразовано. До 1846 года это была казачья бурса; часть учителей, особенно в низших классах, были урядники; обращение с воспитанниками было грубое; обедали воспитанники с оловянных тарелок деревянными ложками; в классах все было основано на долблении «от сих и до сих»; за неуспехи и шалости сильно пороли. Преобразование началось с того, что из Петербурга были присланы офицеры-воспитатели; старая посуда заменена фаянсовой, ложки были серебряные, пищу значительно улучшили, воспитанникам стали говорить «вы». Но самая главная реформа была произведена в классах; молодой артиллерийский капитан Ждан-Пушкин, служивший в строю на Кавказе, был назначен инспектором классов. Он внес новый дух в заведение»².

В Омском кадетском корпусе, одном из лучших учебных заведений Сибири второй половины XIX в., в воспитательном и образовательном отношении большое влияние на Чокана Валиханова произвели педагоги Н.Ф. Костылецкий, Г.В. Гонсовский, К.К. Гутковский, К.П. Померанцев и др. В свободное от учебы время Чокан часто бывал в гостях у своих наставников, читал книги из их личных библиотек, впоследствии выполнял просьбы и поручения своих педагогов по поиску материалов по истории и этнографии казахов.

Одним из близких к Чокану преподавателей был Н.Ф. Костылецкий (1818–1869), который окончил факультет восточных языков Казанского университета и хорошо владел арабским, персидским и татарским языками. Именно Н.Ф. Костылецкий познакомил Чокана Валиханова с заслуженным профессором Петербургского университета, востоковедом И.Н. Березиным (1818–1896), с которым потом Чокан вел активную переписку по ряду вопросов, касающихся древних письменных памятников. По мнению академика А.Х. Маргулана, именно «Н.Ф. Костылецкий был лучшим наставником для Чокана. В течение ряда лет они с большой лю-

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. VI.

2 Там же.

боевью занимались изучением казахского народного эпоса, и их совместная работа в этой области была очень плодотворна. Они впервые переложили на русский язык древний вариант «Козы-Корпеш и Баян-Слу»¹.

Не мог не отозваться о своем наставнике по кадетскому корпусу и Г.Н. Потанин: «Для кадет Костылецкий имел большое значение; он отличался независимым характером и был очень остроумен; пошлость он преследовал язвительными насмешками; он был поклонник идей Белинского и почитатель таланта Гоголя: в своей истории словесности он руководствовался статьями Белинского, что потом одним из генерал-инспекторов, ревизовавших корпус, <...> ...было поставлено ему в упрек»².

Казахстанским исследователем Э.А. Масановым были уточнены обстоятельства последних лет жизни учителя Ч.Ч. Валиханова. Э.А. Масанов поставил под сомнение выводы А.Х. Маргулана о том, что «впоследствии за открытую пропаганду освободительных идей Н.Ф. Костылецкий был уволен из кадетского корпуса и умер в большой нужде»³. Он ссылается на статью И.Н. Березина «Н.Ф. Костылецкий», в которой последние годы жизни Н.Ф. Костылецкого описаны иначе: «И.Н. Березин, самый близкий друг Н.Ф. Костылецкого, в 1877 году писал о нем, что он в 1857 году «по различным обстоятельствам был смещен на 12 рублей жалованья... <...> Бедственное положение (Н.Ф. Костылецкого) продолжалось три года – до 1860 года. В то время он опять занял место главного учителя по своему предмету и прежние классы. С того времени все ему удавалось. В 1867 году он приглашен был учителем русской словесности в женскую гимназию, в 1869 году в прогимназии занимался преподаванием татарского языка. Этот же год был последним годом его жизни»⁴.

Как считал А.Х. Маргулан, «вторым после Костылецкого педагогом, во многом способствовавшим расширению кругозора Чокана, был преподаватель истории Гонсевский, чело-

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 36.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. VII–VIII.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 37.

4 Масанов Э.А. Некоторые материалы о Ч.Ч. Валиханове. С. 77.

век весьма образованный, готовившийся к научной деятельности»¹. Есть сведения, что Г.В. Гонсевский происходил из дворян Минской губернии, учился в Виленском университете, а в 1849 г. окончил Казанский университет. 12 августа 1850 г. поступил на службу старшим учителем политической истории в Сибирский кадетский корпус². По словам Г.Н. Потанина, «это был из наших учителей самый начитанный; он продолжал следить за своей наукой, выписывая много книг и, по видимому, готовился к более серьезной профессии, чем преподавание в провинциальном среднем учебном заведении»³.

Годы учёбы Чокана Валиханова в кадетском корпусе были насыщенными и плодотворными как в образовательном, так и в житейском плане. «Развивался Чокан быстро, опережая своих русских товарищей. Кроме природного ума, он имел к тому и другие преимущества. По воскресеньям тех кадет, которые имели родственников или знакомых в городе, отпускали в город. У Чокана ни родных, ни их знакомых в городе не было. Но им интересовались многие – киргизский мальчик, и при том такой способный, уже рисует прежде, чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление», – свидетельствовал Г.Н. Потанин⁴.

Видя талантливого от природы отпрыска чингизидов, заметно отличавшегося от всех остальных кадетов, преподаватели по воскресеньям приглашали Чокана к себе домой. Преподававший географию и геодезию К.К. Гутковский ввел Чокана Валиханова в семью Капустиных, у которых собирались известные в Омске люди. Г.Н. Потанин писал: «В последние годы своего пребывания в корпусе, когда уехал Гонсевский, Чокан стал ходить в дом Гутковского, который был в родстве с семейством сибирского чиновника Капустина. В этих двух домах завершилось знакомство Чокана с внешкольной жизнью. В дом[е] Капустина было много девиц, и это привлекало в него много молодежи... <...> Это был маленький

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 38.

2 Вибэ П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 63.

3 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. VIII.

4 Там же. С. XII.

клуб избранной омской интеллигенции, светилом которого был Карл Казимирович Гутковский... <...> Здесь собиралась лучшая омская молодежь; ни один замечательный проезжий не оставлял города, не побывав в этом дом[е]»¹.

В другой публикации Г.Н. Потанина также есть интересные сведения о взаимоотношениях Чокана с русским окружением: «Семейства Капустиных и Гутковских, состоявшие в близком родстве между собою, были центром омской интеллигенции; в этих домах собирались образованные чиновники и молодые офицеры; тут можно встретить офицера Генерального штаба, художника или чиновника-литератора, ученого путешественника, заехавшего в Омск по дороге в Центральную Азию, или поэта, очутившегося здесь в качестве «невольного странника». Чокан, сын султана Чингиса, был принят в семейство Гутковских как родной сын, и это имело такие последствия, как будто два дома, один русский – Гутковских – и другой киргизский – Валихановых – породнились между собою»².

Хозяйка дома Капустиных – Екатерина Ивановна – была родной сестрой выдающегося русского ученого-химика Д.И. Менделеева. Супруг Екатерины Ивановны – Я.С. Капустин – служил советником Главного управления Западной Сибири и приходился тестем К.К. Гутковскому. Во время пребывания в Санкт-Петербурге в 1861 г. Чокан встретился с Д.И. Менделеевым. Скорее всего, встреча носила дружеский характер, так как Ч.Ч. Валиханов по Омску знал его многочисленную родню, и в первую очередь Екатерину Ивановну, которая хорошо принимала его в своем доме. В письме профессору А.Н. Бекетову, отправленному Ч.Ч. Валихановым 2 января 1861 г. из Сырымбета, есть такие слова: «Дмитрию Ивановичу передайте мой поклон, когда увидите»³.

О семействе Капустиных много писал Г.Н. Потанин: «В Омске был дом Капустиных, который имел большое значение для внутренней жизни города. Я об этом доме уже упоминал в биографической заметке о Чокане Валиханове, которую

1 Там же. С. XIII–XIV.

2 Потанин Г.Н. В юрте последнего киргизского царевича... . С. 77–78.

3 Письма Чокана Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. V. Алма-Ата. 1955. С. 147.

профессор Н.И. Веселовский поместил в предисловии к Собранию сочинений Чокана Валиханова, изданному в Петербурге Географическим обществом. Капустин был одним из советников Главного управления Западной Сибири, следовательно, это был один из видных чиновников в Омске. Он был женат на второй жене и имел детей от обоих браков... <...> Самое интересное лицо в этом доме была жена Капустина, урожденная Менделеева, Екатерина Ивановна. Петрашевец Дуров отзывался о ней с благоговением и называл «святой женщиной». Она, главным образом, делала дом привлекательным... здесь собирались занимательное, образованное и либеральное общество... <...> Этот дом имел большое влияние на образование общественного мнения в Омске. Я не был приглашен к Капустиным, но все-таки дыхание их дома чувствовал на себе, тем более что между ним и мной связующим звеном являлся Чокан, который поочередно обедал то у Капустиных, то у Гутковских¹, – свидетельствовал Г.Н. Потанин.

Отметим, что Григорий Николаевич Потанин в ряде своих писем и различных публикаций описывал омский период жизни Чокана. В одной из заметок он пишет: «Наконец в последнюю половину пребывания в кадетском корпусе он [Чокан] был принят в семейство полковника Гутковского. Благодаря этим знакомством [знакомствам] развитие Чокана шло быстрее, чем у его сверстников русских, и он же только обгонял идеями [не только] весь свой класс, но и этот [тот] класс, который был старше двумя годами. Особенно важное значение в его развитии и вообще в его судьбе имело семейство Гутковских и родственное ему Капустиных (женщины которых принадлежали к сибирской просвещенной фамилии – Менделеевым). Это были самые образованные семейства в городе Омске того времени; в их домах собиралась самая лучшая, самая просвещенная молодежь. Ни один ученый путешественник не проезжает, не побывав в этих семействах...»².

Сын Я.С. Капустина Семен (1828–1891), выпускник Казанского университета, также был в дружеских отношениях с Чоканом. Вот как об этом вспоминает сам С.Я. Капустин:

1 Потанин Г.Н. Омский кружок [и новые веяния] // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 651.

2 РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 322. Л. 13 об.–14.

«На мою долю выпадает писать о том, что я знаю об общественной (в узком смысле) деятельности, о его домашнем обиходе, о его чисто человеческих отношениях в кругу его друзей, приятелей и знакомых... <...> Чокан, на мой взгляд, был до нельзя привлекателен, скажу, даже красив, несмотря на ярко выраженный в его физиономии монгольский чистейший тип... все в нем было крайне симпатично, тянуло к нему... <...> при общении с ним у Вас улетучивалось всякое представление о том, что перед Вами киргиз... <...> Чокан Валиханов – всем своим видом... невольно заставляет считать себя братом... <...> Я встретил Чокана и нашел в [нем] разносторонне образованного человека...»¹. Следует согласиться с мнением М.М. Громыко, что так может писать только человек из омского круга общения, близко знавший Чокана Валиханова².

Говоря о влиянии дома Капустиных на омичей, нельзя не упомянуть о частной библиотеке этого семейства, доставшейся в наследство от Менделеевых, о чем также упоминал Г.Н. Потанин: «...отец Менделеевых служил в Тобольске, у него была самая большая в Сибири частная библиотека»³. Конечно, Чокан имел доступ к фондам этой библиотеки, где знакомился с художественной и научной литературой, периодическими изданиями и другими ценными книгами.

В доме Капустиных Чокан познакомился с О.И. Ивановой, дочерью декабриста И.А. Анненкова, и ее мужем – военным инженером К.И. Ивановым. Отметим, что в Омске (в 1854–1855 гг.) Чокан Валиханов встречался с петрашевцами – писателем Ф.М. Достоевским и поэтом С.Ф. Дуровым, которые после освобождения от каторжных работ часто посещали семьи Капустиных и Ивановых.

С.Ф. Дуров (1816–1869) был членом кружка М.В. Петрашевского, куда входили передовые люди России. За посещение кружка М.В. Петрашевского С.Ф. Дуров был арестован, приговорен к смертной казни, замененной четырехлетней каторгой с последующей отдачей в солдаты на два года и ссылкой в Сибирь. В 1849 г. С.Ф. Дуров вместе с Ф.М. До-

1 РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 179. Л. 25–27.

2 Громыко М.М. Чокан Валиханов и дом Капустиных // Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 155.

3 Потанин Г.Н. Омский кружок [и новые веяния]. С. 651.

стоевским и другими петрашевцами был отправлен в Омский каторжный острог. После годичной солдатской службы в третьем линейном батальоне Отдельного Сибирского корпуса в г. Кокчетаве С.Ф. Дуров по состоянию здоровья был переведен на гражданскую службу в Омское областное управление сибирских киргизов. В Омске в доме Капустиных и Ивановых, где собиралась сибирская и приезжая интеллигенция, куда вхож был и Чокан Валиханов, произошло знакомство последнего с петрашевцем Дуровым. Г.Н. Потанин писал: «Дуров, товарищ по заключению Достоевского, был также постоянный посетитель вечеров у Капустиных после того, как, отсидев свой срок в «Мертвом доме», был выпущен на свободу и жил в Омске, не имея права вернуться в Россию»¹.

Знакомство Валиханова и Дурова переросло в дружбу и, по мнению исследователя М.И. Фетисова, «их дружба покоялась на общности идейных стремлений, интересов к жизни казахского народа. Дуров, воспитанный на традициях межнационального содружества, утвержденных Белинским и петрашевцами, по достоинству оценил Валиханова, а последний нашел в лице поэта-изгнанника авторитетного учителя и наставника»².

Возможно, что задушевные беседы о повседневных жизненных вопросах сблизили Ч.Ч. Валиханова и С.Ф. Дурова. Известно, что петрашевец Дуров придерживался радикальных взглядов, и это не могло не повлиять на мировоззрение Валиханова. Отношения между ними были по-товарищески близкими, о чем свидетельствует факт приглашения Сергея Федоровича в гости в Кокчетав. Г.Н. Потанин, характеризуя их отношения, заметил: «Самое сильное влияние на Чокана имел Дуров. Он [Чокан] отзывался об нем, как о человеке с необыкновенными идеями и собирался как-нибудь свезти меня с ним»³.

Именно Чокан познакомил в 1857 г. Г.Н. Потанина с петрашевцем С.Ф. Дуровым. Вот как об этом вспоминал Григорий Николаевич: «Однажды Чокан приехал ко мне и сказал, что он намерен меня свезти к Дурову. Мы поехали. Чокан по-

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XIV.

2 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 263.

3 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXIV.

знакомил меня с Дуровым, но сам у него долго не оставался, вскоре уехал, рассказавши ему только анекдот, случившийся в тот же день утром. <...> Я провел у Дурова целый вечер. Он произвел на меня сильное впечатление, настоящий переворот. Ни один человек так сильно не действовал на меня прежде. Умение осторожно и гуманно обращаться с чувством другого человека сразу установило во мне доверие к этому человеку. Передо мною был человек более 45 лет, разрушенный болезнями, на половину труп; только глаза блестели живым огнем. Более всего он произвел на меня впечатление своей верой в будущее России и в прогресс человечества... <...> Я ушел от него единомышленником Чокана и споры между нами прекратились. Хотя этот вечер собственно есть эпизод из моей жизни, а не Чокана, но я привел его потому, что, несомненно, Дуров играл большую роль в воспитании Чокана. Он на меня произвел такое впечатление в течение одного вечера; Чокан же находился под постоянным его влиянием не менее, вероятно, года (от выхода Дурова из тюрьмы до отъезда его из Омска)»¹.

Остались и другие воспоминания Г.Н. Потанина, свидетельствующие о политических взглядах С.Ф. Дурова: «От сибирской администрации разговор перешел к внутренней политике только что окончившегося тридцатилетия (царствования Николая I. – Ж.Е.), которое, как я сказал, казалось мне славной страницей русской истории. Конечно, Дуров был иного мнения о значении этого тридцатилетия. Он говорил с воодушевлением, как будто торопился... <...> Мне пришлось выслушать горячий протест человека, раздавленного режимом только что минувшего тридцатилетия, и я понял, что та же лавина раздавила бы и меня, если б ее движение не остановилось. Я не знаю, как бы я отнесся к этому развенчанию славной страницы, если бы оно пришлось в самом начале нашей беседы с Дуровым, но теперь, в конце вечера, я легко перешел в другую веру, потому что между моей старой симпатией и ее отрицанием стоял апостол прогресса, к которому я теперь чувствовал сердечное влечениe»². В 1913 г. в томской

1 Там же. С. XXIV-XXV.

2 Потанин Г.Н. Встреча с С.Ф. Дуровым // На славном посту (1860-1900): Литературный сборник, посвященный Н.К. Михайловскому. СПб: Типография Н.Н. Клобукова.

газете «Сибирская жизнь» Потанин вспоминал: «После свиданья с петрашевцем Дуроевым, с которым меня познакомил Чокан, я переменил свои политические убеждения <...> я сделался петрашевцем»¹.

На этот счет академик В.А. Обручев высказался следующим образом: «Он увидел в Дурофе патриота, всем существом протестовавшего против николаевского режима и тяжело пострадавшего за это. Переменились взгляды Потанина не только на Николая, но и на монархизм вообще»².

Эти и другие факты из жизни Ч.Ч. Валиханова, С.Ф. Дурова и Г.Н. Потанина свидетельствуют о влиянии ссыльного петрашевца на развитие идейно-культурного мировоззрения Чокана Чингисовича и его друга Григория Николаевича.

В 1853 г. Ч.Ч. Валиханов, окончив курс обучения в кадетском корпусе, был произведен в корнеты с зачислением в кавалерию и определен на службу в Сибирское линейное казачье войско. Об этом факте в архивах остались документальные свидетельства. Сохранился указ Николая I об утверждении его в звании корнета. В частности, в нем отмечено: «Известно и ведомо да будет, что Мы Сибирского Кадетского Корпуса воспитанники [воспитанника] Чокана Валиханова в Наши Корнеты тысяча восемьсот пятьдесят третьего года Ноября восьмого дня Всемилостивейше пожаловали и учредили... <...> Мы надеемся, что он в сем ему от Нас Всемилостивейш пожалованном чин[е] так верно и прилежно поступать будет, как... [то] верному и доброму Офицеру подлежит»³. Военный министр, генерал-адъютант князь Долгоруков в письме начальнику Пограничного управления сибирскими киргизами сообщал, что «довел до сведения Его Императорского Величества Государя наследника цесаревича... о производстве в корнеты, с зачислением по кавалерии и с назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско воспитанника эскадрона Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова, сына киргизского султана майора Валиха-

ва, 1901. С. 263–264.

1 Попов И. Воспоминания Г.Н. Потанина // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 275.

2 Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.-Л.: АН СССР, 1947. С. 39.

3 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 24.

нова, окончившего курс наук в 5-м общем классе и по экзамену удостоенного, согласно существующим правилам, к выпуску на действительную службу офицером...»¹.

В Российском военно-историческом архиве также есть дело «Отношение Департамента военных поселений Военного министерства в Инспекторский департамент Военного министерства от 23 октября 1853 г. о Высочайшем повелении о производстве воспитанника эскадрона Сибирского кадетского корпуса Чокана Валиханова в корнеты»². 19 декабря 1853 г. в Омске вышел приказ по Сибирскому линейному казачьему войску о прикомандировании корнета Чокана Валиханова к войсковому штабу³. В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) есть формулярный список о службе и достоинстве штабс-ротмистра Ч.Ч. Валиханова, где указано: «В службе [службу] вступил из воспитанников Сибирского кадетского корпуса корнетом тысяча восемьсот пятьдесят третьего года ноября восьмого дня, имея тогда от роду восемнадцать лет... с зачислением к кавалерии и назначением на службу в Сибирское линейное казачье войско»⁴. Дальше в формулярном списке отмечено: «В 1856 году марта 25 дня за отличие по службе произведен в поручики. В 1858 году удостоен ношением бронзовой медали в память о войне 1853–1856 годов на Владимирской ленте...»⁵.

В память о годах учебы и службы в г. Омске нашего выдающегося соотечественника Чокана Валиханова, на улице, носящей его имя, установлена бронзовая скульптура. На постаменте надпись: «Дар Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева городу Омску. 2004 год».

1 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2812. Л. 1-2.

2 Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 395. Оп. 45. 1853 г. Д. 105. Л. 2-2 об.

3 ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 2949. Л. 267.

4 АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 404. Д. 554. Л. 5 об.

5 Там же. Л. 6.

Это изображение / рисунок, сделано

ГЛАВА III

Служба в Омске. Служебные экспедиции Ч.Ч. Валиханова

3.1. Адъютант генерал-губернатора. Экспедиции в Центральный Казахстан, Семиречье, Иссык-Куль и Кульджу

Карьерный рост офицера Ч.Ч. Валиханова можно наблюдать по дошедшим до настоящего времени архивным документам. 6 марта 1854 г. Ч.Ч. Валиханов, как видим из его формулярного списка, «по распоряжению командира Отдельного Сибирского корпуса назначен к исправлению должности адъютанта при начальнике штаба отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Яковлева»¹. А 14 октября 1854 г. он «по таковому же распоряжению назначен состоять для исправления таковой же должности при командире Отдельного

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 47; АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 404. Д. 554. Л. 6 об.

Сибирского корпуса генерала от инфантерии Гасфорта¹. В служебных документах представлена следующая характеристика молодого офицера: «Поручик Чокан Валиханов сын Валиханов. Состоит по кавалерии. Двадцати одного года. Из султанов Средней Киргизской орды. Магометанского исповедания. В походах и в делах против неприятеля не был. Сверх настоящей обязанности особых поручений по Высочайшим повелениям и от своего начальства не имел. В 1856 году в 25 день марта за отличие по службе произведен в поручики. Орденов, знаков отличий, Высочайших благовений, Всемилостивых рескриптов и похвальных листов от своего начальства не получал. Под судом не был. В отпусках не был. В штрафах по суду и без суда не был, а также под следствием не находился. Хотя не выслужил срока, по случаям, препятствующим к награждению знаком отличия, не подвергался. Холост»².

В октябре 1854 г., начиная службу адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта³ и одновременно офицером по особым поручениям, Ч.Ч. Валиханов в составе экспедиции начальника областного управления Сибирских киргизов, полковника К.К. Гутковского посетил Капальское укрепление. В следующем году Чокан совершил путешествие в Центральный Казахстан, Семиречье (Жетысу) и Тарбагатай. Его путь проходил от Омска на Семипалатинск, далее в Аягуз, оттуда, через Капал, в Заилийский Алатау. А начиналось путешествие Ч.Ч. Валиханова летом 1855 г., когда он сопровождал Г.Х. Гасфорта в инспекционной поездке по Семипалатинской области по маршруту Омск - Семипалатинск – Капал – Верный. Оставшись в Жетысу, Ч.Ч. Валиханов собирал сведения об этом крае, населенном казахами Старшего жуза, а также изучал историю и культуру иссыккульских киргизов. Казахи Старшего жуза еще в 1840-х гг. приняли российское подданство, здесь была построена крепость Капал, а киргизские роды, кочевавшие в Северной Киргизии и в горах Тянь-Шаня, только собирались принять российское подданство.

1 Там же. Л. 47–48.

2 Там же. Л. 45–49.

3 АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. Оп. 404. Л. 554. Л. 15.

Осенью 1855 г. Ч.Ч. Валиханов возвратился в Омск, совершив путешествие в Джунгарские ворота, на озера Алаколь и Тарбагатай, затем в Центральный Казахстан по маршруту Каркаралы – Баян-Аул – Кокчетав. Как справедливо отметили Р.Б. Сулейменов и В.А. Моисеев, «зимой 1855–1856 гг., исправно выполняя свои служебные обязанности, он занимался изучением различных источников по истории Казахстана и Средней Азии, составляет родословные, генеалогические таблицы казахских ханов и султанов, переводит на русский язык собранные им пословицы и поговорки казахов Старшего жуза, много сил и времени уделяет разработке проекта новой системы управления Старшим жузом»¹. По возвращении из путешествия Ч.Ч. Валиханов занимается обобщением собранных материалов, а также по поручению своего руководства работает в архиве Пограничного управления сибирскими киргизами. В Омске Ч.Ч. Валиханов начал готовить текст книги по истории казахов, который остался незавершенным. Подготовил для генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта проект управления казахами Старшего жуза, дал подробный обзор положения на русской пограничной линии от форта Перовского на Сырдарье (бывшая Ак-Мечеть, ныне Кызылорда) до укрепления Верное (Алматы) в Заилийском крае. Как уже выше отмечалось, 25 марта 1856 г. за отличие в службе Ч.Ч. Валиханов произведен в прапорщики, а 26 августа того же года награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте в память войны 1853–1854 гг.

Г.Н. Потанин так вспоминал это время: «Он нашел мне интересную работу, которую полковник Гутковский сначала навалил было на него самого. Это выписки из областного архива, первые акты которого относятся к половине XVIII столетия. В архиве много интересных сведений о сношениях русских пограничных начальников с киргизскими родоначальниками и князьями соседнего Джунгарского ханства, а также о торговле между Сибирью и городами Джунгарского ханства. <...> Я делал выписки и передавал их Чокану, а Чокан отвозил их Гутковскому»².

1 Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Выдающийся казахский ученый... . С. 6.

2 Потанин Г.Н. Чокан Валиханов, его жизнь и служба в Омске // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Атма-Ата. 1968. С. 340.

В связи с просьбой киргизского манапа Бурумбая рода Бугу о вступлении в российское подданство, весной 1856 г. поручик Ч.Ч. Валиханов был прикомандирован к военно-научной экспедиции полковника М.М. Хоментовского для обследования территории Северной Киргизии, бассейна озера Иссык-Куль и приведения к присяге киргизов. В своей работе «Записки о киргизах» Ч.Ч. Валиханов писал о намеченной цели экспедиции: «По просьбе дикокаменных киргиз для приведения их к присяге и для съемки озера Иссык-Куля назначен был казачий отряд под начальством пристава подполковника Хоментовского. Экспедиция в продолжение двух месяцев успела обозреть северо-восточную часть озера до рек Аксу и Зауки и снять план местности в двухверстном масштабе. Мы имели честь участвовать в этой экспедиции и, находясь два месяца среди дикокаменных киргиз, успели собрать разные положительные сведения, преимущественно изучая их предания и язык»¹.

В работе «Очерки Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов также отметил: «Путешествие мое, по свойству проиденной местности, можно разделить на два периода. Первый период заключает путь мой по Джунгари, т.е. в Семирецком, Заилийском крае и на озеро Иссык-Куль. Физический характер этих местностей хорошо уже известен по прекрасным съемкам Сибирского штаба и в научном отношении исследован г. [гг.] Шренком, Влангали, Семеновым и Голубевым. Впрочем, известия эти ограничивались только предметами физической географии и совершенно не касались этнографии. Я посетил Джунгарию в первый раз в 1856 году и участвовал в первой экспедиции, предпринятой полковником Хоментовским на озеро Иссык-Куль. Потом три месяца жил в Кульдже. Всего в Джунгарии я находился пять месяцев и успел осмотреть этот край вдоль и поперек, от Алакуля до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан»².

Давая научную оценку экспедиций на почти неисследованную территорию этой части Средней Азии, еще в 1959 г.

1 Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 304.

2 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.. 1904. С. 45-46.

киргызский ученый С. Умурзаков подчеркнул: «Заслуга Валиханова в географическом изучении Киргизии состоит в том, что он первым из исследователей нового времени пересек всю систему Тянь-Шаня с севера на юг, прошел по глубинным, диким районам страны, еще не известным путешественникам, и ознакомил ученый мир с ее природой и населением»¹.

Экспедиция М.М. Хоментовского имела не только научное, но и дипломатическое содержание, связанное с принятием части кыргызских родов в российское подданство. По мнению кыргызской исследовательницы Ч. Турдалиевой, «в 1856 г. Прииссыккулье посетили два выдающихся путешественника – представители российской науки П.П. Семенов-Тян-Шанский и Ч.Ч. Валиханов. Если П.П. Семенова-Тян-Шанского в его путешествии на Северный Тянь-Шань в 1856–1857 гг. казачий отряд лишь сопровождал ученого-путешественника, то Ч.Ч. Валиханов участвовал в первой русской военно-научной экспедиции на оз. Иссык-Куль, которая имела своей целью и поддержку новоявленных подданных России – кыргызов-бугинцев. Ко времени поездки Ч.Ч. Валиханова на Иссык-Куль в 1856 г., подданство России приняло лишь одно кыргызское племя – бугу»².

Для Чокана Валиханова участие в экспедиции М.М. Хоментовского было первым знакомством с оз. Иссык-Куль и знаменитым Тянь-Шанем. Экспедиция прошла сначала по побережью озера Алаколь, затем были Джунгария, Заилийский Алатау, оз. Иссык-Куль и вершины Центрального Тянь-Шаня. Ч.Ч. Валиханов изучил горные породы, флору и фауну Семиречья и Иссык-Куля, участвовал в топографической съемке Иссык-Куля, составил гербарий и собрал орнитологическую и энтомологическую коллекцию. «Я собрал на озере Иссык-Куль небольшую орнитологическую и этнографическую коллекцию. Собрание это во время моего отсутствия было отправлено в Дрезден одним из моих знакомых, но известия о нем я еще не получал»³, – писал Ч. Валиханов.

1 Умурзаков С. К 100-летию Кашгарского путешествия Ч. Валиханова // Известия Киргизского филиала географического общества СССР. Вып. 1. Фрунзе, 1959. С. 104.

2 Турдалиева Ч. История и культура кыргызов в трудах Ч.Ч. Валиханова. Бишкек: Эркин-Тоо. 2000. С. 51.

3 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 46.

В «Дневнике поездки на Иссык-Куль» Валиханов подробно обрисовывает места пребывания. Вначале он описывает территорию Семипалатинской области: «...18 апреля из Семипалатинска мы отправились на Аягуз. <...> Аягуз – маленькая станица, в нем и окружной приказ для управления наймановских родов. Основан он [в] 1824 г. <...> Я очень люблю и восхищаюсь Аягузом, может быть, поэтическая легенда о любви прекрасной Баян к золотоволосому Козу-Корпеч, действие которой происходило на этой реке, есть немаловажная к тому причина¹. В дневнике также представлены пути продвижения Ч.Ч. Валиханова через Семипалатинск, Аягуз, Лепсы, Аксу: «С Аксу мы увидели снежные верхи Алатауских гор. Дальняя синева этих гор пестрела высоко, соединяясь с облаками. Местами верхи выходили из-за туч; восходящее солнце разливало на них багрово-блестящий свет. Картина удивительная². Трудно не согласиться с мнением Х. Айдаровой: «В дневнике Валиханов подробно перечислял названия встречавшихся рек, излагал характер их течения, время разлива, их хозяйственное значение в сельском хозяйстве и скотоводстве. Наравне с географическим описанием он, по преданиям местных жителей, излагал исторические события, и давал комментарии к названиям рек, гор, местностей. Следы древностей тщательно заносились им в записную книжку³.

Эта поездка Ч.Ч. Валиханова подробно описана академиком А.Х. Маргуланом: «Вступив в долину Иссык-Куля, экспедиция произвела первую топографическую съемку бассейна этого знаменитого озера. На планшеты были занесены северо-восточные и восточные берега Иссык-Куля, от Кисенгира до р. Зауку, где проходила главная караванная дорога в Кашгар; съемкой были охвачены все притоки северо-восточного бассейна Иссык-Куля, включая горы Тасма и долину р. Джиргалан. Затем ее вели от перевала Санташ до рек Каркара, Чарын, Чилик и хребта Торайгыр. Таким образом, съемки 1856

1 Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.) // Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958. С. 236–239.

2 Там же. С. 243.

3 Айдарова Х.Г. Чокан Валиханов. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945. С. 50.

г. были продолжением работ, проведенных в долине Чилика и Кегеня в предыдущем году»¹. Развивая свою мысль о вкладе Ч.Ч. Валиханова в изучение доселе неизвестной части Семиречья и Северного Кыргызстана, А.Х. Маргулан отметил: «Его особенно интересовали остатки древней городской культуры на озере Иссык-Куль, остатки древних оросительных систем, памятники архитектуры, эпиграфики и каменные изваяния. Изучение этих памятников позволило Валиханову как можно полнее восстановить картину жизни народов, населявших бассейн Иссык-Куля и всю территорию Семиречья в прошлом»².

Сам Ч.Ч. Валиханов так писал об этом: «Русская Джунгария, при сильном господстве кочевого быта, однако, имела небольшую оседлость; первые исторические известия об этом мы находим в китайской истории – именно известие о городе Чигу, который, надо полагать, был на восточном берегу озера Иссык-Куля и построен китайскими рабочими для усуньского куньмы [гуньмо]. В средние века оседлость здесь сильно распространялась, особенно в Илийской долине. Города Алмалык (ныне Туркестанское селение), Хонокай и Кайнак (существующие и теперь) и Алмату (где ныне укрепление Верное) были известны по своей торговле и служили станциями на большой дороге, по которой ходили генуэзские купцы в Китай и кипчаковские послы к великому хану, <...> в этой части Азии было особенно много несторианских и монофизитских конгрегаций, а на озере Иссык-Куле сирийские якобиты, по свидетельству каталонской карты, имели монастырь с мошами св. Матфия. Христианство здесь так сильно распространялось, что возбудило против себя несколько гонений, в XVI веке на Иссык-Куле было уже несколько мусульманских селений. Эти данные сильно меня заинтересовали, к несчастью, я не мог сделать больших открытий, потому что киргизы успели уничтожить последние остатки уцелевших зданий, принимая все за ламайские капища. Один китаец, бывший в 1820 году на Иссык-Куле, говорил мне, что он видел там громадного идола, вытесанного из камня, но я не мог открыть ни

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Атма-Ата. 1961. С. 48.

2 Там же. С. 51.

малейших следов древностей этого рода, однако нашел следы оседлости почти по всей Русской Джунгарии и собрал предания, ходящие о них в народе; мне удалось также приобрести несколько золотых вещей и монет, найденных на развалинах древнего Алмалыка»¹.

Казахстанские исследователи Р.Б. Сулейменов и В.А. Мoiseев также считают, что «с научной точки зрения поездка в Киргизию была для Чокана весьма плодотворной. Дневники, зарисовки, коллекции являются сегодня источником для реконструкции истории и исторической этнографии киргизского народа, а Чокана Валиханова по праву можно назвать одним из основоположников не только казахской, но и киргизской историографии»².

Обследование побережья озера Иссык-Куль, величественных вершин Тянь-Шаня, описание материальной и духовной культуры кыргызского населения нашло отражение в работах Ч.Ч. Валиханова «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о киргизах» и «Очерки Джунгарии». Его вклад в изучение этой части Центральной Азии отнесен в одной из статей советских авторов. «Мы находим в его трудах ответы на следующие вопросы: состав киргизских племен, их родов и родоправителей; исторические сведения о киргизах, преимущественно с начала XIX века, об их экономике (земледелие, скотоводство, торговля) и социальных отношениях; об отношениях между племенами, о быте и правах киргизского народа, а также о взаимоотношениях киргизов с другими народами»³.

В работе «Очерки Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов писал: «Происхождение и история дикокаменных киргиз до сих пор остается для ученых, занимающихся разработкой китайских и восточных историков, вопросом нерешенным, спорным. Большинство, впрочем, держится того мнения, что нынешние дикокаменные буруты не более, не менее, как енисейские киргизы, переселенные в прошлом столетии джунгарами на новые

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 49–50.

2 Сулейменов Р.Б., Мoiseев В.А. Выдающийся казахский ученый... . С. 6–7.

3 Кадыров Ш. Видные ученые о Киргизии (Первые путешественники по Киргизии накануне и в период ее добровольного вхождения в состав России). Фрунзе: Киргизгосиздат. 1963. С. 21.

кочевки, и потому их считают тождественными с хакасами династии Тан и киликийцами династии Юань. Рашид-Эддин в своей истории монголов относит киргизов к числу лесных народов южной Сибири, живших в стране Бархуджин-Тукум; название Кем-Кемджут, данное киргизами, у него и у Абудьгази, напоминает Кем (Енисей) и реку Кемчук, которые, вероятно, были тогда кочевками этого народа. При покорении Сибири казаки нашли киргиз на Абакане и Юсе и вели с ними упорную войну с XVII до начала XVIII века. С тех пор внезапно исчезло имя этого народа в сибирских летописях. Фишер полагает, что они были переселены джунгарскими хон-тайдзи и, основываясь на слухах, полагают, что новое жительство их должно быть около границ Тибета и Индокитая. Г. Левшин говорит, что шведские офицеры первые внесли событие это в историю и утверждает, что переселение их было следствием особого договора между русским правительством и джунгарским хон-тайдзи. Но китайцы называют дикокаменных киргиз бурутами и говорят, что они переселились в настоящие места своих кочевок с Куэнь-Дуни, где они жили при династии Тан под именем Буллу или Пулу¹.

В этой поездке Чокан Валиханов впервые записал отрывки из кыргызского эпоса «Манас». В его дневнике есть соответствующая запись: «26-го же числа [мая] был у меня певец, дикокаменный киргиз (рчи). Он знает поэму Манас. Язык поэмы гораздо понятливее разговорного. Манас, герой поэмы, – ногаец... <...> В этой поэме сталкиваются на Чуе, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куле три народа: ногайцы, кайсаки (казахи. – Ж.Е.) и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее 70 лет. Дикокаменным ордынцам небезызвестны ногайские предания; они знают Едигея и рассказ [их] похож на киргизский (казахский. – Ж.Е.)»². «У дикокаменных киргиз... «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и группированное около одного лица – богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 65.

2 Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.). С. 258.

отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее»,¹ – констатировал Ч. Валиханов. Записанный им со слов кыргызского певца отрывок эпоса «Манас» – «Смерть Куто-тай-хана и его поминки» был прочитан профессором Н.И. Веселовским в Петербурге на заседании Восточного отделения Русского археологического общества 21 марта 1902 г.²

1856 год для Ч.Ч. Валиханова был насыщен событиями – его направляют в Кульджу в качестве официального доверенного лица от Российской империи на переговоры с Китаем для налаживания коммерческих отношений. Поводом послужили события в китайском городе Чугучаке, где была сожжена русская фактория. Вначале на переговоры с китайцами решено было откомандировать подполковника М.Д. Перемышльского³, который в 1851–1856 гг. был главным приставом при казахах Старшего жуза, а с 1856 г. стал начальником Алатавского (Алатауского) округа. Однако Петербург изменил первоначальное решение и назначил поручика Ч.Ч. Валиханова своим представителем на переговорах с китайской стороной. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд отдал распоряжение полковнику Хоментовскому завершить работу экспедиции на Иссык-Куле и вернуться обратно.

В своем «Дневнике поездки на Иссык-Куль» Чокан Валиханов записал: «... я решил оставить Иссык-Куль»⁴. Это свидетельствует о том, что он в середине июля 1856 г. возвращается в укрепление Верное и оттуда направляется в Капал для отправки в Кульджу. Подтверждение этому факту мы находим у А.Х. Маргулана, который, ссылаясь на архивные материалы Министерства иностранных дел России, приводит письмо М.М. Хоментовского от 17 июля 1856 г.: «Иссык-Кульский отряд благополучно вступил в укрепление Верное. Сам я выехал в город Капал для встречи г[осподина] военного губернатора Семипалатинской области»⁵.

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 71–72.

2 Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 670.

3 Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУз). Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 147–148.

4 Валиханов Ч.Ч. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856 г.). С. 275.

5 Цит по: Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 55.

В августе 1856 г. Ч.Ч. Валиханов направляется в Кульджу, где пробыл около трех месяцев. В инструкции Министерства иностранных дел России содержался ряд указаний и предписаний, которыми должен был руководствоваться глава российской делегации на переговорах. Об этом мы узнаем из письма министра иностранных дел генерал-губернатору Западной Сибири от 23 мая 1856 г., где указывалось: «...1) отправить в Кульджу особое лицо, снабженное письмом от главного начальства Западной Сибири к Кульдинскому начальству, а также инструкцией, как ему действовать там в предстоящем переговоре [переговоре]... 2) ... нужно будет обратить внимание китайского начальства на неприятные последствия, которые могут произойти от дальнейшего уклонения нашего законного требования, в инструкции же поставить в обязанность лицу, которое будет послано: а) чтобы действовать во всем по совещанию консулом нашим в Кульдже, ближе и подробнее знающим все местные обстоятельства... б) не слишком настаивать на значительное денежное вознаграждение за причиненные убытки... ибо главная цель наша покончить это дело с китайцами дружелюбным образом сохранением нашего достоинства и скорее восстановить прерванные торговые сношения с Чугучаком... в) ...предложение же китайцев насчет поездки в Чугучак, т.е. чтобы чиновник наш из Кульджи отправился еще в Чугучак для объяснений по тому же делу – отклонить... г) в случае требования китайцев войти в переговоры и насчет границ наших с Китаем... чиновник должен отвергать, что ему поручено только объясняться по чугучакскому делу... в другие же переговоры входить не может. 3) Дабы придать более веса и значение его словам, отправить его в сопровождении небольшого отряда, как это было сделано в 1851 году, но отряду сему отнюдь не переходить... черту китайских пикетов, какой [каким] бы не [ни] было [был] ход переговоров в Кульдже... <...> 4) Независимо от посылки в Кульджу нашего чиновника и в одно время с его отправлением написать лист от имени Правительствующего Сената в китайский трибунал Внешних Сношений, в котором, обратив особенное внимание китайского правительства на настоящее дело, уведомить оный о принятой нами меры, т.е. об отправле-

нии доверенного лица в Кульджу для окончания там сего дела миролюбным образом»¹.

Об этом путешествии Ч.Ч. Валиханова мы узнаем из его особого путевого дневника о поездке в Кульджу в 1856 г. В нем автор подробно, буквально по дням, описывает свое путешествие: «1-го августа 1856 г. Китайский пограничный пикет Борохуджир. Случай привел меня в Китай. Вот уже 6 дней, как я выехал из Капала...»². Далее он описывает оказывающиеся на пути населенные пункты, ландшафты, флору, фауну, встречи с китайскими пограничниками: «5-го августа [1856 г.] мы въехали в Кульджу. От первого караула Борохуджира до Кульджи тянется степь самая бесплодная, пустая, песчаная. Нам, русским, не пришло бы в голову иметь в этой пустыне селения, мы не знали бы, как можно устроиться тут, не подвергая лишениям переселенцев. Но китайское терпение победило все. На всем этом пространстве заселено много жителей; стоит 8 городов и несколько деревень, в которых путнику, разумеется, не заходя в дом, приятно отдохнуть под тенью высоких деревьев, пирамидальных тополей, осеняющих город, который весь спрятан в этой роще. Дома все глиняные, с виду опрятные, улиц не существует, но каждый дом говорит за всю империю и характеризует её сомкнутость и несобщительность. Всякий дом обнесен, как весь город, глиняной стеной и, кажется, загородился для того, чтобы не видеть своего соседа и не говорить с ним»³.

Ч.Ч. Валиханову удалось выполнить важное правительственные задание, и благодаря этому между Российской и Цинской империями на этом участке границы установились нормальные торговые и дружественные отношения. По мнению А.К. Гейнса, деятельность поручика Чокана Валиханова способствовала заключению Тарбагатайского договора и открытию консульств в Кульдже и Чугучаке⁴. Здесь также следует отметить, что 1 (13) июня 1858 г. в китайском городе Тянь-Цзине был подписан «Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений», где в

1 ЦГА РУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17. Л. 145–147.

2 Валиханов Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.) // Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. С. 363.

3 Там же. С. 388.

4 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. С. 353.

четвертой статье предусмотрено: «В торговле сухопутной впредь не должно быть никаких ограничений относительно числа лиц, в ней присутствующих, количества привозимых товаров или употребляемого товара»¹.

Кроме выполнения прямых служебных заданий, Ч.Ч. Валиханову удалось исследовать историю и культуру местного населения, а полевые материалы путевого дневника характеризуют его как путешественника и исследователя Востока, в частности Китая. С неизменным интересом он описывал местности, которые встречались на пути: «Чем далее [мы] углублялись в Китай, тем более заметно было жизни и населения. Так, теперь перед нами прямо и налево виднелись несколько китайских городов и селений... <...> Мы имели удовольствие проехать около одного из таких, так сказать, купающихся в роскошной зелени садов городов – Хоргоса. Направо оставляли в 2 [верстах] расстояния город Чифанзе с гостиницей для путешественников. Направо же, вдали, около гор, виднелось много подобных зеленых точек: то были селения солонов и сибо – Купчан верхний, средний и нижний. Хоргос есть главный город поселения; в нем живет полковой командир из сибо, называемый хожуртай, старший по амбаню, [подчиненный] бригадному генералу, который живет в Или при цзян-цзуне. Он состоит из трех отдельных садов, т.е. форштадтов, отделяясь на версту один от другого. В Чифанзе есть сады и огороды. Там купили наши люди яблок, персики и разные овощи»².

Путевой дневник Ч.Ч. Валиханова заполнен сведениями о китайских провинциях Восточного Туркестана, сословном разделении населения и системе управления: «Цзянь-цзунь есть вице-король или генерал-губернатор края и главный начальник всех войск, здесь расположенных. Хебе-анбя есть его товарищ и советник. Тарбагатаем управляет губернатор. В Или есть, кроме китайских властей, и туземные чины – хаким-беки. В мусульманском городе Старая Кульджа есть хаким-бек, в Урумчи – тоже, в Куруме – тоже. Семь туркестан-

1 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное издательство политической литературы. 1952. С. 51.

2 Валиханов Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.) // Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. С. 350.

ских городов управляются своими хаким-беками, один из них имеет достоинство вана. Он происходит от того Исхака..., который помогал китайцам при убиении Джангира. Торгутские тайши управляются через китайского пристава, но один из них имеет тоже наследственный титул вана и свои права. Под председательством цзянь-цзюня состоит главное илийское правление, и торговые дворы под председательством приставов...»¹.

Местное население он описывает так: «От влияния ли солнца, под которым они жарятся круглое лето, или это заключается в породе, как бы то ни было, туркестанцы шести городов чрезвычайно черны и имеют афганский тип лица. Впалые, углубленные глаза, тонкий и изогнутый, как турецкая сабля, нос, узкие губы и бедренная худощавость отличают их от других среднеазиатцев. Влияние Китая отразилось на них как нравственно, так и наружно»². Отметим, что речь идет об уйгурах, предки которых раньше именовались по месту проживания. О местных женщинах он так отзываеться: «К числу хороших сторон кашгарского нрава надо отнести свободу женщин, которые участвуют во всех публичных собраниях и даже более – без них не может быть собрания меджлиса»³.

Впервые этот дневник был обнаружен в именном фонде Ч.Ч. Валиханова архива Академии наук СССР в Ленинграде (ныне Санкт-Петербургский филиал архива РАН), полностью он опубликован в выбранных произведениях Ч.Ч. Валиханова, а в журнале «Дружба народов» (1958 г.) – в сокращенном варианте⁴. Точную характеристику этого дневника дал академик А.Х. Маргулан: «Непосредственность, непринужденность, вольность обращения автора с читателем (на которого Валиханов, конечно, никак не рассчитывает) придают дневнику особую прелесть. Ведь автору всего-навсего двадцать один год, и он впервые и совершенно неожиданно попал в эту необычную страну. Но это только одна сторона – и

1 Там же. С. 410–411.

2 Там же. С. 352.

3 Там же.

4 Там же. С. 363–443; Валиханов Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.) // Дружба народов. М., 1958. № 12. С. 160–183.

не главная – дневника Валиханова. Юноша оказывается настоящим, серьезным ученым – он ни на минуту не забывает об истинном назначении своего путешествия. После пышных лирических тирад вдруг сразу же начинается строгая научная проза. Валиханов не пропускает ничего: едет он степью – и дает подробнейшую геоботаническую характеристику ландшафта и даже приводит латинскую номенклатуру отдельных видов флоры. Едет долиной – описывает ее геологическое строение, говорит о китайском плодоводстве и о садах, подробнейшим образом перечисляет весь ассортимент виденных им фруктов, их сорта и характерные особенности. Наконец, дает длинные прейскуранты консульских цен и товаров: что продается, почем, какого оно качества и сорта, составляет список глаголов китайского языка, приводит татарскую транскрипцию целых китайских тирад, описания сортов нефритов и их минералогической структуры и т. д. Все это научной скороговоркой, точно, ясно, номенклатурно... <...> Тут нечего ни прибавить, ни убавить – настолько характерны, четко уловлены и значимы схваченные Валихановым детали и особенности. Это именно карандаш ученого, его походный альбом, тот анатомически точный рисунок, который не допускает никаких прикрас и теряет всякий смысл, если наблюдателем пропущено что-нибудь особенно важное и единственно неповторимое¹.

3.2. Дружба с П.П. Семеновым-Тян-Шанским. Подготовка экспедиции в Кашгарию

После экспедиции в Кульджу Ч.Ч. Валиханов возвращается в Омск. В следующем, 1857 году, он вновь совершает поездку на Тянь-Шань и в Семиречье, которая продлилась до лета 1858 г. Это путешествие было вызвано рядом событий, произошедших в Восточном Туркестане, а именно в Кашгарии. 15 июля 1857 г. в Омск пришло сообщение от российского консула И.И. Захарова в Кульдже, что китайцы напуганы восстанием в Кашгарии. Туда, по слухам, двинулся

¹ Маргулан А.Х. Чокан Валиханов и его Кульджинский дневник // Дружба народов. М., 1955. № 12. С. 159.

всякий сброд во главе с ходжей Уали, и будто бы несколько англичан появились в Восточном Туркестане для возбуждения местного населения против маньчжурских властей¹. Конечно, в столице Российской империи обсуждали это донесение, поэтому было решено отправить в Восточный Туркестан надежного и опытного офицера для обследования положения на месте. Таким офицером стал Чокан Валиханов, имевший опыт дипломатической работы и пользующийся покровительством генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта – начальника областного управления сибирскими киргизами, полковника К.К. Гутковского – начальника Алатауского округа, подполковника М.Д. Перемышльского и выдающегося путешественника, академика П.П. Семенова-Тян-Шанского. Если Гасфорта, Гутковский и Перемышльский были старшими начальниками и сослуживцами по военной службе, то Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский был наставником Чокана Валиханова на научной стезе.

П.П. Семенов-Тян-Шанский (1827–1914) вошел в историю как известный географ, геолог, ботаник, энтомолог, статистик, экономист, прекрасный очеркист и мемуарист, искусствовед и общественный деятель. Он заслуженно пользовался мировым признанием и состоял членом более семидесяти научных русских и зарубежных организаций. В 1906 г. в ознаменование 50-летия своего путешествия на Тянь-Шань П.П. Семенов получил почетное добавление к своей фамилии.

Во вступительной статье ко второму тому мемуаров П.П. Семенова-Тян-Шанского о выдающемся русском ученым написано так: «П.П. Семенов-Тян-Шанский был первым из исследователей, проникших в глубь загадочной для его современников горной страны Тянь-Шань. Он первый начертил схему хребтов Тянь-Шаня, исследовал озеро Иссык-Куль, открыл верховья Сыр-Дарьи, увидел горную группу Тенгри-таг и величественную пирамиду Хан-Тенгри, первый достиг ледников, берущих начало в группе Тенгри-таг, первый установил, что река Чу берет начало не из Иссык-Куля, как думали современные Семенову ученье, опроверг мнение А. Гумбольд-

1 Юсупов Э.С. Подвиг Чокана Валиханова. Открытие Кашгарии. СПб.: Коста, 2009. С. 20.

та о вулканическом происхождении Тянь-Шаня, доказал, что вечные снега лежат на Тянь-Шане на очень большой высоте, первый установил вертикальные природные пояса Тянь-Шаня, открыл десятки новых неизвестных науке растений, первый увидел живых архаров. Но не только открытия нового ставят Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского в первый ряд мировых ученых. Он свои экспедиции совершил по совсем новой методике географических исследований¹.

П.П. Семенов-Тян-Шанский и Ч.Ч. Валиханов познакомились впервые в ноябре 1856 г. в Семипалатинске на квартире офицера В. Демчинского², впоследствии поддерживали дружеские отношения. Авторитет П.П. Семенова-Тян-Шанского оказал важное влияние на Ч.Ч. Валиханова и его друга Г.Н. Потанина. Чокан познакомил Григория Потанина с П.П. Семеновым-Тян-Шанским, который «уговаривал Григория Николаевича ехать в Петербург, в университет и обещал дать рекомендательное письмо к своему дяде, большому сановнику, который собирался приехать в Омск на ревизию учебной части корпуса. Он думал, что дядя сможет устроить перевод Потанина в столицу, не нарушая закона о казаках»³.

Советы и консультации П.П. Семенова-Тян-Шанского помогли Ч.Ч. Валиханову осуществить путешествия в 1856–1857 гг. Сам П.П. Семенов-Тян-Шанский с благодарностью отзывался о молодом офицере, что следует из его письма от 20 октября 1857 г. В.П. Безобразову, исправляющему должность секретаря Русского географического общества: «Частые пребывания между киргизами дикокаменными и Большой Орды дали мне случай ознакомиться с правами, обычаями и жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщаемые лучшими здесь знатоками киргизского быта поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком Бардашевым⁴. Для участия в экспедиции на Тянь-Шань и озеро Иссык-Куль в 1857 г. он пригла-

1 Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. Т. II. М.: ОГИЗ Государственное издательство географической литературы, 1948. С. 5.

2 Ивлев Н.П. Находки краеведа. С. 39.

3 Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность. М.-Л., 1947. С. 41.

4 Семенов-Тян-Шанский П.П. Письмо к исправляющему должность секретаря Русского географического общества // Вестник РГО за 1857 год. СПб., 1858. Ч. 21. Кн. 6. С. 126.

сил художника Павла Михайловича Кошарова (1824–1902) – учителя рисования и черчения Томской мужской гимназии, который оставил многочисленные натурные сюжеты о Казахстане и Кыргызстане¹. Всего в альбоме П.М. Кошарова было около ста зарисовок.

С 1873 по 1904 годы П.П. Семенов-Тян-Шанский был бесменным председателем Императорского Русского географического общества. Он придавал большое значение изучению Казахстана, Центральной Азии и других регионов. При его содействии осуществились известные экспедиции Пржеvalьского, Миклухо-Маклая, Потанина, Певцова, Северцова, Богдановича, Мушкетова, Комарова, Грум-Гржимайло, Роборовского, Козлова в Восточный Туркестан, Монголию, Тибет и другие страны.

Непосредственно от Казахстана у П.П. Семенова-Тян-Шанского остались яркие воспоминания, отраженные в его мемуарах. Как председатель ИРГО, он поддержал предложение об открытии Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества и выхлопотал необходимые субсидии. Открытый в 1902 г. Семипалатинский филиал ЗСОРГО был первым научно-исследовательским учреждением в Казахстане, который развернул значительную работу по изучению истории и культуры казахов².

По инициативе П.П. Семенова-Тян-Шанского и Е.И. Ламанского Чокана Валиханова 21 февраля 1857 г. избрали действительным членом Русского географического общества. Об этом свидетельствует документ, хранящийся в именном фонде Чокана Валиханова в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук, где отмечено: «Императорское Русское Географическое Общество в собрании 21 февраля 1857 года избрало Поручика Чекана Вели-Ханова Своим Действительным членом»³.

1 Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. Т. II. С. 12.

2 Очерк деятельности Семипалатинского отдела Государственного Русского географического общества за 25 лет его существования // Записки Семипалатинского отдела РГО. 1927. Вып. XVI. С. 2–3.

3 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. л. 21.

Как считает Э.А. Масанов, П.П. Семенов-Тян-Шанский не смог присутствовать на собрании РГО, так как зиму 1856–1857 гг. провел в Барнауле, а с весны до осени 1857 г. путешествовал по Семиречью¹. Письменная рекомендация, данная Чокану Валиханову П.П. Семеновым-Тян-Шанским и Е.И. Ламанским, была опубликована в печати в 1856 г. и озвучена на собрании РГО². По мнению Т.П. Матвеевой, изучавшей материалы Чокана Валиханова в архиве Русского географического общества, «из текста представления к избранию, поданного П.П. Семеновым и секретарем Общества Е.И. Ламанским, видно, что вопрос о вступлении Валиханова в Географическое общество обсуждался с ним в 1856 г. во время встреч с Семеновым и что со стороны Валиханова выражалась готовность активно участвовать в Обществе»³.

В 1856 г. по заданию Императорского Русского географического общества П.П. Семенов-Тян-Шанский отправился в первое путешествие на Тянь-Шань. По пути следования заехал в Омск и, получив разрешение генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта на поездку по казахской степи, он с конвоем и топографами отправился в предгорья Заилийского Алатау, Тянь-Шаня и на озеро Иссык-Куль, где собрал ценную коллекцию насекомых и горных пород. В начале апреля 1857 г. он вновь посетил Омск и в беседе с генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфортом высказал мнение о необходимости исследования хребтов Тянь-Шаня и озера Иссык-Куль. Получив разрешение генерал-губернатора, он вновь посетил хребты Центрального Тянь-Шаня и первым изучил географию и геологию неизведанного края. В октябре 1857 г., возвратясь из путешествия по Тянь-Шаню, П.П. Семенов-Тян-Шанский высказал Гасфорту мысль о целесообразности посылки в Кашгарию для научно-исследовательской работы поручика Ч.Ч. Валиханова. Об этом упоминает Г.Н. Потанин: «В это время по Западной Сибири путешествовал П.П. Семенов; сначала он приехал через Омск в Заилийский край и посетил окрестно-

1 Масанов Э.А. Некоторые материалы о Ч.Ч. Валиханове. С. 75.

2 Вестник РГО. СПб., 1857. Ч. 19. Кн. 1. С. 7–10; Кн. 2. С. 56–59.

3 Матвеева Т.П. Документы Чокана Валиханова в собрании архива Географического общества СССР // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата: Наука КазССР. 1958. С. 214.

сти Иссык-Куля и Хан-Тенгри, высшей точки в Тяньшане, а на зиму выехал в Барнаул. Проездом через Омск он познакомился с Гутковским и в доме его увидел Чокана. П.П. Семенов поддерживал в Чокане стремление ехать в Петербург для того, чтобы прослушать университетский курс по восточному факультету. Я застал Чокана с восторженными воспоминаниями о только что проехавшем путешественнике. И еще бы Чокану не обрадовалась этому знакомству. Чокан все более и более углублялся в историю востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени к этой истории, среди которого являлись имена древних народов Усуней, Киреев, Найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней истории востока посредством данных, которые представляют предания и остатки старины киргизского народа. Когда он перечитывал о Хунну и Тукиу, о Жуаньжуанях и уйгурах, вдруг приезжает в Омск переводчик Риттера, который только что перевел тот том «Землеведения Азии», который трактует этот предмет и старается распутать его. П.П. Семенов привез рукопись перевода и часть ее дал Чокану прочесть¹. В другой версии своих воспоминаний об отношениях этих двух людей Г.Н. Потанин так выразился: «П.П. Семенов по приезду в Зап[адную] Сибирь заинтересовался Чоканом как любопытным явлением в провинциальной глупши. Он был удивлен этой начитанностью Чокана, какую нельзя было овладеть в провинции, при скучных книжных богатствах Омска»².

Возвращаясь к поездке Ч.Ч. Валиханова на Тянь-Шань в 1857 г., отметим, что оно было вызвано, конечно, политическими событиями в Восточном Туркестане, где вспыхнуло антицинское восстание местного населения, возглавляемое потомками бывших кашгарских ходжей, в частности Валиханом-тюре. Картина подготовки царского правительства специальной экспедиции в западную провинцию Китайской империи восстанавливается на хорошей источниковой базе³.

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане. С. XX-XXI.

2 РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 322. Л. 14-14 об.

3 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. 229-347.

Вторая половина XIX в. характеризуется началом анти-цинского восстания уйголов и дунган на северо-западе Цинской империи, появлением в Кашгарии независимого государства Йеттишер, вхождением русских войск в Илийский край и началом экспансии Российской империи против Ко-канда, Хивы и Бухары, в результате которой ликвидируется Кокандское ханство, а Хива и Бухара стали вассальными, зависимыми от русских. Интерес России к Восточному Туркестану актуализировался повышенным политическим и экономическим вниманием Великобритании к этому региону.

Хорошо известно, что Россия постоянно проявляла интерес к Восточному Туркестану, и ее представители, начиная с XVI в., проникали в эту неведомую для русских страну. В Восточный Туркестан направлялись казачьи атаманы, офицеры и купцы, которые добывали интересные сведения об этом крае. Небезынтересна судьба унтер-офицера Ф. Ефремова, побывавшего в конце XVIII в. в Кашгарии, затем в плену в Бухаре, а потом совершившего невероятное странствование через Тибет, Индию и Англию, чтобы попасть на родину. В 1811 г. в Казани вышла в свет его книга «Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию». В книге Ф. Ефремова представлена информация об административном управлении Восточного Туркестана и торговле в городах Кашгар, Яркенд, Аксу и Хотан¹.

Архивные документы свидетельствуют, что в России внимательно отслеживались факты и события, происходящие на южной границе с Китаем. А так как эта часть границы входила в ведение Западно-Сибирского генерал-губернаторства, то его начальник Г.Х. Гасфорп состоял в постоянной переписке с Военным ведомством и Министерством иностранных дел. В апреле 1857 г. Гасфорп в записке военному министру Сухозанету писал: «Кашгар, обширная и плодоносная провинция, в которой считается более миллиона жителей, отделен от Китая проходами Мус-Дага, которые весьма легко преградить: с юга он отделен от английских владений в Индии (от Лагора, в недавнее время с такими усили-

1 Колесников А.А. Русские в Кашгарии... . С. 11.

ями завоеванного Англией) незначительным, хотя и горным пространством; далее к западу граничит с Афганистаном и Хокандскими владениями, и наконец на севере примыкает [к] части наших сомнительных владений Дикокаменных киргизов (Бурут). Географическое положение указывает уже на важность Кашгара в политическом значении как для России, так и для Англии, и этим объясняется старание той и другой иметь в нем своих агентов... [чего] однако по сие время они не усмелись, по случаю подозрительности и недоверчивости китайского правительства. Русское правительство, продолжая линию своих укреплений и военных поселений от Семипалатинска до Или, делает этот путь более для себя доступным...» и рекомендовал: «...употребить все усилия как для собрания сведений о положении дел в Кашгаре, так и для поверки тех, которые мы имеем о путях к нему; для сего казалось бы необходимым послать опытного и надежного офицера в Кашгар: знаем, что достижение его сопряжено со многими трудностями, но важность событий, кажется, требует, чтобы решились на эту меру»¹.

В ответ на записку Гасфорта военный министр 28 августа 1857 г. сообщал: «Вашему высокопревосходительству известно, какое внимание со времен Екатерины II обращало постоянно наше правительство на установление политических или торговых связей с Кашгаром, и из дел, в вашем управлении находящихся, вы знаете, что еще в последнее время (при заключении Кульджинского трактата) мы помогали об учреждении фактории в Кашгаре, но и эта попытка не удалась. Ныне нельзя не воспользоваться тем положением, в коем находится Кашгар в отношении к Китаю, о чём и вам сообщено надворным советником Захаровым, а потому правительство наше решилось опять возобновить старание свое к учреждению хотя [бы] некоторых сношений с названной провинцией. Для осуществления этой цели прежде всего необходимо узнать в подробности и с точностью настояще положение в Кашгаре, степень силы и важность восстания, все случайности успеха в отдельном существовании этого владения и сочувствие народа к прежней магометанской

1 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 330–332.

династии. В сих видах Государь Император Высочайше повелеть соизволил: 1) командировать опытного и надежного человека в Кашгар, для разузнания о ходе происшедшего там восстания. По взаимному обсуждению моему этого вопроса с министром иностранных дел предполагалось бы: послать доверенное лицо негласным образом, но под видом купца или купеческого приказщика в небольшом караване, составленном из татар или наших ташкентцев»¹.

Исполняя поручение, Г.Х. Гасфорту 30 октября 1857 г. доносил: «В выборе чиновника для сего поручения я остановился на состоящем при мне для особых поручений поручика Валиханова [поручике Валиханове]. Офицер этот сын достойнейшего киргизского султана, полковника Чингиса Валиханова, ныне старшего султана Кокчетавского округа, воспитывался в Сибирском кадетском корпусе, несомненной преданности правительству, с очень хорошими дарованиями и на расторопность его вполне можно положиться, сверх того он хорошо ознакомился с историей и нынешним состоянием средне-азиатских владений и, будучи сам мусульманин, скорее русского чиновника может снискать доверие своих единоверцев. Для содействия Валиханову в возлагаемом на него поручения [поручении] я предоставляю в его распоряжение проживающего постоянно в Дикокаменной орде по моему поручению касимовского татарина Файзулу Ногаева, бывшего еще в 1824 г. с гг. Мейенфордом и Негри в Бухаре и Хиве в качестве переводчика и удостоившегося получить в награду звание тархана. Как человек бывалый в дальних азиатских странах и ознакомившийся, во время долголетнего пребывания между дикокаменными киргизами, с посещающими иногда страну эту кашгарскими купцами, – Ногаев может быть употреблен в этом деле с особеною пользою, а к тому же влиянием своим на старшин дикокаменных киргизов обезопасить проживание Валиханова посреди этих необузданых дикарей...» и «...согласно повелению Его Величества все мои наставления посылаемому чиновнику будут словесные и никаких бумаг он при себе иметь не будет»². В своих письмах 1 и 2 декабря 1857 г. министр иностранных дел и военный ми-

1 Там же. С. 332–333.

2 Там же. С. 337.

нистр одобрили план по посылке в Кашгарию поручика Чокана Валиханова¹.

Уже после поездки Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан в 1868 г. на страницах журнала Русского географического общества будет сообщено: «В 1858 г., по случаю беспрерывных смут и восстаний в Восточном Туркестане, неблагоприятно отражавшихся на подвластном России киргизском населении, правительство наше признало необходимым отправить доверенное лицо в Кашгар, для получения на месте достоверных сведений о положении тамошнего края, а также для исследования торговых путей в этой части Средней Азии...»².

Совершенно справедливо отмечено академиком А.Х. Маргуланом, что путешествие в 1857 г. для Чокана Валиханова было прелюдией перед его экспедицией в Восточный Туркестан. Эта поездка на Тянь-Шань оказалась насыщенной в плане знакомства с жизнью сопредельного с казахами народа. Чокан Валиханов собрал обширный полевой материал по истории, этнографии и культуре кыргызов.

Впечатления от путешествий 1856–1857 гг. остались в рукописных трудах «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Западный край Китайской империи и г. Кульджа (Дневник поездки в Кульджу 1856 г.)», «Записки о киргизах». Эти ранние рукописи были опубликованы под редакцией академика А.Х. Маргулана в 1960-х годах. Академик справедливо отметил: «Уже в этих работах Чокан Валиханов проявил себя как наблюдательный и эрудированный ученый, прекрасно знающий географию Тянь-Шаня и Семиречья, историю народов, населявших эти районы в древние времена»³. Казахстанские географы в лице А.С. Бейсеновой и М.Ж. Жапбасбаева в своих докладах на Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова, дали справедливую оценку его путешествиям, отмечая наблюдения за рельефом Внутреннего Тянь-Шаня, вклад в карто-

1 Там же. С. 338–340.

2 Поездка Ч.Ч. Валиханова в Кашгар // Известия Императорского Русского географического общества. Т. IV. № 4 (23 июля 1868 г.). СПб. 1868. С. 264.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 57.

графию исследуемых территорий, описание речных сетей и озер, характеристики флоры и фауны¹. Кыргызские исследователи также по достоинству оценили научный вклад Чокана Валиханова в изучении истории и культуры своего народа, о чём мы писали выше.

Кульминацией поездки Ч.Ч. Валиханова стало его знаменитое путешествие в Кашгарию в 1858–1859 гг. В то время Кашгария, или Восточный Туркестан, была закрытой страной, небезопасной для жизни иностранцев. Трагическая судьба известного географа Адольфа Шлагинтвейта является ярким свидетельством жестокого обращения местных властей с европейцами. По словам П.П. Семенова-Тян-Шанского, «отрубленная голова Адольфа Шлагинтвейта была поставлена на верху пирамиды, которую Валихан-туре приказал соорудить из голов им казненных людей. Все это случилось в августе 1857 г.»²

Инициаторы поездки Ч.Ч. Валиханова в Кашгарию в лице ученого-географа, путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского, генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта и управляющего Сибирскими киргизами полковника К.К. Гутковского прекрасно осознавали всю опасность предстоящего мероприятия. П.П. Семенов-Тян-Шанский морально готовил Ч.Ч. Валиханова для этого опасного путешествия. Встречаясь с Чоканом в Семипалатинске и Омске, он убеждал его в необходимости поездки в Кашгарию для научного исследования неизведанного доселе края. В своих мемуарах он пишет: «Само собой разумеется, что я почел долгом обратить на этого молодого талантливого человека особенное внимание генерала Гасфорта и по возвращении моем из путешествия в Тянь-Шань подал мысль о командировании Валиханова в киргизской одежде с торговым караваном в Кашгар, что и было впоследствии осуществлено Валихановым с полным успехом»³.

Г.Х. Гаспорт, понимая необходимость исследования Вос-

1 Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюз. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. С. 219–228.

2 Семенов-Тян-Шанский П.П. История полувековой деятельности... С. 276.

3 Семенов-Тян-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. С. 51.

точного Туркестана, в свою очередь, попросил П.П. Семенова-Тян-Шанского о содействии в правительственныех кругах в организации экспедиции, что и было сделано. Необходимость организации экспедиции в Кашгарию поддержали не только ученые-ориенталисты, но и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е.П. Ковалевский. Последний, по свидетельству Г.К. Генса, называл Чока на «замечательным ученым» и «лучшим другом киргизского народа и хранителем русских государственных интересов»¹.

Е.П. Ковалевский (1809–1868) был известным востоковедом, почетным членом Петербургской Академии наук, дипломатом, путешественником и писателем. В 1856–1861 гг. служил директором Азиатского департамента МИД Российской империи. В 1849 г. возглавлял российскую миссию в Китае, и на основе собственных впечатлений написал книгу «Путешествие в Китай» (СПб., 1853). Как член Императорского Русского географического общества, вместе с А.Е. Влангали в 1851 г. путешествовал по Семиречью, посетил Западный Китай, в частности г. Кульджу, участвовал в подготовке проекта Кульджинского договора². Именно к Е.П. Ковалевскому обратился П.П. Семенов-Тян-Шанский с просьбой о содействии. Егор Петрович весной 1857 г. подготовил докладную записку на имя министра иностранных дел А.М. Горчакова, где раскрыл политическое и научное значение задуманной экспедиции в Кашгарию.

22 августа 1857 г. российское правительство приняло решение об отправке экспедиции в Восточный Туркестан, предварительно получив согласие со стороны Александра II с докладом Военного министерства. Затем последовала деловая переписка между высокопоставленными чиновниками различных ведомств между Петербургом и Омском. Министр иностранных дел, вице-канцлер, князь А.М. Горчаков и военный министр, генерал-адъютант И.О. Сухозанет постоянно вели переписку с генерал-губернатором Западной Сибири Г.Х. Гасфортом на предмет снаряжения и отправки торгового каравана в Восточный Туркестан.

1 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. С. 209.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 61.

Так, в рапорте от 25 декабря 1857 г. генерал-губернатора Западной Сибири и одновременно командира Отдельного Сибирского корпуса Г.Х. Гасфорта военному министру, генерал-адъютанту Н.О. Сухозанету было сказано: «Состоящий при мне поручик султан Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего наблюдения за ходом дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе, – о движении кашгарского восстания, – о мерах правительства китайского к подавлению оного, – и о духе народа населения возле гг. Кульджи и Аксу, а именно: китайского племени киргизов и сартов, которые, как известно, все более или менее недовольны маньчжурской династией»¹.

Подготовкой экспедиции занимались генерал-губернатор Г.Х. Гаспорт, управляющий Сибирскими киргизами полковник К.К. Гутковский, начальник над алатаускими казахами подполковник М.Д. Перемышльский и, конечно, П.П. Семенов-Тян-Шанский, который находился в это время в Санкт-Петербурге и делал все для организации экспедиции в Кашгарию. П.П. Семенов-Тян-Шанский признавал необходимость сбора драгоценных для России сведений о современном состоянии не только Кашгара, но и всего Алтышара, чтобы разъяснить причины происходивших в то время смут в Китайском Туркестане, находивших отголоски и в русских пределах.

Чокан Валиханов, находясь в Семиречье, уже знал, что его направляют с секретным заданием, и вел переписку со своим непосредственным начальством о цели и задачах предстоящей экспедиции. Об этом свидетельствуют письма из Омска, адресованные Чокану от имени Гасфорта и Гутковского, хранящиеся в именном фонде Ч.Ч. Валиханова в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук². Эти письма были впервые опубликованы в 4 томе собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова под редакцией академика А.Х. Маргулана в 1968 г.³.

Из содержания писем явствует, насколько ответственным было задание. В частности, полковник Гутковский со-

1 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–111об.

2 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–8 об.

3 Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата, 1968. С. 92–96.

ветовал поручику Валиханову: «Естественно, что снаряжение и отправление каравана нельзя сохранить в тайне, следственно кульджинское начальство может быть упреждено о нем или семипалатинскими ташкентцами, или же приятелями нашими дикокаменными киргизами, а необходимость препровождения каравана за Заукинский проход порождает еще более опасений на счет подозрений китайцев, так что нельзя наверняка сказать: будет ли пропущен караван или нет. Посему на путешествие с караваном Вам нельзя положительно рассчитывать и едва ли не лучше, пользуясь гласностью каравана и отвлечением на оный внимания китайцев, искать Вам другого случая пробраться в Кашгар, тем более что караван выступит из Семипалатинска не раньше 1 мая, следственно разве к осени доберется до места. Впрочем, все-таки надобно опровергать в народе молву о цели этого каравана и утверждать смело, если б о нем была речь, что он идет в Кульджу, как и все другие караваны из Ташкента или Киргизской степи¹. Письмо Гутковского представляет собой инструкцию молодому офицеру, как безопаснее попасть в Кашгирию, минуя укрепление Верный, кокандские владения и земли тяньшанских кыргызов. Здесь же рекомендуется в помощники Чокану некий Якуб Джанкулов, «ловкий и смышленый»².

Гутковский также советует Чокану: «...поручение Ваше должно быть столько же скрыто от кокандцев, как и от китайцев... Малейшая с Вашей стороны неосторожность обратит на Вас внимание кокандцев и нужно основательно обдумывать, как приступить к делу и как вести себя в Коканде, чтобы избегнуть неприятных последствий. По мнению его высокопревосходительства, если уже нельзя будет пойти каравану через ущелье земель дикокаменных киргизов, которых корыстолюбие и наклонность к грабительству не менее опасны, как и подозрительная бдительность китайцев, то было бы удобнее проникнуть Вам в Кашгирию через земли этих дикокаменных киргизов вдвоем с Якубом, что навлекло бы менее всего подозрений, а в крайнем случае пришлось бы

1 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 2-2 об.

2 Там же. Л. 2 об.

действовать так, чтобы, оставаясь Вам самим в пределах Дикокаменной орды, послать одного Якуба и через него собрать вышеупомянутые сведения о положении Кашгарского края и народа... При сем можете заверить Якуба, что он будет награжден по заслугам и получит сверх того денежное пособие для предполагаемого путешествия¹. Забегая вперед, отметим, что Чокан Валиханов не остался у кыргызов, а отправился с караваном в Восточный Туркестан как сын кашгарского купца и успешно выполнил задание.

Современники Чокана впервые, возможно, из его уст услышали, насколько было секретным и опасным это путешествие. Потанин, в частности, в своих воспоминаниях о Чокане так описывал этот поход: «Поручение было опасное и для исполнения его нужен был человек и большого [большой] деятельности, с наблюдательным умом и при том такой, который бы знал татарск[ий] язык и восточные приемы, так как приходится ехать переодетым в азиатское платье. Нельзя было найти человека, который более соответствовал бы всем этим условиям, как Валиханов»².

Для обеспечения безопасности Чокана и выполнения поставленных задач, возможно не без помощи семипалатинского купца Букаша Аупаева, была придумана легенда, по которой Валиханов представлялся сыном одного кашгарского коммерсанта, когда-то выехавшего в Россию еще в 1830-х гг. и умершего где-то в Саратове. Оставшийся сын кашгарца Алимбай был одногодком Чокана, с этой легендой согласились организаторы экспедиции Гасфорту и Гутковский. Таким образом, Чокан принял имя Алимбай, а Букаш распустил молву о том, что молодой кашгарец приедет из Саратова в Семипалатинск к Мусабаю, своему родственнику, для отправки к родне в Кашгарию. Букаш узнал, что в Кокандском ханстве живет родная бабушка Алимбая, мать умершего кашгарского купца. Для обеспечения безопасности каравана Букаш назначил караван-бashi своего надежного человека – коммерсанта Мусабая Тахтубаева, имевшего родственников по ту сторону границы и которого хорошо знали в Кашгари.

1 Там же. Л. 4–5.

2 РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. д. 322. л. 15.

С находящимся в Верном Чоканом шла оживленная переписка. 9 января 1858 г. генерал Гасфор特 писал поручику Валиханову: «Прошу, ваше благородие, по прибытии каравана в укрепление Верное и по совещании с начальником оного уведомить меня, когда можно будет ожидать возвращения каравана? Весьма вероятно, что это не может последовать ранее весны будущего года, потому, что зимой через горы каравану трудно следовать. <...> Относительно пребывания в горах и возвращения отряда придерживайтесь в точности распоряжений, которые сделаны будут подполковником Перемышльским, с коим и можете вы переговорить о намерении вашем посетить Кашгарию»¹.

Узнав о реальном положении дел от самого Чокана Валиханова, 12 февраля 1858 г. генерал Гасфорт пишет министру иностранных дел: «Состоящий при мне для особых поручений поручик султан Валиханов, командированный мною для собрания сведений относительно настоящего положения дела в Кашгаре, по прибытии в укр[епление] Верное донес мне, что вследствие суровой зимы и чрезвычайно обильно выпавшего снега, все пути и проходы через Алатауские горы закрылись с ноября месяца и едва ли откроются ранее конца февраля, а потому все сношения с дикокаменной ордой (кыргызами. – Ж.Е.) с самого начала зимы прекратились и неизвестно положительно, где именно в настоящее время стоит на кочевьях род Богу, начальника коего Бурумбая он должен был предварительно посетить»².

3.3. Поездка в Восточный Туркестан

Ожидая благоприятной погоды для прохода каравана через ущелья Алатауских гор, Ч.Ч. Валиханов находился в Семиречье до весны 1858 г. К этому времени торговый караван из Семипалатинска прибыл в аул Сарыбаса, находящийся у подножья хребта Карамула. Согласно инструкции, Чокан обрил голову, надел национальную одежду и под именем Алимбая, родственника караван-бashi – купца Мусабая Тах-

1 Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-1 об.

2 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 340.

тубаева из Капала, присоединился к каравану. С этого дня начинается знаменитая Кашгарская эпопея, продлившаяся до 12 апреля 1859 г. В работе «Очерки Джунгарии» Чокан Валиханов подробно описал начало своего путешествия: «Путешествие мое началось 28 мая 1858 г. В этот день я присоединился к торговому каравану, который тогда стоял лагерем в урочище Карамула, в 30 верстах от города Капала; караван вышел из города Семипалатинска и принадлежал кокандским и бухарским купцам. При караване было 8 походных юрт, 100 верблюдов, лошадей 65, прислуги 34 человека и товаров на сумму 20 000 руб[лей] сер[ебром]. Я был известен в караване под именем Алимбая и считался родственником караван-бashi, достопочтенного Мусабая. 29 мая караван снялся. Прекрасная погода благоприятствовала нашему путешествию, мы шли сначала пикетной дорогой до Алтын-Эмельского пикета по прекрасным долинам Алматавских предгорий»¹.

Путь торгового каравана пролегал через Алтын-Эмельский хребет, долину реки Или, горы Сугуты, Торайгыр, горный жайляу Каркары, перевалы Санташ и Кзылкия, через реку Джиргалан, Иссык-Кульскую долину, ущелье реки Зауку, Джетым-Асу, Тарагай, Чакыркурум, Келинтайгак, Кубергенты, Калмак-Учак, Чатыр-Таш, реку Аксай и Теректинский горный проход. Часть пути проходила через кыргызские владения рода бугу, принявшего российское подданство. Здесь как раз проводились годовые поминки известного кыргызского манапа Бурамбая, и Чокану пришлось участвовать в них.

Полевые записи об истории и культуре местного населения Ч. Валиханов делал на всем пути следования каравана. В его очерке сообщается: «Знакомство мое с киргизами, как было уже замечено выше, началось еще в 1856 г. В 1856 г. верховный манап племени бугу Бурамбай, с подведомственными ему родами, в числе 10 000 кибиток, поступил в подданство России; весной следующего года отправлен, по просьбе самих киргизов (кыргызов. – Ж.Е.), казачий отряд под начальством полковника Хоментовского для ближайшего знакомства с киргизами и для съемки земель, принадлежащих этому племени».

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 56.

ни. Это [эта] первая русская экспедиция в течение 2 месяцев успела обозреть северную часть озера Иссык-Куль и снять в двухверстном масштабе карту местности по его северному берегу до р. Аксу, по южному до р. Зауку. Находясь при экспедиции, я посетил аул Бурамбая, собрал несколько замечательных преданий и составил записку о дикокаменных киргизах. Впоследствии я имел столкновение с бурутами других племен: сарыбагышами, солту и, наконец, в настоящее путешествие познакомился с их кочевьями до самого Кашгара¹.

Еще раз отметим деятельность генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта в организации экспедиции в Восточный Туркестан. Он со всей ответственностью подошел к организации специальной миссии. Это следует из его переписки с высокими государственными чиновниками России. Так, в письме министру иностранных дел, вице-канцлеру, князю А.М. Горчакову от 31 декабря 1857 г. Гасфорт писал: «Вследствие секретного отношения вашего сиятельства № 331 и одновременно с ним полученного от [господина] военного министра, мною сделаны следующие распоряжения: 1) Для снаряжения каравана в Кашгар я командировал в Семипалатинск товарища военного губернатора области сибирских киргиз полковника Гутковского, поручив ему совместно с военным губернатором Семипалатинской области генерал-майором Пановым устроить предприятие это, не обнаруживая истинной цели, а под предлогом учреждения прибыльной торговли, в поощрение коеи им предоставлены таможенные облегчения... 2) Состоящий при мне поручик султан Валиханов отправлен уже в кочевья дикокаменных киргизов для ближайшего наблюдения о ходе дел в частях Западного Китая, прилежащих к южной нашей границе; о движении кашгарского восстания, о мерах правительства китайского к подавлению онаго, и о духе народонаселения возле городов Кульджи и Аксу... которые недовольны Манжурской династией. Для воспособления поручику Валиханову в собрании этих сведений, одновременно с ним послан татарин Файзулла Ногаев к тем же дикокаменным киргизам, к манапу Бурумбаю рода Богу, в коем Ногаев пользуется особым уважением.

1 Там же. С. 64–65.

Кроме того Валиханову даны подарки для Бурумбая и других старшин на 160 руб. 75 к. и деньгами 200 р[уб]. Приезд поручика Валиханова к дикокаменным киргизам имеет предлогом необходимость личного совещания с манапами рода Богу по поводу просьбы их об оказании им помощи против Сары-Багышцев. Ко времени прибытия в укр[епление] Верное снаряжаемого каравана поручик Валиханов возвратится туда же и, переодевшись в киргизское платье, будет находиться при караване как родственник начальника онаго. Проникнув таким образом в Кашгар, он проверит на месте известия прежде собранные им у дикокаменных киргизов и будет приобретать по возможности верные и точные сведения как о движении и характере восстания, о средствах онаго, о предводительствующих лицах, о ходжах прежней династии, равно и о самой стране, доселе нам мало известной. Усердие и способности этого офицера дают мне повод надеяться, что подобные наставления, данные мною ему по этому предмету, будут выполнены»¹.

Переписка между Петербургом и Омском об отправке Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан в составе торгового каравана была постоянной и носила конфиденциальный характер. 16 января 1858 г. военный министр И.О. Сухозанет в своем письме Г.Х. Гасфорту писал: «На отзыв Вашего Высокопревосходительства от 25 декабря прошлого года № 64, имею честь ответствовать, что отдельные ваши распоряжения о снаряжении каравана в Кашгар и отправлении туда поручика Валиханова по собрании сведений о происходящем в западном [западных] китайских провинциях, совершенно соответствуют Высочайшим указаниям, предложенным в отношении моем от 2 минувшего декабря № 118»².

Министр иностранных дел А.М. Горчаков в своих письмах также сообщал о необходимости снаряжения торгового каравана в Кашгар. В одном из писем от 31 марта 1858 г. он с беспокойством писал генерал-губернатору Западной Сибири Гасфорту: «Военный министр по Высочайшему повелению сообщает, что рапорт Вашего Высокопревосходительства

1 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 340–341.

2 ЦГА Руз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 19. Л. 55.

от 25 февраля № 17, в котором прояснено, что принятый китайским правительством, по случаю восстания, меры затрудняют проезд в Кашгар и что наш караван, в случае несогласия местных властей на дальнейшее его следование по назначению, отправится в Кульджу для сбыта товаров и собрания сведений. К сему Вы, Милостивый Государь, присовокупляете, что поручик Валиханов постараётся из Кульджи проехать в Кашгар с караваном или один»¹. Из содержания письма ясно, что российские власти предусматривали и такой вариант, так как события в западной провинции Китая носили непредсказуемый характер, и не было никакой гарантии в благополучном переходе границы.

Российское правительство, заинтересованное в получении достоверной информации о Восточном Туркестане, надеялось на благоприятный исход предстоящей экспедиции. Об этом свидетельствует содержание вышеуказанного письма, в котором министр иностранных дел пишет Гасфорту: «Государь Император изволил обратить особое внимание на сии сведения. Принимая в уважение, что китайское правительство допускает торговые сношения азиатцев с Кашгаром, Его Величество надеется, что и в теперешних обстоятельствах наш караван успеет проникнуть в сей край под видом татарского, если он будет действовать с благородством и постоянством, если начальник каравана, помня, что столь предприятия политическая, а не торговая, не станет внимать своеобразным внушениям купцов, которые заботятся о скорейшей продаже товаров, если одним словом государственная польза [польза] будет пожертвована частной. В том направлении каравана в Кульджу, с целью сбыть лиш [лиши] товары, если не удастся проникнуть в Кашгар, делается само собою для наших предположений бесполезным. Государь Император, не сомневаясь [не сомневается] в ревностной готовности Вашего Высокопревосходительства исполнить его волю по столь важному для нас делу»². Текст письма свидетельствует, что не только министры, но и император Александр II был в курсе дел предстоящей экспедиции.

1 Там же. Л. 153.

2 Там же. Л. 153-154.

Осложнения начались еще в Семипалатинске. В одном из писем Гасфорта, адресованном в Санкт-Петербург от 31 августа 1858 г., было высказано волнение по поводу распространившегося слуха о смутах среди кыргызов, вызванных смертью манапа Бурумбая и достигшего Семипалатинска, что встревожило купцов, участвовавших в снаряжении каравана. Они начали отказываться от этого мероприятия. Тогда в Семипалатинск из Омска был командирован полковник Гутковский, знавший купцов формировавшегося каравана. Ему пришлось дать дополнительно 120 руб. на снаряжение торгового каравана в Восточный Туркестан¹. В следующем письме министру иностранных дел от 28 октября 1858 г. Гасфорту докладывал, что «Букаш, для исполнения выраженного правительством желания, вызвался снарядить караван без всякого обеспечения и рискуя собственным и товарищем его капиталом»².

Тревогу также вызывало распространение слуха среди кыргызов, что якобы в караване находится российский офицер, который спит на железной кровати и имеет самовар. Видимо, такой слух имел место, так как восточные караванщики не спали на походных железных кроватях и не пользовались в пути самоваром. Конечно, и эти факты, и то, что сама дорога за Иссык-Кулем была опасна нападениями со стороны местного населения, заботили Чокана. Но, невзирая на опасности, он твердо решил продолжать свое путешествие в Кашгар. Кроме того, придало уверенности и присоединение к ним трех татарских и кашгарских торговых караванов, идущих в Восточный Туркестан.

Из документов Министерства иностранных дел России известно, что «расходы по снаряжению каравана с нашей стороны составили 2 486 р. 55 к., из них 2111 р. 66 к., с разрешения военного министра, были заимствованы из местных источников (из штаба отдельного Сибирского корпуса) с тем, что будут возмещены из сумм военного министерства: но впоследствии были покрыты из сумм Государственного казначейства. Купец Букаш Аупаев, взяв на себя предприятие

¹ Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 341-342.

² Там же. С. 342.

организовать караван, пригласил по недостаточности собственных средств, нескольких торговцев бухарцев. Благодаря его стараниям образовался караван в 100 верблюдов и 50 лошадей, с соответствующим числом людей, с товаром на сумму 18.300 р. 11 к. В караване находилось 8 торговых хозяев. Сам Букаш вследствие преклонности лет, с караваном не пошел. Караван-башем был ташкентец Муса-бай, проживавший в Копале. Валиханов присоединился к каравану под именем Алим-бая. Ему было выдано деньгами 550 р., прогонов до укрепления Верного 126 р. 88 к., и от Верного до Копала 33 р. 18 $\frac{3}{4}$ к. Караван шел тремя отделениями и они соединились на Каратале 25 июня, откуда должны были следовать через Алтын-Емель к проходу Сенташ»¹.

Путь Чокана проходил через долину Иссык-Куля и р. Зауку (Жууку). Далее открывались три дороги на Кашгар: первая – через город Уч-Турфан, вторая – на Большую Аксайскую, третья – по Атбаш-Арну. Из отчета Валиханова следует, что «после долгих соображений решено было пуститься по Аксайской дороге, как представляющей наименее трудностей сравнительно с остальными караванными путями. <...> Аксайский путь, начинаясь ровною и плодоносною долиною Иссык-куля, сменяется горами, проход в которые делается крут и тесен и образует террасы с двумя альпийскими озерами. Обломки скал лежат большими массами в хаотическом беспорядке, загромождая [загромождая] дорогу. Ущелье (Заукинское) оканчивается крутым подъемом около 800 сажей высоты»².

Каравану пришлось преодолеть немало препятствий, особенно подъем в упомянутое ущелье в Заукинской долине. «Караван не мог подняться в продолжение одного дня и потому одна часть его ночевала на небольшом болотистом плоскогории, которым оканчивается Заукинский проход, а другая часть оставалась внизу на старом ночлеге. Снег, падавший в изобилии, значительно увеличил трудности подъема. Вьючные лошади и особенно верблюды скользили по мо-

1 Там же. С. 342–343.

2 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб. 1904. С. 349.

крым камням и нередко, срываясь на ходу, с грохотом катились далеко вниз, делая частые рикошеты. Таким образом, погибло уж пять верблюдов и две лошади. Спутники мои казались совершенно растерянными. Каждый думал только о том, чтобы благополучно провести наверх своих вьючных животных»¹, – писал Валиханов.

Как отмечено в отчете Валиханова, «от Заукинского ущелья до Кашгара 150 верст по Сырту (спина), как называется страна по причине ее возвышенного положения. Киргизы представляют ее каким-то царством вечной зимы»².

В другом варианте отчета, адресованном министру иностранных дел России А.М. Горчакову, Ч.Ч. Валиханов написал об этом опасном участке пути следующее: «15-го сентября караван вступил в эту негостеприимную область, баловавшую сплошным снегом. Озеро, по берегу которого шла дорога, было покрыто льдом. При вторичном переходе через горы, караван потерял до 200 баранов, которые при темноте вечера, попадали в пропасть»³. Насколько был опасен переход через горные склоны и сколько потеряли в пути скота, свидетельствует отчет Валиханова, где отмечено: «Вьючный скот один сильно страдал от частых перевалов и холода, и в Кашгар пришло только 36 верблюдов из 101»⁴.

Во время путешествия Чокан делал полевые записи в своем дневнике, которые цепны тем, что до него никто из исследователей не посещал эту горную страну. В «Очерке Джунгарии» Валиханов писал: «Несмотря на большую опасность, я вел во время пути и в самом Кашгаре постоянный дневник. Дружеские связи с туземцами, учеными и чиновниками, свободные разъезды по окрестностям дали мне возможность обозреть вполне эту замечательную страну»⁵. Справедливости ради надо отметить, что П.П. Семенов, путешествовавший по Тянь-Шаню, дошел лишь до верховьев реки Нарын и вернулся на Иссык-Куль.

В записях Ч.Ч. Валиханова можно найти географические характеристики горного края, включающие природ-

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 77–78.

2 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. С. 349–350.

3 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-3. Оп. 120. 1857–1865 гг. Д. 1. Л. 79.

4 Там же. Л. 79 об.

5 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 53.

ные и климатические особенности, орографию, флору и фауну Тянь-Шаня. В архиве Русского географического общества сохранился дневник Чокана Валиханова о поездке в Кашгар, где записано: «Сегодня мы перешли Зауку и выступаем в страны неведомые и незнаемые. Неизвестность эта заставляет меня вести более подробный правильный дневник. Караван наш только что успел разбить коши и шатры... <...> Кругом видны белые вершины гор, внизу чернеет ущелье, в глубине которого виднеется небольшое озеро. Идет снег и холодно. Я пишу эти строки в коше при свете походного костра»¹.

Проход через горные перевалы был труден как для людей, так и для животных – разреженность воздуха и недостаток кислорода вызывали удушье. Но, несмотря на опасности, возникающие в пути, караван прошел путь от Заукинского перевала к верховьям реки Нарын, главного притока Сыр-Дарьи. Путешествие по Центральному Тянь-Шаню с севера на юг длилось 12 дней и закончилось на перевале Теректы-Даван 26 сентября 1858 г. Этот перевал был условной границей между Центральной Азией, точнее, тогдашним Кокандским ханством и Восточным Туркестаном. До Кашгара оставалась 151 верста, а до первого китайского пограничного поста – 60 верст. Южный хребет Тянь-Шаня встретил путников летней погодой, ландшафт очаровывал их оазисами с поселениями, пашнями и бахчами. Конечно, все это нашло отражение в полевом дневнике Чокана, где подробно изложено расположение населенных пунктов, обработанных пашен, огородов, садов, работающей оросительной системы, без которой немыслима повседневная жизнь местного населения. При приближении к китайскому пикету Чокан Валиханов вынужден был спрятать свой дневник: «Тороплюсь, дневник сейчас зарывается в землю и если бог встретит нас живыми и здоровыми, не испортит сырость... опять покажем его белому свету. Поручаю тебя аллаху, до свиданья»².

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 66.

2 Там же. С. 67.

Кроме препятствий в виде выпавшего снега, гололеда, ветров, атмосферных осадков, особенно при переходе через горные склоны, каравану пришлось преодолеть немало препятствий и препонов и от местных кыргызов, аулы которых находились по пути следования. Так, по отчету Валиханова известно, что «киргизы (кыргызы. – Ж.Е.) не беспокоили ни разу караван, [но] сделали нападение при спуске в долины с высоты Теректинского ущелья, принявшие [принявш] путешественников за татаров. Впрочем, они ограничились самым скромным выкупом, благодаря занесенному передовым караваном слуху, будто бы 200 человек русских подвигалось не в дальнем расстоянии и сами верблюды навьючены разного рода оружием. Эти же слухи заставили придорожные аулы откочевывать в сторону и не беспокоить караван. <...> Между тем киргизы (кыргызы. – Ж.Е.), не видя нигде военного русского отряда, догадались, что были обмануты и пустились в погоню за караваном, нагнали его, проскакали мимо и заняли проход ущелья к последнему [Кок-Кия]. Каравану [караван-бashi], не видя возможности сопротивляться, вступил уже было в невыгодные переговоры, когда подоспел на выручку отряд из 5-ти человек кокандских сипаев, высланные [высланный] навстречу из Кашгара. Соединенные силы торговцев и вооруженных людей отразили киргизов (кыргызов. – Ж.Е.)»¹.

27 сентября 1858 г. караван подошел к пограничной китайской крепости и после осмотра был пропущен в город. Об этом Ч.Ч. Валиханов пишет так: «Пройдя еще через несколько осмотров и взимания пошлин как законных, так и произвольных, караван вступил в город, обнесенный высокой глиняной стеной. По углам стояли башни легкой китайской архитектуры. Ни садов, ни зданий из за стены не было видно. Таковы все города Восточного Туркестана. Выстроенные из глины, не исключая самих дворцов, они могут быть размыты продолжительными дождями, которых по этой причине очень боятся туземцы»².

В караван-сарае их уже ожидали кокандские представители. Но приезд торгового каравана в Кашгар не прошел

1 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-3. Оп. 120. 1857-1865 гг. Д. 1. Л. 79 об. -50.

2 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. С. 351-352.

без слухов, распространяемых кыргызами, что в караване находятся разрушительные снаряды, и сам начальник каравана является русским. Валиханов отмечал, что «к счастью, коканский консул лично знал нашего караван-бashi и некоторых других наших товарищей; таким образом только заступничеству коканцев мы обязаны были тем, что нас пустили в город»¹.

Биографы Чокана Валиханова отмечают, что он пробыл в Восточном Туркестане с 1 октября 1858 г. и до середины марта 1859 г. Об этом свидетельствует отчет Чокана, где написано: «Поручик Валиханов прожил в Кашгаре 5 месяцев, посетил и окрестные города, успел многое изучить и запомнить»². Во время пребывания Чокана в Кашгаре аксакалом был Насреддин, а затем Нурмагамет-датха. Они радушно приняли семипалатинский караван и предоставили свое покровительство, что обезопасило Чокана Валиханова и его спутников от любых неприятностей. Надо отметить, что кокандцы с восточным гостеприимством встретили Валиханова, устраивали различные увеселения и даже по местному обычаю временно женили его на девушке (чаукен) из знатной семьи.

В отчете Чокана Валиханова по этому поводу есть запись: «Через несколько дней приезжие должны были вступить в браки на время своего пребывания в кашгар [Кашгар]. Этот закон непреложен для всякого иностранца. Охотницы быть замужем на известный срок выходят на особый базар, где и вступают в переговоры с охотниками жениться ненадолго. Венчальный обряд, по форме, скрепляет этот союз, налагающий на мужа единственную обязанность кормить и одевать свою временную жену»³. Стоит отметить, что временная жена порой давала Чокану дельные советы, чем содействовала всестороннему ознакомлению его с местными традициями и обычаями. Это благоприятно сказалось на изучении политического и экономического устройства Восточного Туркестана и способствовало сбору полевых материалов по

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 45.

2 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-3. Оп. 120. 1857-1865 гг. Д. 1. Л. 88 об.-89

3 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. С. 352-353.

истории, культуре и этнографии местного населения, проживающего в шести названных городах.

Описание быта кашгарских женщин-чаушеней, ведущих свободный образ жизни, было обнаружено исследователями среди материалов архива Академии наук СССР (ныне – Санкт-Петербургский филиал архива РАН). По всей вероятности, очерк о кашгарских чаушенах был написан Ч.Ч. Валихановым после поездки в 1856 г. в Кульджу и находился в его черновых записях. Данная работа не имеет названия (оно дано академиком А.Х. Маргуланом) и входит в общее описание Западного края Китайской империи. Впервые этот труд исследователя был опубликован на страницах казахстанского журнала «Простор» в 1963 г.

В своем очерке Чокан свидетельствует: «Кашгар город чрезвычайно многолюдный и населен большой частью мусульманами. Вследствие большого стечения разного народа, жители этого города не отличаются особой чистотой нравов. Вообще туркестанцы Семи городов народ чрезвычайно свободный и без предрассудков. Будучи мусульманами, они открыто пьют вино, бузу и не прячут женщин. Говоря о Кашгаре, нельзя не сказать о кашгарских женщинах, которые славятся красотой по всей Средней Азии. <...> В Кашгаре есть прекрасное обыкновение, согласно которому вы, не нарушая Мухаммедовых заповедей, можете насытиться любовью до сыта. Словом, всякий приезжий может иметь временную, но законную супругу, на основании закона о мутье (согласно обычаю мутье, всякий приезжий купец или путешественник мог временно жениться на кашгарских женщинах-чаушенах без оплаты калыма – ред.)»¹.

Миссия Чокана Валиханова заключалась в том, чтобы собрать подробные сведения о Восточном Туркестане, о чем его инструктировали перед поездкой. В отчете Валиханова записано: «Что касается моих действий, то я во время пребывания в Кашгаре старался всеми мерами собрать возможно точные сведения о крае, особенно о политическом состоянии Малой Бухарии, для чего заводил знакомства с лицами всех наций, сословий и партий, и сведения, полученные от

1 Валиханов Ч.Ч. О Кашгаре и его прекрасных чаушенах // Простор. 1963. № 1. С. 102.

одного, сверял [с] показаниями другого; сверх того я имел случай приобрести несколько исторических книг, относящихся к периоду владычества ходжей и пользовался дружбой некоторых ученых ахунов. Из этих источников заимствованы мною факты, касающиеся влияния ходжей до времен джунгарского владычества и после до падения страны под иго Китая¹.

В «Очерках Джунгарии» также можно прочитать: «Таким образом, сведения, собранные во время путешествия, состоят, во-первых, из личных моих наблюдений; во-вторых, из сведений и материалов, полученных от людей, достойных вероятности и поверенных другими показаниями, и, наконец, из письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг»². В этой работе Чокан подробно описывает и политические события, произошедшие в Восточном Туркестане до его приезда: «Ходжи, потомки прежних кашгарских владельцев, в пользу которых происходили в последнее время несколько кровавых восстаний в Кашгаре, не столько режут китайцев, сколько своих клиентов кашгарцев, одного за то, например, что он служил чиновником при китайском правительстве, другого за то, что зевнул, третьего за то, что он черногорец. Китайцы, после изгнания ходжи, в чем они до сих пор успевали, несмотря на свою военную немощь, первым делом грабят город, топчут хлебные поля своими казенными табунами, хватают женщины, ломают мечети и гробницы...»³.

За время пребывания в Восточном Туркестане Ч.Ч. Валиханов достаточно полно изучил Кашгарию и ее города под названием Алтышара – это Кашгар, Аксу, Уч-Турфан, Янысар, Яркенд и Хотан. Об этом он пишет в отчете: «Факты, относящиеся к территории шести городов и туземного его населения, приобретены от кашгарских беков, шейхов, ахунов и от моих кашгарских родственников, людей, сведущих в этом деле. Имея постоянные и короткие сношения с кокандцами, я получил много данных о состоянии этого ханства и особенно

1 Описание пути в Кашгар и обратно в Аллатавский округ // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. 396.

2 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии С. 53-54.

3 Там же. С. 44.

о последних событиях, имевших последствием падение хана Худояра»¹.

По мнению исследователей, названные шесть городов находились под номинальным политическим влиянием Кокандского ханства и были открыты для коммерческих связей с сопредельными странами Центральной Азии и Казахстана. В городах имелись караван-сараи, где останавливались торговые караваны андижанцев, бухарцев, таджиков, персов, афганцев, индусов и армян. Сюда также заезжали с первой четверти XIX в. русские, татарские, казахские и грузинские коммерсанты с товарами².

По мнению Ч.Ч. Валиханова, кокандцы имели некоторые привилегии, предоставленные со стороны китайских властей. Кокандский хан, с согласия китайского правительства, имел в Восточном Туркестане своего чиновника – аксакала, который одновременно был его торговым консулом и политическим резидентом, и имел право собирать пошлину с товаров, прибывающих из других стран. В целом Восточный Туркестан находился под юрисдикцией Китайской империи. После событий 1857 г. на территории Кашгарии были введены ограничения в передвижении населения и тем более в пребывании иностранцев. Ч.Ч. Валиханов в своем отчете по этому поводу писал: «Все внимание китайских властей сосредоточено на том, чтобы не допустить русских и особенно англичан проникнуть в Кашгар. Здесь существует уверенность, что англичане подсыпают агентов для возбуждения ходжей, которым даже будто бы обещают свою помощь»³.

Население Восточного Туркестана тяготилось господством китайских властей, несмотря на введенные ограниченные привилегии в отношении торговли и местного самоуправления. В целом китайская администрация проводила жесткую политику в Восточном Туркестане. Этого не мог не заметить Чокан Валиханов: «Ненависть туземцев к китайцам непримирима, и не мудрено: китайские чиновники грабят и оскорбляют народ, забирают даром товары; всякий

1 Описание пути в Кашгар и обратно в Алтавский округ. С. 396–397.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 65.

3 Там же.

китаец считает себя вправе быть кашгарца, который при встрече с ним на улице не сойдет с лошади. Вообще состояние Восточного Туркестана самое плачевное и вдобавок безвыходное, благодаря вражде разных партий, не позволяющей народу соединиться для свержения с себя ненавистного ига¹.

В работе «Очерки Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов описывает подробно обстановку, сложившуюся к его приезду в западной окраине Китайской империи: «Когда мы приехали в Кашгар, китайцы только что окончили свои разнообразные истязания, вход в городские ворота украшался длинной алеей из тонких жердей, на которых висели в клетках желтые черепа казненных или туземцев. Город начинал успокаиваться. Новые туземные власти, поставленные китайцами, разъезжали в мандаринских шапках и были всех неуспевавших скоро давать им дорогу»².

О состоянии торговли в Восточном Туркестане Валиханов в отчете пишет следующее: «Торговля находится в руках хокандцев. Но России легко завладеть его [ю, т. е. торговлей], учредив прямые сношения в Восточном Туркестане, потому что продовольствие [обеспечение] хокандцев скотом в руках у русских»³.

О торговой деятельности своего каравана Чокан Валиханов в отчете отмечает следующее: «В Кашгаре мы жили около 5 месяцев. С 1 октября до 13 марта. Торговые операции нашего каравана в этом городе имели вообще удовлетворительный характер. Из счетов сообщенных мне караван-башей видно, что караван при снаряжении имел товаров на сумму 19 тысяч р. серебром: в Большой киргизской (Старший жуз казахов. – Ж.Е.) и Дикокаменной орде продано товаров на 3026 баранов (считая в этом числе дву-годовых барашков); эти бараны и остальные товары проданы в Кашгар на 4.068 ½ кокандских золотых. Скорый сбыт наших товаров и притом на серебро и золото нужно приписать особенно благоприятным случаям. После восстания 1857 г. сношения Кашгара с Кокандом были прерваны, наш караван был первым, привезшим товары

1 Там же.

2 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 44.

3 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. С. 35-4.

на значительную сумму¹. И далее: «В Кашгаре главный предмет вывоза есть чай. По преимуществу зеленый, который не имел сбыта у нас; а главные произведения: даба, хлопчатая бумага, шелк...»².

Политика местных китайских властей заключалась в том, что они не препятствовали торговым взаимоотношениям между Кокандским ханством и Восточным Туркестаном. После подавления выступления ходжей «сношения с Кокандом были возобновлены, кокандский консул жил более месяца в Кашгаре, бухарские и кокандские караваны с каждым днем все более и более наполняли пустые караван-сарай»³.

В одной из публикаций, посвященной поездке Валиханова в Восточный Туркестан, было обозначено, что «серебра вывезено нашим караваном из Кашгара 27 ямб. Принимая во внимание все эти расходы, мы думаем, что караван не вполне доволен своим оборотом»⁴. «Знакомства с купцами разных племен и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах. Находясь постоянно в обществе купцов и живя в караван-сарайе, я особенно хорошо познакомился со среднеазиатской торговлей, с предметами караванной торговли и вообще и особенно в Кашгаре, со среднеазиатским купечеством, с их коммерческими понятиями и экономическими соображениями», – писал Валиханов⁵.

Пребывание Чокана Валиханова в Кашгарии становилось все опаснее. Это было вызвано как нестабильной политической обстановкой в Восточном Туркестане, так и распространявшимися слухами о нем как о русском агенте. Сам Валиханов сообщает: «Продлить пребывание в Кашгаре не было возможности: слухи о присутствии в караване русского агента сильно тревожили город и за приезжими деятельно следили»⁶. В своем отчете Чокан писал: «В конце января приехали в Кашгар несколько кашгарских купцов из Кульджи и

1 Описание пути в Кашгар и обратно в Алатауский округ. С. 394.

2 Там же. С. 395.

3 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 44.

4 Поездка Ч.Ч. Валиханова в Кашгар // Известия Императорского Русского географического общества. Т. IV. № 4 (23 июля 1868 г.). СПб., 1868. С. 287.

5 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 53.

6 Выписка из отчета о путешествии в Кашгар поручика Валиханова. С. 354.

ташкентцев, выехавших из Семипалатинска после нас. Через них распространились слухи, что при караване есть русский агент. Но^р Магомет, зная всех нас коротко, не находя в нас никаких данных, оправдывающих эти слухи, смеется и находит их в высшей степени неправедоподобными; в Коканде между купечеством также поговаривали об этом предмете с добавлениями, что русский агент находится вне города на хуторе, где мы держали верблюдов, так что кокандский михтар поручил своему чиновнику, посланному в Кашгар, осмотреть хутор и наших рабочих»¹.

После таких событий находиться Чокану Валиханову в Кашгаре было небезопасно. Было принято решение покинуть Восточный Туркестан, тем более что наступила весенняя пора, и пути в горах были открыты. Об этом есть запись в отчете: «...11 числа из дома аксакала в сопровождении [сопровождаемые] огромною толпою народа, провожавших нас, выехали из Кашгара. <...> Путь наш лежал по течению реки Тойн на караул Тешик-таш, но так как билет был нам дан через Ислык, то мы должны были сделать небольшой круг, чтобы войти на настоящую дорогу»².

Обратный путь на родину был нелегким, дорога проходила через Южный Кыргызстан, где на перевалах еще лежал снег. На пути следования встречались различные укрепления, здания и высокогорное озеро Чатыр-Куль, где до Чокана не был ни один русский путешественник. «Караван пробирался по снежным сугробам с большим трудом и, пройдя по льду озера, ночевал в горах Таши-рабат, окружающих долину с северной стороны. Озеро Чатыр-куль имеет около 10 верст ширины и около 20 длины, оно должно иметь высокое положение не менее 7000 футов абсолютной высоты»³.

Все виденное в пути Ч. Валиханов отражал в своем отчете: «Рабатом называются на востоке здания, устроенные на больших дорогах для доставления кровя путешественников [путешественникам]. Они устраиваются с богоугодной целью, как мечети, училища, караван-сараи, фонтаны и ко-

1 Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ. С. 379.

2 Там же. С. 380.

3 Там же. С. 381.

*лодцы в пустынях*¹. По древним остаткам бывших строений Чокан Валиханов судил о прошлом наследников, живших на территории современного Кыргызстана. Он писал: «В нагории Сырт только на низменных и теплых долинах Атбаша, Арна и Нарына произрастают пшеница и ячмень. Надо полагать, что в древние времена места эти были населены оседлым или полуоседлым народом, ибо, как говорят киргизы, вниз по Арбашу есть развалины большого города, на Нарыне мы сами видели следы древнего хлебопашества»². О занятиях кыргызов он заметил: «Караван шел посреди киргизских аулов и пашень. Киргизы пахали землю»³.

Путь через Южный Кыргызстан, как отмечалось выше, не был легким. Особенно трудно было пройти каравану через кыргызские кочевья, манапы которых брали мзду за проезд по их территории. Об этом Чокан подробно писал в своем отчете: «При выходе из одного ущелья (Зауки), сделав около 530 верст в 23 перехода от Кашгара, караван был встречен киргизами (киргизы. – Ж.Е.), знаями о присутствии в нем поручика Валиханова. За это караван поплатился подарком в 300 руб. сер[ебром] и всеми возможными унижениями: киргизы (киргизы. – Ж.Е.) снимали с плеч каждого халат, если только он им приходился по вкусу; грозили разграбить караван, а Валиханова свезти в Хоканд. К счастью, русский отряд, высланный навстречу, выручил снова караван из затруднительного положения»⁴. Кроме того, он замечает: «У киргизских (киргизских. – Ж.Е.) родонаучальников образовались систематические правила, освященные временем, по которому они грабят караваны, но грабят по своему [по-своему] законно, основываясь на древних обычаях и правах»⁵. Однако, несмотря на трудности и опасности, встречавшиеся в пути, караван дошел до места назначения, о чем сказано в отчете отважного путешественника: «12-го апреля Валиханов уже был в укреплении Верном, после 10-ти месяцев и 14 дней трудного путешествия»⁶.

1 Там же. С. 351–352.

2 Там же. С. 353.

3 Там же. С. 358.

4 Там же. С. 354.

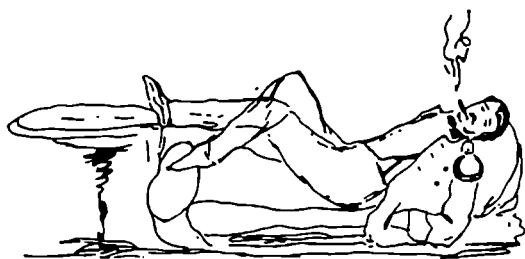
5 Там же. С. 355.

6 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-3. Оп. 120. 1557–1565 гг. Д. 1. Л. 92.

Один из инициаторов поездки Чокана Валиханова в Восточный Туркестан по достоинству оценил его деятельность: «Пробыв около 5 месяцев в Кашгаре Чеккан (Чокан. – Ж.Е.) Валиханов вернулся в Верное в апреле 1859 г. с богатым запасом интересных сведений, а в 1860 г. прибыл в Петербург, где, избранный Членом Географического общества, начал, под руководством П.П. Семенова, разработку обширных собранных им материалов по географии, этнографии и истории Киргизских степей, причем старался пополнить свои сведения слушанием лекций в С.-П.-Б.[Санкт-Петербургском] Университете. Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию по всему, что касается Центральной Азии. Прекрасные статьи Валиханова «Очерки Джунгарии» (40 стр.) и «О состоянии Алтышара» (44 стр.) были помещены в Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ.[Записках Императорского Русского географического общества]за 1861 г....»¹.

---

1 Семенов-Тян-Шанский П.П. История полувековой деятельности.... С. 276.

ГЛАВА IV

Пребывание в Санкт-Петербурге

4.1. Памятные встречи в столице империи

Российский востоковед А.А. Колесников справедливо считал, что первым представителем России, посетившим Кашгарию в 50-х гг. XIX в., был выдающийся казахский ученый Ч.Ч. Валиханов. «Его исследования вошли в научные труды, которые оценены еще современниками как важный вклад не только в русское, но и мировое востоковедение. Материалы, собранные Ч.Ч. Валихановым по Восточному Туркестану, особенно в период его пребывания в Кашгаре (октябрь 1858 – март 1859 г.), и в настоящее время представляют большую научную ценность...», – указывал А.А. Колесников¹.

Благополучное возвращение Ч.Ч. Валиханова из Восточного Туркестана на Родину было особенно приятно для лиц, готовивших столь опасное путешествие. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорту в письме от 13 июля 1859 г. министру иностранных дел, вице-канцлеру, князю А.М. Горчакову писал: «Караван, посланный в мае минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в г. Омск и находящийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов, на коего, согласно высочайшей воли, возложено было известное

¹ Колесников А.А. Русские в Кашгарии... С. 11.

*вашему сиятельству тайное поручение. Из слов сего офицера видно, что несмотря на опасное положение, в котором он находился, быть узнанным некоторыми торговцами, неприязненно расположенным к начальнику нашего каравана, успел однако же собрать многие полезные и желательные правительство сведения*¹.

Как уже отмечалось, угроза быть разоблаченным постоянно висела над Чоканом, ведь еще до прихода каравана в Кашгарию уже распространился слух о том, что вместе с торговцами прибудет в страну русский агент. Трудно сказать, кто распознал в Чокане Валиханове русского офицера, возможно, кто-то из кокандских подданных видел его в Верном до выхода в Кашгарию, или использование им в пути железной кровати и самовара навлекло местных купцов и кыргызов на мысль о чужеземце. В целом, легенда, придуманная для легализации Чокана Валиханова в Кашгарии, – сработала, и лишь в конце своего пребывания в этом краю он, почувствовав опасность, решил покинуть территорию Восточного Туркестана.

Долгий и опасный путь в Восточный Туркестан не мог не сказаться на здоровье отважного путешественника. К тому же необходимо было время для составления подробного отчета о пребывании в Кашгарии. В вышеуказанном письме министру иностранных дел Гасфорту писал: «Я приказал поручику Валиханову набросать их на бумаге в возможно отчетливом порядке для представления вашему сиятельству. Но как всего виденного и слышанного не перепишешь, то полагал бы полезным послать означенного офицера в С.-Петербург для изустных пояснений в Азиатском департаменте, что и исполню, как только записка им будет составлена и он поправится в здоровье, разстроенном [расстроенном] от многих лишений, коим подвергся в течение года»². В этом же письме отмечается, что Валиханов по воинскому званию является поручиком, а по социальному статусу – султаном. Согласно прошению Инспекторского департамента военного

¹ Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 343; РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 207.

² Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 343.

министерства от 31 июля 1859 г. на имя господина герольдмейстера Правительствующего Сената и на основании ходатайства командира Отдельного Сибирского корпуса, поручику Чокану Валиханову был присвоен титул султана¹.

Министерство иностранных дел было заинтересовано в скором получении отчета о поездке в Восточный Туркестан еще и для своевременного представления его государю императору. Командир отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатор Западной Сибири отвечал на запросы министра иностранных дел: «Отчет о поездке поручика Валиханова в Кашгар, составляющийся под непосредственным моим наблюдением и при содействии исправляющего должность военного губернатора области сибирских киргизов, полковника Гутковского, уже оканчивается и будет вскоре за сим доставлен, так как здоровье поручика султана Чокана Валиханова, разстроенное в этой затруднительной поездке, уже начало поправляться и он теперь усиленно занимается окончанием своих заметок².

С возвращением в Омск Ч.Ч. Валиханов, несмотря на недомогание, с усердием работал над отчетом, осознавая актуальность накопленных в пути сведений для высших государственных ведомств Российской империи. Это было нелегко сделать, так как нужно было обработать весь собранный материал и представить в систематическом виде, на что ушло немало времени.

О том, как скоро составлялся отчет Чоканом Валихановым о поездке в Кашгию, несмотря на его болезнь, можно прочитать в одном из сообщений генерала Г.Х. Гасфорта в Санкт-Петербург. В письме министру иностранных дел от 24 января 1860 г. генерал-губернатор Западной Сибири подробно описал всю значимость поездки Ч.Ч. Валиханова в Восточный Туркестан. В частности, в письме сообщается: «В исполнение Высочайшей Государя Императора воли, объявленной мне в секретном предписании господина военного министра от 28 августа минувшего 1857 г. № 10, по распоряжению и убеждению моему семипалатинский купец из таш-

1 РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 125. Л. 44–44 об.

2 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 343–344.

кентцев Букаш снарядил на свой счет торговый караван в Кашгар, избрав начальником онаго (караван-башею) проживающего в Копале ташкентца Мусса-бея. С этим караваном, вышедшими из Семипалатинска 15-го июня и перешедшим в начале сентября 1858 г. Заукинский горный проход, был отправлен секретным агентом состоящий при мне поручик Султан Чокан Валиханов (потомок последнего владетельного хана Средней орды), переодетый в азиатское платье и называясь родственником караван-бashi. После многих испытанных затруднений и опасностей караван этот благополучно возвратился 12 апреля сего года в укрепление Верное. Товары, вывезенные отсюда, были проданы в Кашгаре частью на серебро, а частью выменены на чай и некоторые местные шелковые материи, – выгоды, приобретенные хотя не были значительны, но при представлении Букашу облегчительной пошлины, покрыли сделанные им издержки. Возвращившийся с караваном агент наш, поручик Валиханов, вследствие испытанных в течение продолжительного путешествия лишений, физических трудов, неудобств и нравственных потрясений от опасностей, которым подвергался, рискуя жизнью, если бы настоящее звание его сделалось известным, о чем уже высказывалось некоторое подозрение, прибыл в Омск, сильно занемог, так что при его природной слабой организации нельзя было определить исход этой болезни, долго продолжавшейся. По этим причинам, замедлившим составление отчета сделанных им наблюдений и собранных сведений, я поручил товарищу военного губернатора области Сибирских киргизов, полковнику Гутковскому, пособить поручику Валиханову в составлении его заметок, что по причине той же болезни, конечно, не могло скоро подвигаться. По собрании этих сведений, они приведены ныне под моим наблюдением в систематический порядок, и я имею честь представить вашему сиятельству для всеподданнейшаго Государю Императору доклада, – это описание, по многим отношениям в высшей степени занимательное и полезное для правительства и для науки, ибо оно знакомит довольно отчетливо с военным, политическим и торговым состоянием мало известной страны и выказывает слабое и ошибочное знание оной теми немногими географами, сведениями которых мы доселе руко-

водствовались. При редакции этих заметок, конечно, можно было бы соблюсти более полноты, последовательности в изложении, в слоге, но поспешность, с какою они составлялись, дабы вознаградить время, промедленное по причине болезни г. Валиханова, служит тому извинением. Впрочем, многие не вполне изложенные обстоятельства могут быть дополнены в С.-Петербурге изустно самим Валихановым. Если принять во внимание, что столь многообразные относящиеся почти во всех отраслей науки и государственного устройства сведения, отчетливо составлены молодым человеком, недавно еще окончившим воспитание в Сибирском кадетском корпусе и по происхождению киргизом, между коими весьма трудно встретить людей даже с обычным начальным образованием, что для собрания этих сведений следовало провести продолжительное время, подвергаясь всем лишениям и даже опасению позорной смерти; далее, что сведения эти, объявленные печатно, приобрели бы ему почетную известность в ученом мире, известность лестную для благородного честолюбия...»¹.

Гасфорт ходатайствовал перед министром о награждении участников экспедиции в Восточный Туркестан: «Валиханову следующий чин штаб-ротмистра, орден св[ятой] Анны 3 степени и 500 рублей сер[ебром] единовременного пособия, независимо выданных ему при отправлении 257 руб., которые, равно как и уплату позаимствованных им во время пребывания в Кашгаре и Яркенте у караван-бashi Мусы бея 900 руб., принять на счет казны в числе общих издержек по этой экспедиции. Семипалатинскому купцу Букашу Аупову (единственный вызвался снаряdzić караван, принял на себя все издержки) – золотую медаль на владимирской ленте и чин хорунжего. Муса-бею Тохтубаеву, караван-башу – золотую медаль на станиславской ленте. Полковнику Гутковскому, заботившемуся о снаряжении каравана, – единовременно годовой оклад жалованья 687 р. сер[ебром]»².

Впоследствии Чокан Валиханов по личному распоряжению императора Александра II был произведен в штабс-ротмистры, награжден орденом Святого Владимира 4-й сте-

1 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 344-346.

2 Там же. С. 346.

пени (девиз которого «Польза, честь и слава») и единовременным пособием в 500 рублей серебром. По этому поводу журналист И.И. Стрелкова в своей книге пишет: «Александр II с самого начала проявил большой интерес к экспедиции Валиханова, к личности офицера из инородцев, столь блестяще аттестованного Гасфортом. Получив от Гасфорта представление Валиханова к ордену Святой Анны, Александр II счел награду недостаточной и написал карандашом на полях: «Валиханову Вл[адимира]...». По случаю получения ордена Чокан был во дворце»¹.

В Российском военно-историческом архиве хранится копия указа императора Александра II Капитулу российских императорских и царских орденов от апреля 1860 г. о награждении поручика сultана Чокана Валиханова орденом Святого Владимира 4-й степени: «...в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы..., оказанной им при исполнении возложенного на него осмотра некоторых из приграничных Средне-Азиатских владений»². В этом архиве есть типографский оттиск Высочайшего приказа от 7 апреля 1860 г. о производстве поручика сultана Чокана Валиханова за отличие по службе в штабс-ротмистры³.

Впоследствии по ходатайству Ч.Ч. Валиханова получили награды также и другие участники похода: «Касимовский татарин Гильдеев – золотую медаль на шею на анненской ленте. Ташкенец Ир Назар – золотую медаль в петлицу на владимирской ленте. Ташкенец Мухамед Разык Пирназаров – золотую медаль в петлицу на владимирской ленте. Киргиз Большой орды рода Адбан (албан. – Ж.Е.) Джексенбе – серебряную медаль на шею на владимирской ленте. Ташкенец Азим Джан Саримсаков – такую же медаль на анненской ленте. Киргиз Юсуф Агисов – серебряную медаль в петлицу на анненской ленте. Ташкенцы Абду Керим Шариф Баев и Мирза Мухсин Сагитов – такие же медали на станиславской ленте. Киргиз Джулай Матаев, Сары Хаджи Итемгенов, Мухаммед Джан Кульджанов, Кутлубай Касимов, Мирза Магфур, Кара-Кули, Кендже Сары Хаджим, Ходжа Койгельдин, Хуан

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 195.

2 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 242.

3 Там же. Л. 244.

Али Мир Азимов – почетные халаты. Киргизы: Чалку-бай, Майка Кабилов по 25 руб. сер.; Кабил Байров, Кашгар Бай-Китятов, ташкенец Бир Мулла Кулбаев – по 20 руб. сер.»¹. Список участников Кашгарской экспедиции, награжденных правительственные наградами и медалями «За усердие», хранится в Российском государственном военно-историческом архиве².

Возвращаясь к предстоящей поездке Чокана Валиханова в Петербург, отметим, что ей предшествовала переписка между Омском и столицей Российской империи. В воспоминаниях Семипалатинского военного губернатора, генерала от инфантерии И.Ф. Бабкова (1827–1905), первого председателя ЗСОИРГО, известного своими геодезическими и астрономическими работами по Западной Сибири, говорится: «В Министерстве иностранных дел с нетерпением и живым любопытством ожидали сообщения подробностей о поездке Валиханова в неведомый дотоле Кашгар... Более всех интересовался этим Е.П. Ковалевский, как инициатор этого дела и ориенталист по призванию. Слух о пребывании нашего агента в Кашгаре и о собранных им любопытных сведениях о Восточном Туркестане, или Малой Бухаре, по близкому знакомству Е.П. Ковалевского с графом Блудовым, проник и в высшие петербургские сферы. Произведенное впечатление усиливалось еще и тем обстоятельством, что в Министерстве иностранных дел было известно об отправлении также в Кашгар из Индии английского агента известного Адольфа Шлагингвейта, который впоследствии был убит в Кашгаре»³.

По поводу времени прибытия Чокана Валиханова в Петербург мнения исследователей разнятся. Так, Х. Айдарова в своих работах указывает март 1860 г., академик А.Х. Маргулан называет конец 1859 г., М. Мусина и Б. Тихомиров – февраль 1860 г.⁴. Приходится констатировать тот факт, что Ч.Ч. Валиханов выехал из Омска в Санкт-Петербург только

1 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 346–347.

2 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 282–282 об.: Л. 300–301 об.

3 Бабков И.Ф. Записки о моей службе в Сибири. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума. 1912. С. 1–36.

4 Айдарова Х.Ч. Чокан Валиханов. С. 55; Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 75; Мусина М.. Тихомиров Б. Указ. соч. С. 5.

по завершении отчета о поездке в Восточный Туркестан. Об этом свидетельствует следующее сообщение без подписи: «Приехавший в СПб. по делам службы поручик Валиханов, состоящий при ген[ерал]-губ[ернаторе] Западной Сибири, нуждается в медицинском пособии, и так как он не имеет здесь знакомых, то я поручаю его вашему особенному попечению. Поручик Валиханов лично известен г-ну министру ин[остран-ных] дел, как полезный на службе офицер, и Иван Матвеевич особенно поручает его вам. 14 марта 1860 г. № 981»¹.

По прибытии в Петербург Ч.Ч. Валиханов сделал доклад директору Азиатского департамента МИД Российской империи Е.П. Ковалевскому, а также был представлен министру иностранных дел, видному российскому дипломату и государственному деятелю, вице-канцлеру князю А.М. Горчакову (1798–1883) и его товарищу (заместителю) – графу И.М. Толстому. Именно Иван Матвеевич Толстой был упомянут выше в сообщении без подписи от 14 марта 1860 г.

Влиятельные государственные и военные деятели Российской империи, ученые, писатели и поэты с желанием встречали молодого офицера, отважного путешественника, представителя степной аристократии, произведшего благоприятное впечатление своей образованностью и культурой. Их интересовали политические, агентурные, экономические, научные и другие изыскания Ч.Ч. Валиханова, и они желали получить исчерпывающие ответы на свои вопросы.

Так, министра иностранных дел А.М. Горчакова, по взгляду И.И. Стрелковой, «очень интересовал кашгарский отчет Валиханова, где убедительно говорилось об ослаблении позиций маньчжурской династии в китайских западных колониях, о ненависти народа Восточного Туркестана к колонизаторам, об успешном проникновении русских товаров на рынки Азии, о возможности получить из Восточного Туркестана хлопок. Сведения о хлопке, доставленные Валихановым, вскоре приобретут еще большую ценность, потому что гражданская война в Северной Америке вызовет сокращение ввоза американского хлопка в Европу»². Прочитав отчет Ч.Ч.

1 Извлечение из дела об отправлении поручика Чокана Валиханова в Кашгар. С. 347.

2 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 197.

Валиханова о путешествии в Кашгар, А.М. Горчаков оставил такую запись: «Я был бы весьма благодарен, если бы Вы сообщили Географическому обществу то, что вы из этого почли возможным»¹.

Отчет Чокана Валиханова действительно представлял исключительную ценность для царского правительства. Об этом в рапорте генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорта военному министру генерал-адъютанту Н.О. Сухозанету от 4 января 1860 г. написано так: «...это описание по многим отношениям в высшей степени занимательное и полезное для правительства и для науки... <...> ...знакомит довольно отчетливо с военным, политическим и торговым состоянием малоизвестной страны и высказывает слабое и ошибочное знание оной тем[и] немногими географами, сведениями которых мы доселе руководствовались...»².

После официальной аудиенции у царя Александра II, награждения высоким орденом и денежной премией, а также повышения в воинском звании, штабс-ротмистр Чокан Валиханов по ходатайству А.М. Горчакова был определен на службу в Азиатский департамент МИД Российской империи.

В Архиве внешней политики России сохранилась переписка между Министерством иностранных дел и Военным министерством по вопросу причисления Чокана Валиханова к Азиатскому департаменту МИД Российской империи. В частности, в письме от 3 апреля 1860 г. на имя военного министра Н.О. Сухозанета заместитель министра иностранных дел И.М. Толстой и директор Азиатского департамента МИД России писали: «По предварительному словесному соглашению с Вашим Высокопревосходительством, я имею честь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой почтить меня уведомлением, не встретится ли препятствие со стороны Военного Министерства к причислению штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту, с тем однако, чтобы независимо от жалованья, которое он будет получать от Министерства иностранных дел, ему было сохранено жало-

1 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-3. Оп. 120. 1857-1865 гг. Д. 1. Л. 77.

2 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 209 об.

ванье и содержание по чину из сумм Военного ведомства... <...> в случае надобности возложить на штабс-ротмистра Валиханова какое либо поручение со стороны Военного Министерства, по предстоящей экспедиции... Министерство иностранных дел не встретит никаких препятствий к командировке его¹. В ответном письме от 7 мая 1860 г. военный министр Н.О. Сухозанет сообщал: «...имею честь уведомить, что для причисления штабс-ротмистра Валиханова к Азиатскому департаменту... со стороны Военного Министерства препятствий не имеется»².

В архиве сохранилась копия доклада канцлера и министра иностранных дел России А.М. Горчакова императору Александру II с просьбой о приглашении Чокана Валиханова на службу в Азиатский департамент МИД России. 18 мая 1860 г. Александр II на прошении министра написал: «исполнить»³. А 15 июня 1860 г. Александр II отдал приказ, в котором были следующие слова: «Состоящий по Армейской Кавалерии Штабс-Ротмистр Султан Чокан Валиханов – состоять при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел, с оставлением по Армейской Кавалерии»⁴.

Таким образом, Чокан Валиханов служил в двух местах: в Военно-ученом комитете Военного министерства, где участвовал в составлении карт Средней Азии и Восточного Туркестана, и в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, директором которого был генерал-лейтенант Е.П. Ковалевский. О нем писали как об администраторе нового времени, либерале по взглядам, демократе по характеру общения с подчиненными и просителями⁵.

В «Очерке Джунгарии» Чокан Валиханов отметил, что привез из Восточного Туркестана редкие и ценные по содержанию восточные рукописи: «Газкирян Султан Сутук Бугра-хан» («История Сутак-Бугра-хана»), «Газкирян Туглук-Тимур-хан» («История Туглук-Тимур-хана»), «Газкирян Ходжагян» («История ходжей»), «Абу-муслим Маурузи» и др. Привез также небольшую нумизматическую коллекцию, коллекции

1 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-2. Оп. 119. Д. 8. Л. 2-2 об.

2 Там же. Л. 3-3 об.

3 Там же. Л. 4.

4 Там же. Л. 9 об.

5 Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 12-13.

горных пород, мрамор, хрусталь, куски нефрита, гербарий, песочное золото, произведения туземных мануфактур и образцы английских товаров, встречающихся на кашгарском рынке¹. По ходу поездки он сделал полевые карандашные записи о разных типах жителей городов Восточного Туркестана, роде их занятий, что представляет уникальный материал для исследователей.

Но важнейшим результатом путешествия Ч.Ч. Валиханова был его фундаментальный труд «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». По отзыву А.Х. Маргулана, «это был первый научный труд, посвященный истории, географии и социальному строю народов Восточного Туркестана, написанный с учетом достижений современной Валиханову науки. По охвату новых материалов, а также по широте и глубине их анализа работа его явилась крупным вкладом в отечественную науку. Она не потеряла своего значения и поныне»².

Эта работа имеет важное научно-теоретическое и научно-практическое значение. Ч.Ч. Валиханов был первым из исследователей, кто сумел описать неведомые до сих пор народ и страну, что стало крупным вкладом в науку. Произведение отличается особым валихановским слогом и лексикой, которые не утомляют, а наоборот, увлекают читателя фактами и событиями. Как утверждает А.Х. Маргулан, было несколько сокращенных вариантов указанной работы, которые хранятся в различных архивах. Один из них издан Ф.Р. Остен-Сакеном под общей редакцией П.П. Семенова-Тян-Шанского (Поездка Валиханова в Кашгар. По материалам Валиханова. ИРГО. Т. 4. 1868. С. 278–287)³.

В архиве Русского географического общества в Санкт-Петербурге хранится часть этой работы. Она называется «Валиханов. [Восточный Туркестан]». Рукопись неполная, начинается с 292-й страницы – с III отдела под названием «Народонаселение». Всего в рукописи 97 листов с автографом автора⁴. В этом архиве есть также рукопись

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 55–56.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 73.

3 Там же. С. 75.

4 Архив Русского географического общества. Разряд 65. Оп. 1. Д. 21. Л. 1–97.

«Описание Алтышара или Кашгара. 1859 г.» – на 53 листах¹. Эти работы выполнены не рукой самого Ч.Ч. Валиханова, а писарями. По всей вероятности, они составлены для служебного пользования и, как считает академик А.Х. Маргулан, «в течение двух лет рукопись Валиханова прошла через руки многих ученых, высокопоставленных чиновников и военных. Ее читали офицеры Генерального штаба, руководители Военного министерства, Министерства иностранных дел, члены Государственного совета и комитета министров. По просьбе наместников и генерал-губернаторов рукопись побывала и в провинциях, например в Оренбурге»². В Российском военно-историческом архиве также имеется «Краткое извлечение из описания Кашгарии или Алтышара, составленного поручиком Валихановым» [1859 г.]³.

Биографы Чокана Валиханова постарались максимально осветить петербургский период его жизни. В работах Х. Айдаровой, А.Х. Маргулана, М.И. Фетисова, И.И. Стрелковой, М. Мусиной, Б. Тихомирова и других авторов можно найти интересные факты из жизни Чокана в Петербурге.

Академик А.Х. Маргулан полагал, что Ч.Ч. Валиханов по поручению Военно-ученого комитета Военного министерства участвовал в составлении карт Средней Азии и Восточного Туркестана. При его непосредственном участии были подготовлены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края» (1856 г.), «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции к оз. Иссык-Куль» (1856 г.), «Карта Западного края Китайской империи» и т. д. Изучал он также старинные карты на разных языках⁴. Сам Чокан Валиханов писал: «...по поручению его высокопревосходительства г. генерал-квартирмейстера занимаюсь составлением карты Средней Азии, на основании новейших съемок и тех богатых материалов, которые хранятся в нашем Топографическом депо»⁵.

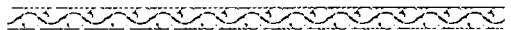
1 Там же. Разряд 65. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-53.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 73-75.

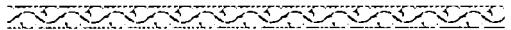
3 РГВИА. Ф. 447. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-15 об.

4 Там же. С. 81-82.

5 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 54.

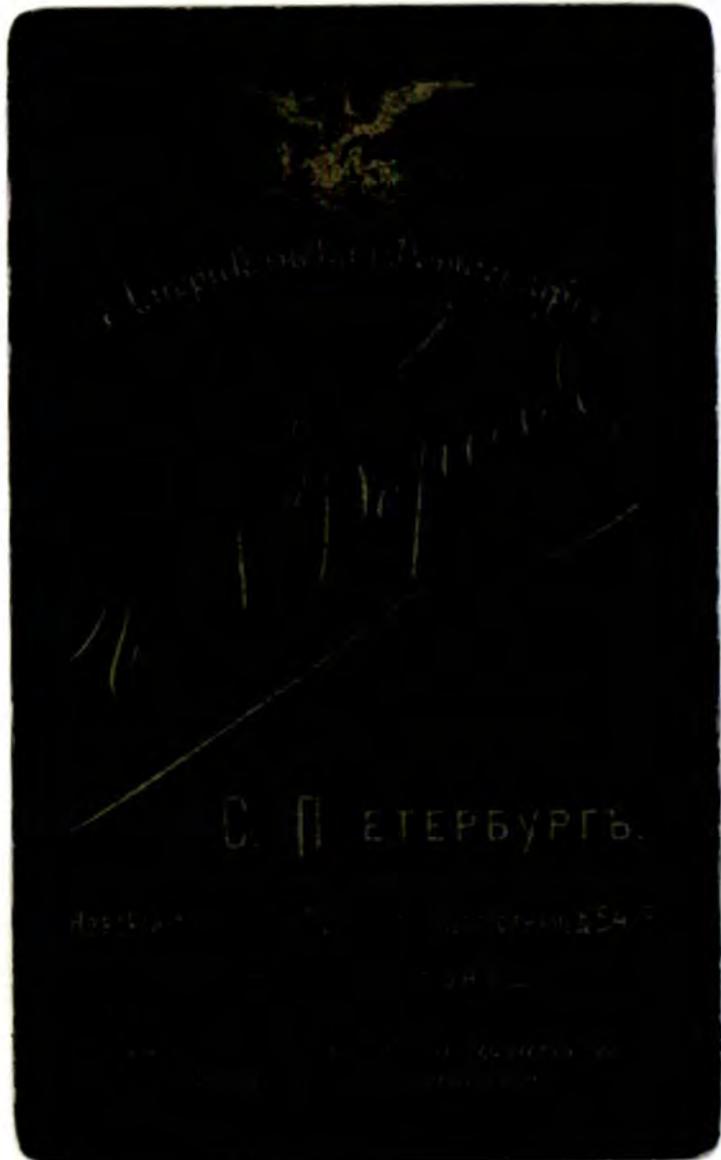
Фотографии

Чокан. 1860 г. Санкт-Петербург.

Фотография из Научной библиотеки
Национального исследовательского Томского
государственного университета.

Фотография из Научной библиотеки
Национального исследовательского Томского
государственного университета.

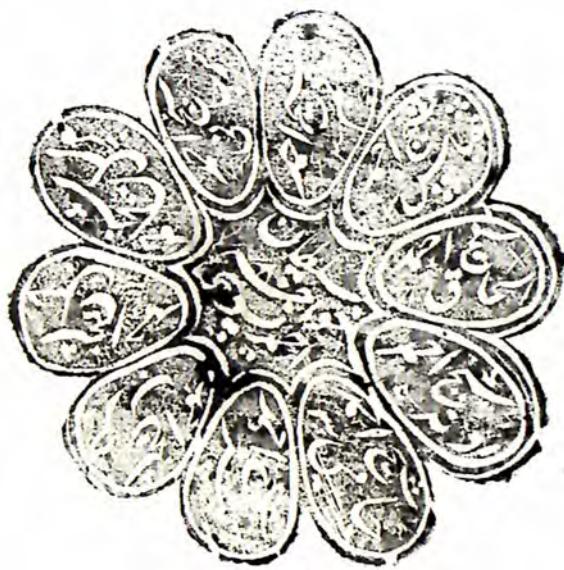
ALFRED LORENS
ST. PETERSBOURG

N°

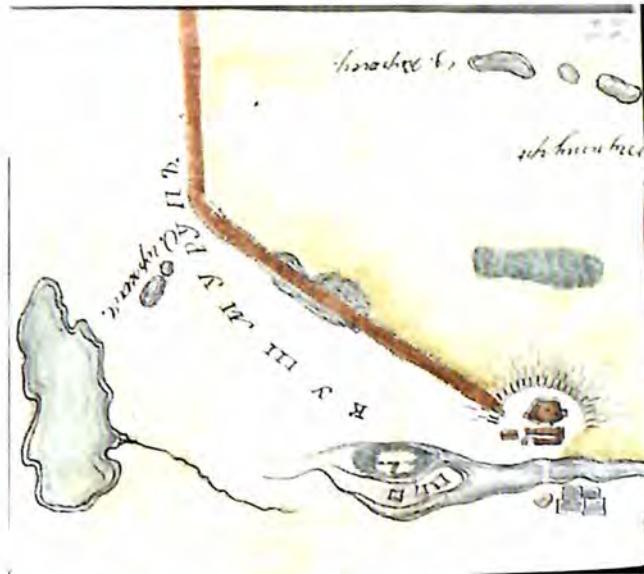
PERSP DE NEVSKY
MAISON BOSSE
5.

П.П. Семенов-Тян-Шанский.
Фото из Архива РГО. г. Санкт-Петербург.

Вензель Ходжи Ахмета Ясави.

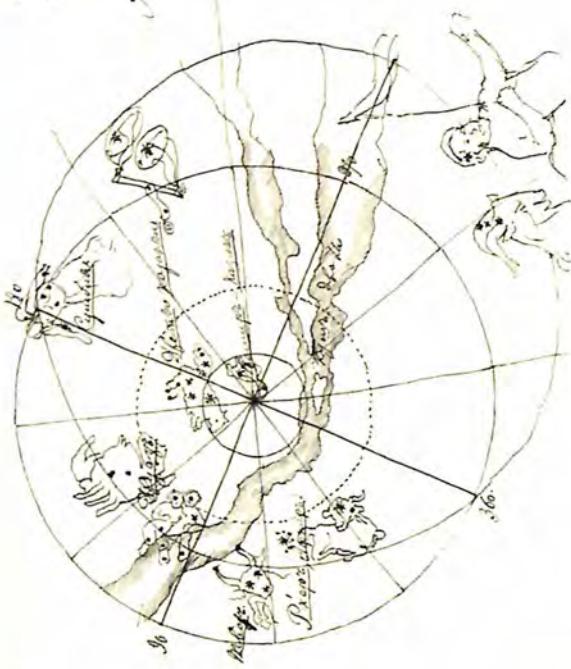
Зарисовка с миниатюры древних рукописей.
Тушь. 1856 г.

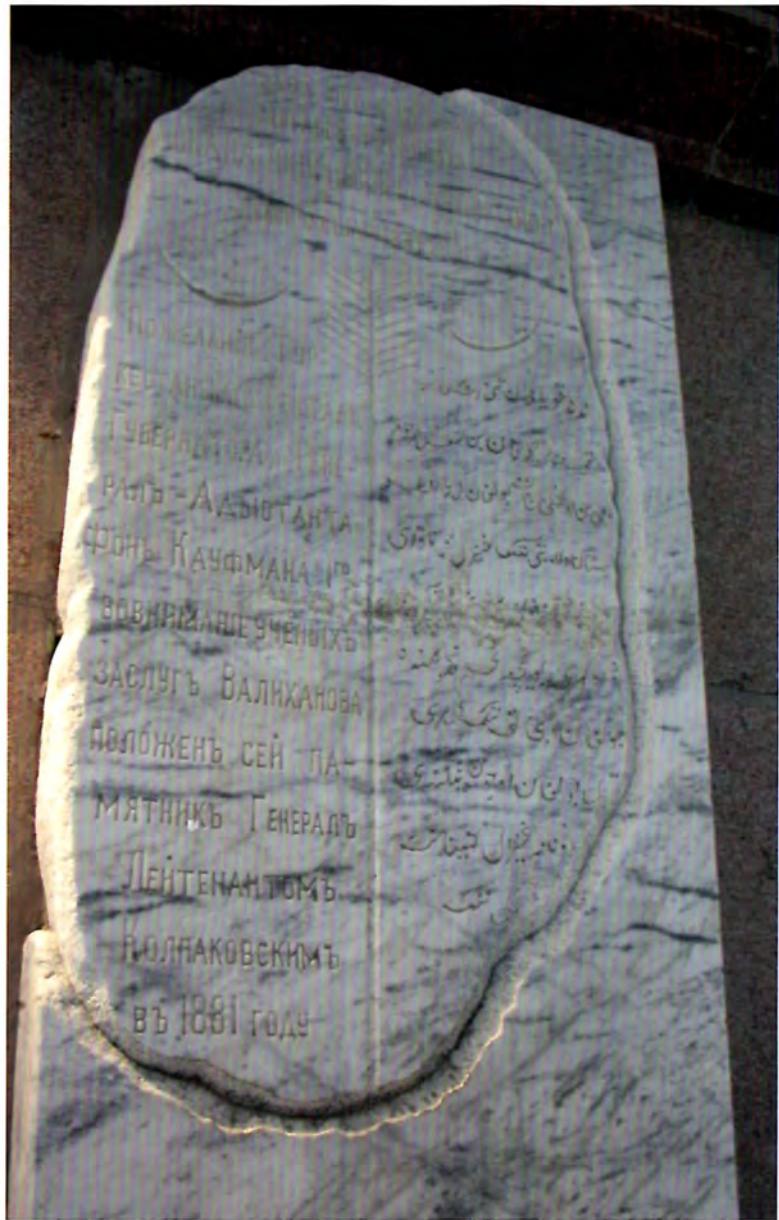
План крепости Күшмурун.

Акварель. 1852 г. Рисунок Чокана Валиханова.

36.1 — 1. 36.2 — 2. 36.3
 36.4 — 3. 36.5 — 4. 36.6 —
 36.7 — 5. 36.8 — 6. 36.9 —
 36.10 — 7. 36.11 — 8. 36.12 —
 36.13 — 9. 36.14 — 10. 36.15 —
 36.16 — 11. 36.17 — 12. 36.18 —
 36.19 — 13. 36.20 — 14. 36.21 —
 36.22 — 15. 36.23 — 16. 36.24 —
 36.25 — 17. 36.26 — 18. 36.27 —
 36.28 — 19. 36.29 — 20. 36.30 —
 36.31 — 21. 36.32 — 22. 36.33 —
 36.34 — 23. 36.35 — 24. 36.36 —
 36.37 — 25. 36.38 — 26. 36.39 —
 36.40 — 27. 36.41 — 28. 36.42 —
 36.43 — 29. 36.44 — 30. 36.45 —
 36.46 — 31. 36.47 — 32. 36.48 —
 36.49 — 33. 36.50 — 34. 36.51 —
 36.52 — 35. 36.53 — 36. 36.54 —
 36.55 — 37. 36.56 — 38. 36.57 —
 36.58 — 39. 36.59 — 40. 36.60 —
 36.61 — 41. 36.62 — 42. 36.63 —
 36.64 — 43. 36.65 — 44. 36.66 —
 36.67 — 45. 36.68 — 46. 36.69 —
 36.70 — 47. 36.71 — 48. 36.72 —
 36.73 — 49. 36.74 — 50. 36.75 —
 36.76 — 51. 36.77 — 52. 36.78 —
 36.79 — 53. 36.80 — 54. 36.81 —
 36.82 — 55. 36.83 — 56. 36.84 —
 36.85 — 57. 36.86 — 58. 36.87 —
 36.88 — 59. 36.89 — 60. 36.90 —
 36.91 — 61. 36.92 — 62. 36.93 —
 36.94 — 63. 36.95 — 64. 36.96 —
 36.97 — 65. 36.98 — 66. 36.99 —
 36.100 — 67. 36.101 — 68. 36.102 —
 36.103 — 69. 36.104 — 70. 36.105 —
 36.106 — 71. 36.107 — 72. 36.108 —
 36.109 — 73. 36.110 — 74. 36.111 —
 36.112 — 75. 36.113 — 76. 36.114 —
 36.115 — 77. 36.116 — 78. 36.117 —
 36.118 — 79. 36.119 — 80. 36.120 —
 36.121 — 81. 36.122 — 82. 36.123 —
 36.124 — 83. 36.125 — 84. 36.126 —
 36.127 — 85. 36.128 — 86. 36.129 —
 36.130 — 87. 36.131 — 88. 36.132 —
 36.133 — 89. 36.134 — 90. 36.135 —
 36.136 — 91. 36.137 — 92. 36.138 —
 36.139 — 93. 36.140 — 94. 36.141 —
 36.142 — 95. 36.143 — 96. 36.144 —
 36.145 — 97. 36.146 — 98. 36.147 —
 36.148 — 99. 36.149 — 100.

Контур звездного неба по астрономическим представлениям казахов и казахские календарные годы. Перо. 1862 г.

Надгробная надпись на могиле
Чокана Валиханова в Алтын-Эмель.

Усадьба Валихановых в Сырымбете,
где провел юные годы Чокан.

Усадьба Валихановых в Сырымбете.

Расположена возле села Сырымбет Северо-Казахстанской области.

Научные сотрудники Института истории, археологии и этнографии за работой над рукописью Ч. Валиханова. В центре академик А.Х. Маргулан. 1965 г.
Центральный государственный архив кинофотодокументов и звукозаписи Республики Казахстан.

Мемориальный музей Чокана Валиханова в поселке Шанханай (Шокан)

Кербулакского района Алматинской области.

Музей был открыт 20 сентября 1985 года к 150-летию со дня рождения Ч.Валиханова.

Памятник Чокану Валиханову. г. Алматы. 1969 г.
Бронзовая скульптура Ч. Валиханова выполнена по замыслу
скульптора Х.И. Наурызбаева и установлена на постамент
(архитектор Ш. Е. Валиханов).

Могила Чокана Валиханова
Обелиск был установлен в 1958 г. на месте
упокоения Чокана Валиханова.

Памятник Валиханову в г. Кокшетау.

Памятник Ч.Ч. Валиханову в Омске.

Автор снимка Озеров А.Н.

Портрет Чокана Валиханова.
Установлен 23 июня 2007 г. в штаб-квартире
Русского географического общества.
г. Санкт-Петербург.

Как уже отмечалось, Ч.Ч. Валиханов по представлению министра иностранных дел А.М. Горчакова был зачислен в штат Азиатского департамента МИД. В Азиатском департаменте Ч.Ч. Валиханов мог быть полезен в решении вопросов по присоединению Южного Казахстана и Средней Азии к России. Это было время активного движения России во владения среднеазиатских ханств, в результате которого было ликвидировано Кокандское ханство, куда входили южные земли казахов.

Петербургский период жизни Ч.Ч. Валиханова был наполнен знакомствами с различными государственными деятелями Российской империи. В письме родителям от 9 августа 1860 г. он писал: «За время пребывания в Петербурге я стал чувствовать себя лучше прежнего... Об этом знают хорошо все мои приятели, знакомые и большие начальники, с коими я познакомился здесь, в частности военный министр Милютин, барон Ливен, граф Толстой, сенатор Любимов и многие другие. Бываю я у них в гостях»¹.

В Петербурге Ч.Ч. Валиханов познакомился также с графом, дипломатом, в дальнейшем видным российским государственным деятелем Н.П. Игнатьевым (1832–1908). Скорее всего, Н.П. Игнатьев был известен Чокану еще до приезда в Петербург – как руководитель военно-дипломатической миссии в Бухаре (1858). В 1860 г. Н.П. Игнатьев заключил выгодный для Российской империи Пекинский договор. За подписание договора с китайцами Игнатьеву было пожаловано звание генерал-адъютанта. В 1861–1864 гг. был директором Азиатского департамента МИД России. По мнению И.И. Стрелковой, «меж ними [Чоканом и Игнатьевым] установились самые дружеские отношения. Составляя по поручению военного министра Сухозанета записку об устройстве фактории в Кашгаре, Чокан советовался с Игнатьевым, причем Игнатьев поддержал предложение об устройстве фактории»².

О новых петербургских знакомых мы узнаем из писем Чокана Валиханова к родителям. Так, в одном из них Валиха-

1 Валиханов Ч.Ч. Второе письмо родителям // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 50.

2 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 197.

нов сообщает о прибытии депутации казахских султанов из Оренбуржья, где упомянул о приставе Плотникове¹. Лев Николаевич Плотников, прибывший в составе депутации, был в то время приставом Оренбургских казахов, позднее стал управляющим казахами Букеевской орды. Л.Н. Плотников, вспоминая о встречах с Чоканом Валихановым, признавал, что он лично познакомился с ним в Петербурге и провел с ним несколько «самых приятных» вечеров. Л.Н. Плотников констатировал: «Чокан Чингисович – покуда единственный феномен между киргизами, и в наших оренбургских степях, может быть, долго еще ждать такого явления»².

Можно предположить, что консультативную дружескую помошь Ч.Ч. Валиханову оказывал вице-президент Русского географического общества того времени П.П. Семенов-Тян-Шанский, имевший двухлетний опыт пребывания в Семиречье и в других районах Казахстана (1856–1857 гг.), а также в Кыргызстане, на озере Иссык-Куль и на Тянь-Шане. О взаимоотношениях молодого Чокана Валиханова и известного ученого-путешественника П.П. Семенова-Тян-Шанского мы писали выше. Прав М.И. Фетисов, предположивший, что «дружеские и деловые взаимоотношения Семенова с Валихановым продолжались и в 1860–1861 гг. Находясь в это время в Петербурге, Чокан особенно часто бывал у Семенова, который ввел его в круг научной общественности, продолжал руководить его учеными занятиями, в известной мере знакомил его с общественно-литературными настроениями столицы»³.

В Петербурге Ч.Ч. Валиханов познакомился с известным русским ученым, профессором А.Н. Бекетовым, редактором «Записок Русского географического общества»; востоковедами В.В. Григорьевым, Г. Гомбоевым, Ф.Р. Остен-Сакеном, А.К. Казем-Беком, В.П. Васильевым, И.Н. Березиным, В.В. Вельяминовым-Зерновым, Х. Фаизхановым; профессором Петербургского университета, бывшим консулом в Кульдже И.И. Захаровым; Д.И. Менделеевым и др. Тот факт, что Ч.Ч. Ва-

1 Валиханов Ч.Ч. Второе письмо родителям. С. 51.

2 Плотников Л.Н. [Моя встреча с Валихановым в Петербурге] // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата, 1968. С. 536.

3 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 325.

лиханов имел честь быть знакомым с известными русскими востоковедами, отражен в воспоминаниях Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Потанин пишет: «Конечно, с приезда тотчас же он перезнакомился с ориенталистами, был у Березина, Казем-бека, Васильева»¹, а Ядринцев сообщает: «В Петербурге я встретил Чокана Валиханова офицером как раз в пору его славы, он только что совершил путешествие в Кашгар, ориенталисты с ним заводили знакомство, и я его заставал за разными восточными манускриптами и картами»².

А.Н. Бекетов (1825–1902) был известным русским ботаником, основоположником географии растительности в России, заслуженным ординарным профессором Санкт-Петербургского университета. В 1861–1863 гг. Андрей Бекетов редактировал «Вестник Императорского Русского географического общества», в 1876–1883 гг. был ректором Петербургского университета. Мы уже упоминали о письме Чокана Валиханова А.Н. Бекетову, обнаруженному М.И. Фетисовым. В этом письме, датированном 2 января 1862 г., Ч.Ч. Валиханов, находясь в Сырымбете, информирует А.Н. Бекетова: «... желал бы продать некоторое свое произведение о Кашгаре, не имеющее никакого применения в бродячем быту, в Императорское Русское географическое общество» и потому просит г-на профессора как редактора известить его, на каких условиях может общество приобрести его «Кашгар»: «Я в самом деле желал бы, если это только будет возможным, продать в Общество целиком свои заметки о Кашгаре. Цена будет самая умеренная – 50 рублей за печатный лист, исключая те главы, за которые Вы при отъезде моем из Петербурга дали деньги»³. Такое обращение свидетельствует о том, что между ними установились дружеские отношения в пору совместной работы в Русском географическом обществе и, по мнению М.И. Фетисова, их объединяли общие интересы русского востоковедения. Бекетов в студенческие годы увлекался изучением Востока и даже учился на факультете восточных языков Казанского университета⁴.

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXVII.

2 Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове. С. XXXV.

3 Валиханов Ч.Ч. Андрею Николаевичу Бекетову // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 58.

4 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 335.

М.И. Фетисов предполагает, что в конце 50-х гг. XIX в. у А.Н. Бекетова был повышенный научный интерес к жизни народов Российской империи. «В то время, когда встречался с Валихановым, Бекетовым была задумана большая работа «Описание Кавказского наместничества» из двух частей: общее описание страны и этнография Кавказского края», – писал ученый¹. Несомненно, в период пребывания Чокана в Петербурге А.Н. Бекетов, как редактор солидного научного журнала «Записки Императорского Русского географического общества», способствовал выходу в первых трех его томах за 1861 год трудов Валиханова «Очерки Джунгарии» и «О состоянии Алтышара или шести восточных городов китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 году». Г.Н. Потанин также подтверждает факт их знакомства: «...кроме П.П. Семенова Чокан бывал также у Бекетова»².

Встречался Валиханов в Петербурге и с востоковедом В.В. Григорьевым (1816–1881). Василий Васильевич окончил курс по отделению восточных языков филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Его служебная карьера была связана с Казахстаном. В 1851 г. В.В. Григорьев работал в Оренбургском крае на должности начальника Пограничной экспедиции, где сосредоточивались дела по сношению с ханствами и управлению казахами. В 1854–1859 гг. был председателем Оренбургской Пограничной комиссии, а в 1859–1862 гг. – начальником областного управления Оренбургскими киргизами. Ч.Ч. Валиханов в письме родителям от 9 августа 1860 г. писал: «Завел тесную дружбу с губернатором Области оренбургских казахов Григорьевым, когда он был зимой в Петербурге. Он часто бывал у меня»³. По всей вероятности, Григорьев и Валиханов тесно общались, так как оба были из Казахстана, и им было о чем поговорить. По утверждению И.И. Стрелковой, в архиве Григорьева была часть научного наследия Валиханова: «В науке их многое сближало. Валиханов подхватил мысль Григорьева, что у восточных писателей

1 Там же. С. 336.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXVIII.

3 Валиханов Ч.Ч. Второе письмо родителям. С. 51.

надо искать достоверные сведения по истории Руси, и применил метод Григорьева к изучению казахских преданий»¹.

В.В. Григорьев хорошо знал и Ибрая Алтынсарина. По этому поводу И.И. Стрелкова отметила: «Известно, какую роль сыграл Григорьев в жизни выдающегося казахского просветителя Ибрая Алтынсарина (1841–1889). Помог ему получить русское образование, устроил переводчиком в Оренбургскую пограничную комиссию, снабжал книгами из своей великолепной библиотеки. В 1860 году, когда Григорьев встречался с Валихановым в Петербурге, девятнадцатилетний Алтынсарин работал под его началом в качестве младшего переводчика, и Григорьев с гордостью рассказывал Валиханову о многообещающем юноше. И рассказывал о своем друге молодости, буряте Доржи Банзарове, немало сделавшем для российского востоковедения»².

По всей видимости, В.В. Григорьев познакомил Чокана Валиханова с рядом видных государственных чиновников Российской империи и учеными. К счастью, сохранилась небольшая записка В.В. Григорьева Ч.Ч. Валиханову, где Василий Васильевич сообщает: «Обер-прокурор святейшего синода граф Александр Петрович Толстой желает с Вами познакомиться и просит Вас к себе обедать завтра в 4 часа»³.

По мнению М. Мусиной и Б. Тихомирова, именно В.В. Григорьев свел Валиханова с хранителем рукописей Азиатского музея Императорской академии наук П.И. Лерхом (1827–1884), ученым-ориенталистом, знатоком словесности и истории мусульманского Востока. Можно предположить, какое впечатление произвел П.И. Лерх на молодого человека, как и сам музей, где сосредоточились ценные восточные манускрипты. В свою очередь, Ч.Ч. Валиханов сделал подарок Азиатскому музею. О даре Валиханова известно из бюллетеня Императорской Академии наук, который выходил на французском языке: «Г-н Вельяминов-Зернов представил от имени г-на Валиханова, офицера российской армии, 18 восточных монет и персидскую рукопись ди-

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 202.

2 Там же.

3 Письмо В.В. Григорьева султану Валиханову // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 103.

вана Хакани, пожертвованные Академии для ее Азиатского музея»¹.

Работал Ч.Ч. Валиханов и в фонде библиотеки Петербургской академии наук, где находились редкие фолианты, необходимые ему для работы. По свидетельству биографов Валиханова, «он был в добрых отношениях с библиотекарем I отделения библиотеки Академии наук Аристом Аристовичем Куником»².

Особо стоит отметить участие Ч.Ч. Валиханова в деятельности Императорского Русского географического общества, действительным членом которого он являлся с 1857 г. В газете «Русский инвалид» за 4 мая 1860 г. было напечатано сообщение: «Г[оспода] Члены Императорского Русского Географического Общества приглашаются в обыкновенное собрание Общества, имеющее быть сегодня в среду 4 Мая в 7 ½ час. по полудни, в квартире Общества, близ Певческого моста, в доме Утина, бывшем Пущиных. В этом собрании Д[ействительный] Ч[лен] Валиханов сообщает свои заметки о путешествии в Малую Бухарию»³.

И.И. Стрелкова точно передала атмосферу аудитории, в которой выступал Валиханов: «Его слушал петербургский ученый мир. Географы, этнографы, естественники, историки, востоковеды.... Пришел Федор Михайлович Достоевский, пришли сибиряки Потанин и Ядринцев, с кафедры Чокан отыскал глазами Александра Федоровича Голубева и Михаила Ивановича Венюкова, побывавшего в Семиречье и на Иссык-Куле вскоре после него. И профессор Академии Генерального штаба Макшеев здесь, Аскер-хан, друг Дурова, крупнейший знаток Средней Азии»⁴.

Он, по всей вероятности, не раз выступал на заседаниях Императорского Русского географического общества. По инициативе одного из основателей и почетного члена ИРГО, президента Русского энтомологического общества, основателя эмбриологии, академика Карла Эриста фон Бэра (1792–1876), Чокан Валиханов незадолго до своего отъезда

1 Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 40.

2 Там же. С. 35.

3 Русский инвалид. 1860. 4 мая.

4 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 205.

сделал сообщение о словесности кочевых народов, о связи их языка с русским. По всей видимости, Чокан ходатайствовал о принятии в члены ИРГО своего отца Чингиса Валиевича. Об этом свидетельствует черновик его ходатайства от 3 мая 1860 г., в котором указывалось, что полковник Чингис Валиханов «предлагает свои услуги Обществу по собранию этнографических сведений», «почему считаем полезным предложить... избрать его Действительным Членом»¹.

Доклад, сделанный Чоканом 4 мая 1860 г. на заседании ИРГО, лег в основу его знаменитых «Очерков Джунгарии».

Через 147 лет, 23 июня 2007 г., в Русском географическом обществе (г. Санкт-Петербург, пер. Грибцова, д. 10), в галерее славы, где находятся портреты выдающихся путешественников и ученых, действительных членов этого уважаемого научного заведения, был установлен портрет Чокана Валиханова. Это дань памяти выдающемуся казахскому деятелю от благодарных потомков.

Еще до приезда в Петербург Ч.Ч. Валиханов предполагал слушать лекции на восточном факультете университета. Г.Н. Потанин писал: «Чокан строил план, что он и я сначала отправимся в Петербург слушать лекции в университете...»². Однако в Императорском Санкт-Петербургском университете в то время не читались курсы истории, философии и истории общественного развития, которые больше увлекали Ч.Ч. Валиханова³. По воспоминаниям Н.М. Ядринцева, «в 60 годах Валиханов следил за движением русской жизни, за обновлением ея, он читал лучшие журналы, Костомаров был тогда любимым профессором, и Валиханов заходил в университет слушать его»⁴. И хотя ему не пришлось учиться на факультете восточных языков, Чокан Валиханов, по всей вероятности, часто туда заходил. Его принимали не как слушателя, а коллегу-ориенталиста. Профессор И.Н. Березин попросил Чокана написать статью о его прославленном деде Аблае в первый том «Энциклопедического словаря». Видимо, хорошие, профессиональные отношения сложились у

1 Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 22.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXI.

3 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. S2.

4 Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове. С. XXXVII.

Валиханова и с другими профессорами и преподавателями восточного факультета.

В университете Ч.Ч. Валиханов познакомился с бурятом Галсаном Гомбоевым (1822–1863) – ученым-востоковедом, этнографом, собирателем фольклора. Именно Галсан Гомбоев подтолкнул Чокана Валиханова написать работу «Следы шаманства у киргизов», опубликованную в 1904 г. В то время, когда Валиханов пришел в университет, Г. Гомбоев преподавал монгольский язык на факультете восточных языков. До переезда в Петербург в 1859 г. он работал на кафедре монгольского языка восточного факультета Казанского университета. Возможно, через Г. Гомбоева Ч.Ч. Валиханов познакомился с профессором В.П. Васильевым (1818–1900) – известным синологом, буддологом, санскритологом, который более девяти лет прожил в Пекине, изучая китайский, тибетский, монгольский, маньчжурский языки.

Вслед за М. Мусиной и Б. Тихомировым мы можем предполагать, что под влиянием Гомбоева и Васильева Чокан Валиханов начал изучать монгольский язык и ойратскую письменность. «Среди бумаг Валиханова сохранилась тетрадь, в которой его рукой записаны монгольские буквы, приведена их транскрипция (он соотносил их произношение со звучанием букв русского и арабского алфавитов). Мы видим, что Валиханов тренировался в чтении и написании имен джунгарских правителей в двух вариантах – на старомонгольском и на ойратском. Очевидно, умение читать такое письмо ему было необходимо для того, чтобы работать с письменными памятниками, относящимися к периоду противостояния Джунгарского и Казахского ханств. Зная о феноменальных способностях Чокана к иностранным языкам, можно предположить, что и монгольскую грамоту (хотя бы на начальном уровне) он также смог усвоить»¹.

В Императорском Санкт-Петербургском университете Ч.Ч. Валиханов близко познакомился с татарским ученым-ориенталистом, просветителем Хусаином Фаизхановым (1828–1866). Х. Фаизханов преподавал татарский, турецкий и арабский языки на факультете восточных языков, а до Петербурга он работал адъюнктом восточной словесности Ка-

¹ Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 50–51.

занского университета. В 1858 г. некоторое время работал в архиве Министерства иностранных дел в Москве, написал исследование «Краткая грамматика татарского языка». В 1858 г. он совершил поездку в г. Касимов и Оренбургский край, где познакомился с казахским просветителем Ибраем Алтынсарином. Взаимоотношения между Фаизхановым и Валихановым носили дружеский, товарищеский характер, они помогали друг другу советами, обменивались материалами. До нас дошли два письма Х. Фаизханова, адресованные Чокану Валиханову, содержание которых свидетельствует о том, насколько близко они знали друг друга.

Как ученый-ориенталист Х. Фаизханов был полезен для Ч. Валиханова. Фаизханов по заданию университета собирая материалы для грамматики казахского языка и мечтал побывать в Казахстане в гостях у Чокана. По поводу сбора материалов в своем письме Чокану от 7 апреля 1863 г. Хусайн писал: «*В прошлом году университет мне поручил собирать материалы для грамматики (казахского языка), т.е. грамматические слова, предложения, басни, рассказы (сказки) и песни. Я собрал около двух тысяч слов, большинство их – фразы, а также рассказы, басни, песни, и другие, записанные по устной передаче. Весь этот материал я обработал в этом году. Безусловно, подобную работу сразу отчеканить невозможно. А потому у меня было сильное желание поехать к Вам и посоветоваться с Вами. К сожалению, мое желание не увенчается успехом. Теперь ныне в летний период я намерен тщательно проверить данную работу, местами ее уточнить и дополнить*»¹.

Особого внимания заслуживает связь Ч.Ч. Валиханова с великим русским ученым-химиком Д.И. Менделеевым (1834–1907), профессором Петербургского университета. Знакомство двух выдающихся людей произошло, судя по всему, в семье А.Н. Бекетова, куда захаживал Валиханов. Думается, что Д.И. Менделеев, как и все петербуржцы, был наслышан об отважном путешественнике Чокане Валиханове, и ему небезынтересно было послушать из первых уст о за-

¹ Первое письмо Хусаина Фаизханова Чокану // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 107.

гадочном Восточном Туркестане. Также не последнюю роль играл тот факт, что в годы учебы в Омском кадетском корпусе Чокан часто посещал семью родной сестры Менделеева Е.И. Капустиной, о чем писалось выше.

4.2. Ф.М. Достоевский и Ч.Ч. Валиханов

В Санкт-Петербурге Ч.Ч. Валиханов быстро стал известен как в кругу государственных деятелей, ученых, так и среди творческой интеллигенции. В первую очередь надлежит отметить встречи Чокана Валиханова с великим русским писателем Федором Михайловичем Достоевским (1821–1881), с которым судьба его впервые свела еще в 1854 г. в Омске в доме Ивановых. Тогда Чокану было 19 лет, и трудно было предположить, что их дружба и переписка будут продолжаться до 1862 г.

Из биографии Ф.М. Достоевского известно, что зимой 1849–1850 гг. он, по приговору суда, вместе с С.Ф. Дуроным был отправлен в Омскую военно-каторжную тюрьму, где отбывал наказание четыре года. Знакомство и дружба двух великих людей произошла не без содействия С.Ф. Дурова, с которым и Достоевский и Валиханов были хорошо знакомы. При этом, по мнению М.И. Фетисова, по идейным убеждениям Достоевский и Валиханов «были далеки друг от друга»¹.

Впоследствии Ч.Ч. Валиханов посещал Ф.М. Достоевского в Семипалатинске. Об этом событии вспоминает А.Е. Врангель: «Из немногих посещавших нас последнее время лиц помню, между прочим, заехал проездом, чтобы повидать Достоевского, молодой, премилый офицер-киргиз, воспитанник Омского кадетского корпуса, внук последнего хана Средней орды, Мухамед Ханафия-Валиханов. <...> Он познакомился с Ф.М. в Омске у Ивановых и очень полюбил его»². М.И. Фетисов считает, что «Валиханов специально заехал в Семипалатинск для встречи и беседы с Достоевским, и этот факт

1 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 294.

2 Врангель А.Е. Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири (1854–56 гг.). СПб.: Тип. А.С. Суворина. 1912. С. 95–96.

*свидетельствует, что тогда между ними были самые дружеские отношения*¹.

Ф.М. Достоевский и Ч.Ч. Валиханов вновь встретились в Омске, когда русский писатель второй раз был в этом городе на пути из Семипалатинска в Тверь. Об этом сообщается в письме Достоевского из Твери от 23 октября 1859 г. к А.И. Гейбовичу, бывшему ротному командиру, проживавшему в Семипалатинске: «В Омске я пробыл трое или четверо суток... был у старых знакомых <...> Валиханов объявил мне, что его требуют в Петербург и что через месяц он туда едет. Познакомился через него с хорошим семейством, с Капустными...»². Можно лишь догадываться, какова была встреча двух глубоко уважающих друг друга людей. М.И. Фетисов так пишет о встрече двух друзей: «Они встречались, беседовали, как равный с равным. Молодой Валиханов, естественно, относился тогда к русскому писателю, как к более опытному человеку, признавал его моральное право быть своим наставником. И Достоевский, писатель-психолог, был очарован неизуярдной натурой собеседника»³.

Ф.М. Достоевский в своих письмах всегда тепло отзывался о Чокане Валиханове. Так, по прибытии в Тверь, 31 октября 1859 г. Достоевский в письме Брангелю сообщал: «Ягдаша же ваш и маленький кинжал (как лежавший в чемодане), я почел своею собственностью, так как вы мне все подарили, и, уезжая, подарил, в свою очередь, между прочим, кинжалик Валиханову. Уж за это простите. Валиханов премилый и замечательный человек. Он, кажется, в Петербурге? Писал я вам об нем? Он член географического общества. Справьтесь там о Валиханове, если будет время. Я его очень люблю и очень им интересуюсь»⁴.

Дошедшие до настоящего времени четыре письма Чокана Валиханова и одно письмо Ф.М. Достоевского свидетельствуют, что переписка их продолжалась в течение шести лет

1 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 296.

2 Достоевский Ф.М. Письмо А.И. Гейбовичу // Исторический вестник. Т. XIX. СПб., 1855. С. 128.

3 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 297.

4 Достоевский Ф.М. Письмо А.И. Гейбовичу // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. I. Биография, письма и заметки из записной книжки с портретом Ф.М. Достоевского и приложениями. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых. 1883. С. 134.

– с декабря 1856 г. по октябрь 1862 г. Исследователи уверены, что часть эпистолярных документов Валиханова и Достоевского безвозвратно утрачена или еще не найдена в архивах. Об этом можно судить по письму Чокана Валиханова к Достоевскому от 15 октября 1862 г., где он пишет: «Любезный друг, Федор Михайлович! Письмо твое с известием, что скоро едешь за границу, я давно уже получил и с того времени все собираюсь писать и, как видишь, наконец-таки пишу...»¹. К сожалению, письмо Достоевского Валиханову о предстоящей поездке за границу пока не найдено.

Эпистолярно-публицистическое наследие Ч.Ч. Валиханова, по мнению М.И. Фетисова, является образцом становления в Казахстане эпистолярного искусства как жанра публицистики под влиянием «лучших русских демократических традиций»². Переписка Валиханова и Достоевского, как считают их биографы, отличается публицистическим содержанием, включающим в себя простоту и ясность изложения мыслей. Так, Ч.Ч. Валиханов в первом письме Ф.М. Достоевскому из Омска, после их встречи в Семипалатинске, писал: «Рассстаться с людьми, которых я так полюбил и которые тоже были ко мне благорасположены, – было очень и очень тяжело. Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, что теперь только о том и думаю, как бы еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это не к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю»³.

В ответном письме Федор Михайлович сообщал: «Письмо ваше, добрейший друг мой, передал мне Александр Николаевич (Цуриков. – Ж.Е.)... Вы пишите мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемоний, что я в Вас влюбился. Я никогда и ни к кому, даже не исключая брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам, и бог знает, как это сделалось. Тут бы можно многое сказать в объяснение, но чего Вас хвалить! А, верно, и без доказательств верите моей искренности, дорогой мой Валихан, да если б на эту тему написать десять книг –

1 Валиханов Ч.Ч. Федору Михайловичу Достоевскому // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 63.

2 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... . С. 299.

3 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 107.

ничего не напишешь: чувство и влечение дело не объяснимое. Когда мы простились с Вами из возка, нам всем было грустно после целый день. Мы всю дорогу вспоминали о Вас и в запуски хвалили. Чудо как хорошо было, если бы Вам можно было с нами поехать! Вы бы произвели большой эффект в Барнауле. В Кузнецке (где я был один) (N. B. Это секрет) – я много говорил о Вас одной даме, женщине умной, милой, с душою и сердцем, которая лучший друг мой. Я говорил ей о Вас так много, что она полюбила Вас, никогда и не видя, с моих слов, объясняя мне, что я изобразил Вас самыми яркими красками¹.

Такая привязанность Валиханова и Достоевского объясняется близким духовным расположением двух выдающихся личностей XIX столетия. Трудно найти другого товарища и друга, который так любил и уважал бы Чокана Валиханова, хотя среди его друзей было немало талантливых и известных в российском обществе людей. Ф.М. Достоевский, по его собственному признанию, всей душой полюбил молодого человека и желал ему всего наилучшего. Так, после встречи в Семипалатинске он писал Чокану: «Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу»².

В переписке между Валихановым и Достоевским не было никаких бытовых и служебных секретов, и поэтому Чокан делился своими мыслями. Так, 5 декабря 1856 г. он пишет: «Омск так противен со своими сплетнями и вечными интригами, что я не на шутку думаю его оставить. Как Вы думаете об этом? Просоветуйте, Федор Михайлович, как это устроить лучше»³.

В ответном письме от 14 декабря 1856 г. из Семипалатинска Федор Михайлович советует Валиханову: «Вы пишите, что вам в Омске скучно – еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материала. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих Записок

1 Там же. С. 113.

2 Там же. С. 115.

3 Там же. С. 107.

о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Эта была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске, и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересовали собою Географическое общество. Одним словом и в Омске на Вас смотрели бы иначе. Тогда бы Вы могли заинтересовать даже родных Ваших возможностью новой дороги для Вас. Если хотите будущее лето пробыть в степи, то ждать еще можно долго. Но с 1-го сентября будущего года Вы бы могли выпроситься в годовой отпуск в Россию. Год прожив там, Вы бы знали, что делать. <...> Воротясь в Сибирь, вы бы могли представить такие выводы или такие соображения (мало ли что можно изобразить и представить!) родным своим, что они, пожалуй, выпустили бы вас и за границ[у], т. е. года на два в путешествие по Европе. Лет через 7,8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у Русских»¹.

Литературовед М.И. Фетисов считал, что это «письмо Достоевского к Валиханову, конечно, является выдающимся фактом в истории русско-казахских общественно-литературных отношений»². Надлежит отметить выдающийся вклад М.И. Фетисова в исследование литературно-эпистолярного наследия Чокана Валиханова. В предисловии к книге М.И. Фетисова «Зарождение казахской публицистики» казахстанскими коллегами отмечено, какую значительную исследовательскую работу проводил ученый. В частности, М. Карагаев и А. Брагин пишут: «Изучая эпистолярное наследие Чокана Валиханова, Михаил Иванович вел упорные архивные розыски. В архиве М.А. Бекетовой ему удалось обнаружить неизвестное письмо Валиханова Андрею Никола-

1 Там же. С. 114–115.

2 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 304.

евичу Бекетову, профессору Петербургского университета, видному ученому-общественнику. Письмо не только проливает свет на некоторые стороны быта Валиханова и его исследовательские занятия, но и подтверждает дружеские связи казахского просветителя и путешественника с великим русским ученым Д.И. Менделеевым¹.

Выдающийся казахский писатель М.О. Ауэзов еще в 1956 г. отношениям Достоевского и Валиханова, их безграничной дружбе посвятил такие слова: «В Чокане Валиханове Достоевский сразу угадал человека с ярким и необычным будущим, увидел общественного деятеля, который станет светочем своего народа. ...Через Ф.М. Достоевского он познакомился с А. Майковым, Полонским, Вс. Крестовским; был знаком с Менделеевым, Добролюбовым, посетил в редакции «Современника» Чернышевского. <...> Как видно из переписки, между Достоевским и Чоканом установилась настоящая, искренняя, сердечная дружба. Эта переписка длилась до 1862 года»². И с досадой далее отмечал, что «за последние годы некоторые исследователи жизни и деятельности Чокана Валиханова, в особенности писатели... зачем-то пытаются неуместно, неуклюже отгораживать Чокана от Достоевского, словно боятся, что эта связь затемнит облик Чокана, прогрессивного деятеля казахского народа»³.

О своем здоровье и будущих планах в письме Достоевскому от 14 января 1862 г. Валиханов пишет следующее: «Я до сих пор не писал тебе по разным уважительным причинам, которые будут теперь изложены. Во-первых, я сам думал в октябре быть в Петербурге. Потом заболел и оставил это намерение до декабря. Так как здоровье мое и в декабре оказалось очень слабым, то я склонился на совет сибирских докторов зиму провести в степи, а теперь пришел и сам к тому заключению, что с моим здоровьем в Петербурге жить постоянно нельзя. Поэтому я хочу получить место консула в Кашгаре, а в противном случае выйти в отставку и служить

1 Фетисов М.И. Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата: Казгосиздатхудлит, 1961. С. 9–10.

2 Ауэзов М. Ф.М. Достоевский и Чокан Валиханов // Дружба народов. М., 1956. Март. С. 154–155.

3 Там же. С. 155.

у себя в Орде по выборам. В Кашгаре я бы стал получать хорошее содержание, климат хороший, может быть, здоровье мое поправилось бы. Если это не удастся, и в степи будет недурно. Буду заниматься хозяйством, торговлей, а в случае выбора народа буду честным чиновником и, вероятно, принесу своим родичам более пользы, чем их безграмотные и дикие султаны. Через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду к киргизам. Ведь это будет не совсем дурно, не правда ли, голубчик, Федя? Все это хорошо и вешь очень возможная, если бы здоровье мое несколько поправилось»¹.

После кратковременных встреч в Омске и Семипалатинске, Валиханов и Достоевский почти год общались в Петербурге, куда один попал по службе, другой – по воле судьбы после ссылки. По мнению М.И. Фетисова, об этих петербургских встречах и беседах «нет никаких исчерпывающих материалов, а сохранились лишь беглые односторонние и к тому же сбивчивые мемуарные заметки»². Так, у Г.Н. Потанина есть короткая заметка: «Из литераторов он чаще всего встречался с Достоевским и Крестовским...»³. Это мнение разделяет Ш.К. Сатпаева: «Встречались они и в Петербурге. Однако о петербургских встречах и беседах не сохранилось никаких достоверных фактов»⁴.

И.И. Стрелкова прямо пишет: «Но всех ближе Чокану в Петербурге – Достоевский. И для него молодой киргиз – частица той Сибири, что осталась в памяти как время счастливое, давшее все те идеи, которые Достоевский, по его уверению, впоследствии только развивал»⁵.

Литературовед, мемуарист и сценарист В.А. Мануйлов в своей работе отмечает: «Рассказы Валиханова о казахских [казахах] и о быте кочевников оживили в сознании Достоевского воспоминания о сибирской ссылке и, по-видимому, на-

1 Валиханов Ч.Ч. Федору Михайловичу Достоевскому. С. 59–62.

2 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 298.

3 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXVII.

4 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 62.

5 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 219.

шли некоторое отражение в степных пейзажах «Записок из мертвого дома»¹.

В недавней публикации, посвященной петербургскому периоду жизни Чокана Валиханова, также читаем: «Когда и при каких обстоятельствах они встретились, неизвестно. Возможно, о том, что Достоевский уже переехал из Твери, Валиханову сообщил его непосредственный начальник генерал Е.П. Ковалевский... Достоевский в это время жил в доме Н.А. Палибина в 3-й роте Измайловского полка... <...> И с первой же встречи Чокан стал постоянным посетителем этого дома. С женой писателя, Марией Дмитриевной, он познакомился еще в Семипалатинске. Теперь Достоевский знакомит сибирского друга со своим старшим братом Михаилом, вводит в круг петербургских литераторов»².

О хороших отношениях Чокана Валиханова с первой супругой Ф.М. Достоевского – Марией Дмитриевной – свидетельствуют его приветы из писем: из Петропавловска от 18 июня 1859 г. – «Кланяйся от меня Марии Дмитриевне...»³, из Кокчетава от 15 октября 1862 г. – «Засвидетельствуй мое почтение Марии Дмитриевне»⁴. И.И. Стрелкова об отношениях М.Д. Достоевской и Ч.Ч. Валиханова пишет так: «Для Марии Дмитриевны, полюбившей Чокана по рассказам Федора Михайловича и принявшей его со всей сердечностью, когда он явился к ней в дом в Семипалатинске с едва отросшими на бритой голове, как после тифа, волосами и вообще весь как из больницы или – хуже – с каторги, этот сибирский друг ее мужа был ближе, чем другие, столичные. И Мария Дмитриевна со свойственной ей восторженностью опекала Чокана, когда он явился в холодный Петербург»⁵.

М.Д. Достоевская умерла 15 апреля 1864 г. и, по мнению Ш.К. Сатпаевой, «нет материалов, свидетельствующих о том, что Ч.Ч. Валиханов знал о ее кончине...»⁶.

1 Мануйлов В.А. Друг Ф.М. Достоевского Чокан Валиханов // Труды Ленинградского библиотечного института имени Н.К. Крупской. Т. V. Л., 1959. С. 354.

2 Мусина М.. Тихомиров Б. Указ. соч. С. 2S.

3 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 105.

4 Там же. С. 113.

5 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 226.

6 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 81.

Вторая жена Федора Михайловича, с которой он венчался в феврале 1867 г., – Анна Григорьевна Достоевская (Сниткина) (1846–1918) – известна как стенографистка, помощница, библиограф и публикатор трудов писателя. Последний и самый сильный свой роман «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский посвятил любимой жене. После смерти мужа именно Анна Григорьевна начала активно собирать все рукописи, документы, письма, фотографии писателя, и в 1906 г. организовала в Историческом музее в Москве комнату, посвященную Федору Михайловичу.

В своих воспоминаниях Анна Григорьевна приводит слова Ф.М. Достоевского о своем друге: «*Видите этот большой палисандровый ящик? Это подарок моего сибирского друга Чокана Валиханова, и я им очень дорожу. В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне воспоминания*»¹.

Академик А.Х. Маргулан в своем очерке о Ч.Ч. Валиханове высказал такую мысль: «*После реформы 1861 г. и чтения революционной литературы, Валиханов стал критически относиться к деятельности и взглядам писателя, перешедшего на позиции мистицизма и отошедшего от борьбы с самодержавием*². Трудно согласиться с таким мнением, так как мы не располагаем никакими данными по этому поводу. Возможно, такая трактовка возникла в советское время в рамках «демократизации» позиции Чокана Валиханова при попытке сделать из него некоего революционера. Таким образом, искусственно воздвигалась преграда между ними. Исследователь М.И. Фетисов утверждал: «*Идейные расхождения между Валихановым и Достоевским в период, когда реакция в России повела ожесточенное наступление на революционную демократию, достигли особенной остроты и привели к прекращению переписки семипалатинских друзей*³.

Ш.К. Сатпаева, полемизируя с М.И. Фетисовым, утверждала: «*Анализ переписки Ч.Ч. Валиханова с Ф.М. Достоевским в определенной последовательности создает возможность развеять существовавшую в одно время не совсем обоснованную трактовку их дружбы семипалатинского периода, яко-*

1 Достоевская А.Г. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1981. С. 87.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 80.

3 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 309.

бы не выдержавшую испытаний перед лицом напряженных и бурных общественных событий шестидесятых годов XIX века. Переписка Ч.Ч. Валиханова и Ф.М. Достоевского доносит до нас живое дыхание этих лет и рисует картину их глубокой искренней дружбы, которая стала фактом не только их биографий, но и истории культуры народов...»¹. Мы поддерживаляем мнение этого авторитетного казахстанского ученого.

Приведенное выше высказывание писателя М.О. Ауэзова об «отгораживании» некоторыми исследователями и писателями Ч.Ч. Валиханова от Ф.М. Достоевского может быть объяснено особенностями советского периода, когда Достоевский представлялся сторонником царизма, а Валиханов – демократом. В подтверждение их разлада М.И. Фетисов ссылается на письмо Ч.Ч. Валиханова к поэту А.Н. Майкову, близкому другу Достоевского, так что Валиханов не сомневался, что содержание письма станет известно Федору Михайловичу². 6 декабря 1862 г. Чокан Валиханов писал Майкову: «Будем говорить теперь о вас, о Петербурге, о друзьях моих петербургских. Что делают Достоевские? Они редко пишут, в чем, впрочем, я сам виноват, потому, что редко отвечаю. Как их журнал идет? Кажется хорошо, судя по объявлениям на продолжение издания. Говоря между нами, я что-то плохо понимаю их почву, народность, то славянофильством пахнет, то западничеством крайним, примирения что-то не видать или не удается им это примирение. По-моему, что-нибудь да одно, или преобразования коренные по западному образцу, или держись старого, даже старую веру надо использовать. Китайская середина не идет теперь к делу»³.

Из содержания письма трудно делать выводы о существенности идейных расхождений между Валихановым и Достоевским. Видимо, разница в их взглядах на повседневную внутреннюю жизнь российского общества действительно существовала, но в чем именно она состояла, судить очень сложно. В этот период братья Достоевские были заняты изданием собственного журнала «Время», и в силу нехватки

1 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 62.

2 Фетисов М.И. Литературные связи России и Казахстана... С. 309.

3 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 11S.

времени и дальности расстояния, возможно, прекратили переписку с Валихановым. Да и сам Чокан признавался в своем письме А.Н. Майкову, что вовремя не отвечал на редкие письма Ф.М. Достоевского. Справедливым представляется мнение Ш.К. Сатпаевой о том, что «письма Валиханова к Достоевскому, написанные после посещения Петербурга, как и прежде, полны дружеских чувств»¹.

По рассуждению В.А. Мануйлова, «привязанность к Федору Михайловичу не мешала Валиханову весьма трезво и критически относиться к публицистическим выступлениям Достоевского. Политическая платформа Валиханова не отличалась четкостью и последовательностью, но он, несомненно, испытывал некоторое воздействие революционно-демократической мысли и в начале 60-х годов, по сравнению с Достоевским, был настроен более радикально, симпатизируя молодым демократическим силам»².

Современник Чокана Григорий Потанин, рассуждая о его общественно-политических взглядах, писал: «Он увлекался движением 60-х годов, принадлежал к либералам»³.

4.3. В кругу столичных литераторов

Петербургский период жизни Чокана насыщен встречами и знакомствами с писателями и поэтами, среди которых были Е.П. Ковалевский, братья Н.С. и В.С. Курочкины, старший брат Ф.М. Достоевского Михаил Михайлович, поэты братья А.Н. и Л.Н. Майковы, Я.П. Полонский, критик Н.Н. Страхов и В.В. Крестовский. Можно предположить, что с некоторыми известными петербургскими писателями, поэтами и критиками его познакомил Ф.М. Достоевский, авторитет и влияние которого были особенно высоки среди творческой интеллигенции. В дальнейшем, после отъезда, Чокан Валиханов продолжал с ними переписываться. В упомянутом выше письме Чокана Ф.М. Достоевскому от 14 января 1862 г. есть такие строки: «Кланяйся Михайле Михайло-

1 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 72.

2 Мануйлов В.А. Друг Ф.М. Достоевского Чокан Валиханов. С. 362.

3 РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 322. Л. 17 об.

вичу, Николаю и всем нашим. Майкову и его жене передай мой усердный поклон. Полонскому, Страхову тоже. Если увидишь Николая Курочкина, скажи ему, что собираюсь ему писать. <...> Вышли мне свою фотографическую карточку и собирая то же самое со всех моих хороших знакомых, которые все мне обещали – Майков, Полонский, Крестовский¹.

Биографы Чокана Валиханова упоминают о возможной его встрече в Петербурге с Тургеневым, ссылаясь на воспоминания Г.Н. Потанина, который как-то заметил: «Был ли он представлен Тургеневу, я не знаю, не помню. Кажется, был»².

Кто же были новые петербургские знакомые Чокана, с которыми он завел дружеские отношения?

Е.П. Ковалевского выше мы уже характеризовали как известного государственного деятеля России, ученого и путешественника. В 1825–1828 гг. он учился в Харьковском университете. С 1832 г. публиковался как поэт, затем писал романы и повести, а известным стал как автор очерков о поездках в Центральную Азию, Южную Европу, Восточную Африку и Восточную Азию. Из его романов и повестей можно отметить «Петербург днем и ночью» (1845), повесть «Майорша» (1849) и др. Е.П. Ковалевский был одним из членов-учредителей общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, известном как Литературный фонд, и до самой смерти состоял ее председателем. Во время пребывания Ч.Ч. Валиханова в Петербурге именно он, как руководитель указанного благотворительного общества, в своем письме от 2 ноября 1860 г. сообщал: «В Собрании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, бывшем 30 Октября, по предложению Комитета Общества, избраны Вы, Милостивый Государь, членом оного. <...> Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности. Е. Ковалевский»³.

Знаком был Чокан и с Н.С. Курочкиным (1830–1884) – поэтом, переводчиком и публицистом, с его братом В.С. Курочкиным (1831–1875) – также поэтом, который в 1861–1863 гг. был близок к обществу «Земля и воля», а также с М.М. Досто-

1 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 110.

2 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXVII.

3 Мусина М., Тихомиров Б. Указ. соч. С. 15.

евским (1820–1864) – писателем и издателем журнала «Время» (в 1861–1863 гг.), главного органа «почвенников».

А.Н. Майков (1821–1897) – поэт, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Его младший брат Л.Н. Майков (1839–1900) был исследователем русской литературы, действительным членом Русского географического общества, в 1872–1886 гг. – председателем этнографического отдела РГО и редактором нескольких его изданий. Биографы и исследователи научного наследия Ч.Ч. Валиханова уверены, что Л.Н. Майков, как руководитель этнографического отдела РГО, принимал участие в сборе и подготовке рукописей Чокана к изданию.

Известно, что с 1860 г. в петербургской квартире поэта и прозаика Я.П. Полонского (1819–1898), с которым был также знаком Валиханов, происходили встречи ученых, деятелей культуры и искусства, получившие название «пятницы Я.П. Полонского».

Н.Н. Страхов (1828–1896) был известен как философ, публицист и литературный критик. Для него высшей формой познания была религия, он критически относился к материализму, разделял идеи почвенничества.

О близком знакомстве с еще одним литературным критиком, поэтом и прозаиком В.В. Крестовским (1840–1895) в своем воспоминании о Чокане пишет Н.М. Ядринцев: «Он давал темы Всеволоду Крестовскому, тогда модному поэту, темы для восточных стихотворений, и Крестовский среди дружеского разговора немедленно воспроизводил их. Правда, темы были большей частью фривольными, но и в них сквозила [сквозили] находчивость и остроумие Валиханова¹.

По мнению Ш.К. Сатпаевой, в Петербурге, возможно, состоялась встреча Ч.Ч. Валиханова с поэтами М.Л. Михайловым и Т.Г. Шевченко, которые в те годы пребывали в столице Российской империи, хотя документов, свидетельствующих об этом, не выявлено². Это мнение разделяет И.И. Стрелкова. Она пишет: «Дружа с Николаем Курочкиным и бывая в редакции «Искры», Чокан познакомился с самым широким

1 Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове. С. XXXVII.

2 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 110.

кругом прогрессивных литераторов и журналистов. Очевидно, он встречался и с поэтом М.Л. Михайловым». О возможной же встрече с Т.Г. Шевченко она сообщает: «Валихановеды не отыскали пока никаких определенных свидетельств, что в Петербурге Чокан встречался с Тарасом Шевченко. Но об интересе Валиханова к Шевченко свидетельствует такая деталь. В «Очерках Джунгарии», говоря о дикокаменных киргизах, он употребил вместо слова «певец» слово «кобзарь», которым прежде никогда не пользовался»¹.

Говоря о возможной встрече Чокана с Тарасом Шевченко, также нельзя пройти мимо вопроса и о его знакомстве с известным в ту пору русским революционным деятелем Н.Г. Чернышевским. Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889) в 60-х годах XIX столетия был уже популярен в петербургской среде как философ, писатель, публицист, литературный критик и руководитель журнала «Современник». Ряд чокановедов не отрицают факт знакомства Валиханова с Н.Г. Чернышевским, ссылаясь на книгу Нины Михайловны – внучки Николая Гавриловича, которая приводит слова Чокана: «Какой замечательный человек этот Чернышевский и как хорошо он знает жизнь не только русских! Я после беседы с ним окончательно укрепился в том смысле, что мы без России пропадем, без русских – мы только Азия и причем другими без нее не сможем быть. Чернышевский – это наш друг»².

Конечно, знакомясь с разными известными и популярными деятелями Российской столицы, он действительно не мог не встретиться с Н.Г. Чернышевским. И это при том, что в его рукописном наследии мы не найдем упоминания о Чернышевском. Казахстанский исследователь, кандидат исторических наук Я.К. Духин по этому поводу так высказался: «Что касается встреч Чокана Чингизовича с Чернышевским, то можно считать их, с известной долей сомнения, состоявшимися. А вот утверждение литературоведа М.И. Фетисова о якобы имевших место беседах между ними, вызывает серьезное возражение. Дело в том, что Чернышевский был очень

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 224.

2 Чернышевская Н.М. Летопись жизни и деятельности Н.Г. Чернышевского. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры. 1953. С. 232.

осторожен в знакомствах и неподатлив на откровенность, а потому вряд ли пошел бы на установление близких контактов с малознакомым ему офицером»¹.

Встречи и дружба Ч.Ч. Валиханова с творческой интеллигентией российского общества, лучшие деятели которого жили и трудились в Петербурге, конечно, обогатили его мировоззрение. С другой стороны, и он оказал определенное влияние на своих коллег как представитель малоизвестной казахской степи и Азиатской России. А.Х. Маргулан, подробно изучивший петербургский период жизни Ч.Ч. Валиханова, оценил это влияние: «В этой литературной и ученой среде Чокан стал своею эрудицией. Он сотрудничал в научных и литературных журналах, написал статью для энциклопедии»².

Говоря о положительном влиянии творческой петербургской среды на мировоззрение Чокана, известный советский литературовед В.А. Мануйлов счел уместным заметить: «К сожалению, не все петербургские литературные знакомые оказали на Валиханова благотворное влияние. Как свидетельствовал один из первых биографов Валиханова Н.М. Ядринцев, «quasi-образованные писатели, подобные Вс. Крестовскому, потакали страстиам молодого инородца; он сходился с ними, ища в них цивилизованных людей, а находил людей, проводивших в поэтической форме разврат»³.

В Петербурге Ч.Ч. Валиханов встречался также со своими земляками-сибиряками Григорием Потаниным, Николаем Ядринцевым и другими. Потанин вспоминал: «Для своих товарищей сибиряков, бедных студентов, Чокан устраивал особые вечера. На этих вечерах собирались человек до десяти. На них я встречал омича Анненкова и Голубева, офицера генерального штаба, которого кажется было предположение назначить русским консулом в Кашгар и который в качестве астронома путешествовал в Семиречье»⁴.

1 Духин Я.К. Русское окружение Чокана Валиханова // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 142.

2 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 84.

3 Мануйлов В.А. Друг Ф.М. Достоевского Чокан Валиханов. С. 354.

4 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXVII–XXVIII.

Кроме встреч и знакомств с высшими государственными деятелями, чиновниками, учеными, сослуживцами, земляками из Сибири, в Петербурге Чокан часто навещал своего младшего брата Абильмакыжана, или Макы, который учился в Санкт-Петербургском училище глухонемых. Из семейной хроники Валихановых известно, что в семилетнем возрасте Макы лишился слуха и речи, и без специального обучения он не мог развиваться. Вот почему Чингис Валиевич во время посещения Санкт-Петербурга в составе делегации от казахов Средней Орды попросил князя А. Чернышева ходатайствовать перед царем об устройстве его сына в петербургское училище глухонемых, куда он и был определен в 1855 г. Это училище было открыто в 1810 г. по личной инициативе императрицы Марии Федоровны, и в России оно считалось лучшим по воспитанию и обучению глухонемых детей.

Без сомнения, встречи родных братьев проходили тепло и трогательно. Общались братья с помощью карандаша и тетради – Макы записывал вопросы о родителях, братьях, сестрах, родственниках, а Чокан таким же способом отвечал. Биографы Чокана Валиханова отмечают, что между братьями большой близости, возможно, и не было, в силу разницы в годах и занятости старшего. Тем не менее, Чокан позабочился о своем младшем брате, определив его вольнослушателем в Академию художеств. По всей вероятности, это произошло при помощи друга, ученого-зоолога Н.А. Северцова (1827–1885), который познакомил Чокана Валиханова с президентом Академии художеств, известным скульптором и живописцем Ф.П. Толстым. К тому времени у Макы обнаружились художественные способности, и этого не мог не заметить Ф.П. Толстой. Макы стал посещать мастерские Академии художеств, позднее проявил себя в прикладном искусстве, особенно в изготовлении различных деревянных шкатулок с потайными ящичками. После окончания училища в 1864 г. Макы около двух лет работал в губернском правлении в Петербурге, а в 1866 г. вернулся на родину.

ГЛАВА V

Снова в степи

5.1. Встреча с родными. Участие в военной экспедиции генерала Черняева

Биографы Чокана Валиханова отмечают отрицательное влияние неблагоприятного климата Петербурга на его здоровье. О состоянии своего здоровья Чокан писал в письме родителям от 4 ноября 1860 г.: «Болею уже более месяца, возобновилась старая болезнь в груди. Оказывается петербургский климат не подходящ для жителей степей с сухим климатом. Доктора предписывают к зиме поехать за границу»¹. Весной 1861 г., ввиду обострения болезни, Чокан вынужден был отправиться в родные края, чтобы поправить здоровье чистым воздухом и кумысом.

¹ Валиханов Ч.Ч. Третье письмо родителям // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1968. С. 53.

Наверняка он попрощался со своими товарищами, приятелями, земляками-сибиряками и друзьями, с которыми ему довелось беседовать, спорить, строить планы на будущее. У И.И. Стрелковой есть художественное описание последней встречи Чокана со своим младшим братом Макы. Прощальные визиты, таким образом, были отданы. И.И. Стрелкова сообщает: «Перед отъездом он побывал и у Николая Павловича Игнатьева, заручился письмом к новому генерал-губернатору Западной Сибири Александру Осиповичу Дюгамелю». Игнатьев писал, что «штабс-ротмистр султан Валиханов командируется в Область сибирских киргизов... для того, чтобы предоставить ему возможность лечения кумысом, поправить на родине его расстроенное здоровье...<...> Рекомендую вашему превосходительству сего молодого офицера, в котором я принимаю живое участие по его способностям и пользе, какую от его сведений можно ожидать для службы. Я убедительно прошу Вас... оказать ему ваше благосклонное внимание и, в случае надобности, покровительство ваше»¹.

По различным сведениям, Валиханов приехал в свой аул вместе с друзьями, среди которых был его близкий друг И.И. Ибрагимов, а также неизвестный молодой гость из Москвы, привезенный для лечения кумысом от чахотки².

Из воспоминаний И.И. Ибрагимова можно узнать о пребывании Чокана у родителей. Иван Иванович Ибрагимов (настоящее имя Шахимардан Мирясович) родился в 1841 г., был дипломатом, переводчиком, этнографом, сотрудником русской и национальной печати Туркестана. Из его биографии известно, что он учился в Омском кадетском корпусе, служил в Омском полубатальоне военных кантонистов-переводчиков с татарского языка. В 1856 г. работал султанским письмоводителем Кокчетавского окружного приказа и близко знал семью Валихановых. В 1870–1878 гг. редактировал «Туркестан вилайети газети» на казахском и узбекском языках. В 1880–1881 гг. возглавлял русское посольство

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 227.

2 Ибрагимов И.И. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XL; Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 84; Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 229.

в Бухаре. В 1890 г. назначен генеральным консулом в Джидде (Саудовская Аравия), но скончался в 1891 г. от холеры по пути к месту назначения. Публицистическое описание приезда Чокана в Сырымбет, сделанное И.И. Стрелковой, полностью основано на воспоминаниях И.И. Ибрагимова.

Сцена встречи Чокана с родителями воспроизведена И.И. Ибрагимовым так: «*Отец с матерью сидели в кибитке, по обыкновению на полу, на своих местах. Двери кибитки отца Чокан должен был сам приподнять (знак почтения) и когда он дошел до самой двери, то брат его, Якуб (Жакып. – Ж.Е.), поднял ему двери и пропустил. Масса киргиз сейчас-же и это поставила ему в укор: «Вот видите, он не хочет и двери сам поднимать, да уж испорчен, испорчен, видно уж по всему», сказали киргизы друг другу. Чокан подошел сначала к отцу, опустился перед ним на колени, отец сидел, поджавши ноги под себя; отец обнял его обеими руками и поцеловал его в лоб. В это время мать его Зейнеп, тучная женщина, сидевшая в 2-х-3-х шагах от мужа, горела нетерпением обнять сына и кричала: «Чокан, Чоканым (мой Чокан) узимным балам (мой собственный сын) киль киль (иди, иди ко мне)», и когда он подошел к матери, мать заплакала и целовала все его лицо. Затем отец предложил ему сесть около себя по правую сторону и перед ним сейчас-же поклали скатерть и подали кумыс, затем обыкновенные расспросы о дороге, здоровье и проч.»¹.*

Как этнограф, И.И. Ибрагимов не мог не запечатлеть картину встречи Чокана с известным в степи импровизатором Орынбаевым, который «*начал в самых пышных, красивых словах воспевать приезд молодого султана в аул отца, его путешествие к Белому Царю (Александру II. – Ж.Е.), который полюбил Чокана, как потомка известных великих людей, хвалил его светлый ум и проч., проч.»².* Надо отметить, что в воспоминаниях Ибрагимова достаточно и других сообщений, заслуживающих внимания историков и этнографов.

Академик А.Х. Маргулан в своем очерке использует сведения из воспоминаний местных казахов тогдашней Кокчетавской области. Он пишет, что Чокан любил слушать кобызиста Курумбая Кангожина, певцов Коке Альджанова, Ша-

¹ Ибрагимов И.И. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XLI-XLII.

² Там же. С. XLII.

кена, сказителя Каръке, посещал выступления акробата Абе Тогжанова¹. Возможно, подобные сведения были почертнуты из полевых материалов исследователей, бывавших в Сырымбете. Так, Ж. Доскараев по поручению А.Х Маргулана совершивший в 1949 г. экспедицию по местам проживания Валихановых, отмечал: «...Шоқанның ауылдағы өмірі әлі зерттеліп болған жоқ <...> Шоқанның өмірін жаксы білетін кейбір тұыстарының, естіген-білген адамдардың айтуы бойынша мынадай әңгімелерді жазып алдым»².

До весны 1864 г., когда он был приглашен в военную экспедицию генерала М.Г. Черняева, Чокан Валиханов пребывал в Сырымбете. Какие планы он строил, чем занимался, мы можем судить из его отдельных писем, обращенных А.Н. Бекетову, Ф.М. Достоевскому, А.Н. Майкову и К.К. Гутковскому. В письме А.Н. Бекетову от 2 января 1862 г. он писал: «Занятия мои в степи идут успешно. Я собрал очень много сказок, эпических сказаний, песен и занимаюсь теперь изучением киргизских законов, которые имеют связь с уложением Чингисхана. Я начал одну статью для Общества «О картах географических Средней Азии», но по неизменению некоторых справочных книг [она] остается неоконченной»³.

По поводу изучения казахских степных законов следует пояснить, что Чокан Валиханов принимал участие в работе комиссии по сбору мнений по проекту предстоящей судебной реформы. По всей вероятности, Валиханова пригласил в комиссию А.О. Дюгамель – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг. Комиссию по сбору народных мнений о проекте судебной реформы возглавлял И.Е. Яценко. О представлениях Валиханова по ряду юридических моментов предстоящей судебной реформы, в частности о судебных речах, речь пойдет ниже. Статью же о «О картах географических Средней Азии» Чокан выполнял, скорее всего, по просьбе Императорского Русского географического общества.

Как упоминалось выше, в письме Ф.М. Достоевскому от 14 января 1862 г. Валиханов сообщал о своей мечте сде-

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 85.

2 Досқараев Ж. Шоқан Үәлиханов туралы есте қалған әңгімелер (Тапсырған Қазак ССР ғылым Академиясының мүшесі-корреспонденті А.Х. Марғұлан) // Вестник АН Казахской ССР. 1950. № 9(65). С. 73.

3 Валиханов Ч.Ч. Андрею Николаевичу Бекетову. С. 59.

латься консулом в Кашгарии¹. Основания для такой мечты у него были: в 1857 г. ему представился случай участвовать в переговорах с китайцами в Кульдже, а в 1858–1859 гг. – посетить Восточный Туркестан. Это был бы вполне нормальный карьерный рост. И.И. Стрелкова отмечает: «Его мечта поехать консулом в Кашгар оказалась несбыточной. В некоторых биографиях Валиханова говорится, что ему отказали в назначении консулом по причине политической неблагонадежности. Это не так. Попытки России открыть в Кашгаре консульство и факторию закончились безуспешно»².

Занятия хозяйством, торговлей в родной степи тоже не были чужды Валиханову. Мы уже приводили факты о деятельности отца Чокана, Чингиса Валиевича, и его сыновей по обустройству хозяйства в своем имении.

В другом письме Достоевскому от 15 октября 1862 г. Чокан писал: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя пользе соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргиз. <...> С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук. Господа эти околообластные, так и приказные поголовно выступили против этого... <...> Пожалуйста, посоветуй, что делать. <...> Я уже написал к некоторым властям в Петербург, а ты дай этому побольше гласности, расскажи всем друзьям, пусть разойдетя по городу»³. Как видим, изложив суть дела, Валиханов просил совета у Федора Михайловича.

Рассуждая об участии в избирательной кампании на должность старшего султана Атбасарского округа, отметим, что сам К.К. Гутковский обещал Чокану Валиханову поддержку на выборах. Однако его оппоненты в лице Байгулы и Ердена Сандыбаевых, пользующихся поддержкой коррумпированных омских чиновников в лице Кури, Ивашкевича, Нестерева и покровительством генерал-губернатора А.О. Дюгамеля, не позволили стать Ч.Ч. Валиханову старшим султаном Атбасарского округа, хотя он набрал 25 голосов, а Ерден – 14. Последующие действия Чокана по восстановле-

1 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 109.

2 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 239.

3 Валиханов Ч.Ч. Статьи. Переписка. С. 110–112.

нию справедливости, к сожалению, не повлияли на решение главы омской администрации.

А.Н. Майкову, как близкому другу, Чокан писал о своих семейных неурядицах 6 декабря 1862 г., в частности о несостоявшейся женитьбе: «Чтобы видеть всю незавидность моего положения в Орде, я приведу вам некоторые стычки, бывшие у меня с отцом и матушкой. А за что? Отец был женен с одним султаном из оренбургской степи и дал ему слово породниться. Приехал я, грешный: отец с матушкой решили меня женить: будет ему таскаться. Надо сказать, что предназначенная мне невеста была влюблена в брата моего и писала к нему в это самое время частые нежные послания. Я, разумеется, отказался от женитьбы, особенно при таких обстоятельствах, и выразил мой взгляд на супружество. Это совершенно озадачило моих родителей и привело их в ужас... <...> Отец был так огорчен обстоятельством, что где-то торжественно объявил, что не намерен более воспитывать детей своих по-европейски¹. В конце письма Валиханов просил Майкова: «Я бы хотел быть корреспондентом «С. Петербургских Ведомостей» о делах Средне-Азиатских и Киргизских степей... <...> Нельзя ли тоже узнать у «Отеч[ественных] Записок» можно ли будет напечатать киргизские сказки, сходные с русскими, и мои исследования о шаманизме у киргиз»².

Из письма к А.Н. Майкову видно, какие семейные проблемы возникали у Валихановых. Чокан воспротивился женитьбе на дочери Ахмета Джантюрина, поскольку тогда проявлял чувства к своей служанке. Здесь уместно напомнить, что просватанная ему девушка на самом деле любила Жакупа, брата его, и Чокан сделал все, чтобы они были вместе. Случай со служанкой оказался удобной причиной для нападок на отца Чокана со стороны его недоброжелателей. Просьба напечатать казахские сказки и статью о шаманизме в степи в российском журнале свидетельствует о том, что Ч. Валиханов серьезно занимался изучением народного фольклора.

1 Там же. С. 117.

2 Там же. С. 118.

Своему наставнику К.К. Гутковскому Чокан откровенно сообщал: «*К-и(?) объяляет нам решительную войну. Нет почты, чтобы отец не получил выговора или предписания в резких формах. Нестеров в наших волостях буйствовал, как разбойник, и возбуждал Есенбаевцев против моего отца. <...> Отец получил на днях письмо от Фридриха, который, препроводя копию с просьбы киргиза Малтабарова «о насильственном отобрании» его жены мною, без дальних околичностей приказывает отцу немедленно возвратить этому киргизу жену и удовлетворить его все убытки, а в заключении делает моему отцу упрек, что он употребляет власть старшего султана для потворства неблаговидным поступкам сына*»¹.

В другом письме Гутковскому от 4 марта 1864 г. из Омска Чокан пишет: «*Сначала думал ехать в Петербург и там видеть вас лично. Потом обстоятельства изменились и поездку оставил до мая. Теперь живу в Омске и думаю, впрочем, скоро отправиться в степь к себе домой. Муса Германович тоже здесь и мы живем вместе в вашем доме. Здоровье мое зимою было не совсем хорошо, теперь опять поправился. Вел себя, признаюсь, не совсем хорошо, играл в карты, таскался по клубам и шампанское стало пить. В четыре месяца проиграл около 3-х тысяч и теперь бросил, потому что нет денег, а просить от отца совестно. Если бы вы были здесь, конечно, ничего этого не было бы. У меня, вы сами знаете, в Омске не было ни одного хорошего знакомого, кроме вас*»².

В последнем письме Гутковскому от 24 марта 1864 г. Валиханов сообщал: «*Думал в Питер, а попал в страну Диких и каменных киргиз. Еду я, признаюсь, для того, чтобы получить чин. Черняев, кажется, человек хороший и чина может не пожалеет. Еду и для того, чтобы оттуда через Акмечеть проехать на Оренбург. Если бы это удалось, было бы хорошо*»³.

Откровенные письма к К.К. Гутковскому свидетельствуют о том, какие доверительные отношения были между ними. Гутковский был единственный из чиновников Западной Сибири, с кем у Чокана сложились дружеские отношения еще со временем его учебы в Омском кадетском корпусе.

1 Там же. С. 122–123.

2 Там же. С. 124–125.

3 Там же. С. 129.

К.К. Гутковский до конца жизни поддерживал и опекал своего воспитанника и друга. Напомним, именно дочь Гутковского оставшееся наследие Чокана Валиханова в виде рукописей и писем передала в архив.

Таким образом, период жизни Чокана Валиханова в родном крае с 1861 по 1864 годы сопровождался обычной службой по военной части и с достаточным количеством жизненных проблем, о которых мы узнаем из его писем близким людям. Итак, Чокан дал согласие на участие в военной экспедиции полковника Черняева и выехал из Омска.

Уместно напомнить историю взаимоотношений между Кокандским ханством и Российской империей, интересы которых сошлись на территории Южного Казахстана, где проживали казахи, попавшие под влияние кокандцев. Кокандское ханство существовало с 1709 по 1876 год на территории современного Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана, Южного Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района (Восточный Туркестан). Кокандские ханы претендовали на верховенство в казахских аулах Среднего жуза, которые еще в начале 1740-х годов присягнули России. Они совершали набеги на казахские территории с целью отторжения их от Российской империи и включения в состав Кокандского ханства. В этих походах участвовал перешедший на сторону кокандцев Саржан Касымов. Отношения двух стран носили конфронтационный характер, вызванный как политическими, так и экономическими причинами. Так, кокандские власти притесняли русских купцов, которые несли убытки. Во второй половине XIX столетия на южных окраинах Российской империи было неспокойно. Как Российская империя, так и Кокандское ханство претендовали на южные территории казахов.

С 1855 г. кыргызские и казахские роды, подчиненные кокандцам, стали принимать российское подданство в ответ на произвол со стороны кокандских наместников, что приводило к обострению отношений между двумя государствами. В 1860 г. отряд полковника Циммермана берет кокандские крепости Пишпек и Токмак. В ответ кокандцы объявляют священную войну (газават) и направляют 20-ти

тысячное войско на станицу Верное. При этом кокандцы дали понять казахам Старшего жуза и кыргызам, что с ними идет Садык – сын Кенесары хана. У укрепления Узун-Агач (60 км от Верного) кокандцы были разбиты отрядом полковника Г.А. Колпаковского, в то время служившего начальником Алатавского округа. Для укрепления своих южных рубежей Российская империя образовала Оренбургскую и Западно-Сибирскую, а впоследствии Сыр-Дарьинскую пограничные линии. В 1860 г. крайние пункты этих линий – поселок Яны-Курган на правобережье Сыр-Дарьи и крепость Пишпек (Бишкек) в Семиречье – находились в составе России. Обустройство линий укреплений со стороны Оренбурга вдоль нижнего течения Сырдарьи, а со стороны Западной Сибири – вдоль Алатау позволило русской границе постепенно замкнуться, но в то же время пространство около 700 км оставалось незанятым и служило проходом для вторжения кокандцев в казахские владения.

В 1864 г. по решению правительства один отряд из Оренбурга, а другой из Западной Сибири вышли навстречу друг другу: оренбургский – вверх по Сырдарье на город Туркестан, а западно-сибирский – вдоль Кыргызского хребта. Вышедший из Верного отряд под командованием полковника М.Г. Черняева, в составе которого находился штабс-ротмистр Ч.Ч. Валиханов, 5 июня 1864 г. взял штурмом крепость Аулие-Ата (Тараз). Оренбургский отряд под командованием полковника Веревкина, выдвинувшийся из форта Перовского, 12 июня взял г. Туркестан.

В 1865 г. из вновь занятого края, с присоединением Сырдарьинской линии, образована Туркестанская область, военным губернатором которой был назначен генерал Черняев. Русскими войсками был взят Ташкент, а в 1865 г. – Ходжент. Правитель Ташкента Якуб-бек сбежал в Кашгар, где основал государство Йеттишар, ставшее на время независимым от Китая.

Ч.Ч. Валиханов в отряде полковника Черняева служил переводчиком при главном командовании. Он исполнял свои служебные обязанности должным образом, способствовал установлению дружеских отношений между русскими

и местным населением, а также справедливому решению споров из-за пастбищ между казахами и кыргызами.

Причины отъезда Ч.Ч. Валиханова из отряда Черняева трактуют по-разному. Г.Н. Потанин высказал следующее мнение: «При взятии Пишкека или Аулиеата, не помню, зверства русских войск над единоверцами Чокана или может быть и над соплеменниками его, т.е. над киргизами [казахами], огорчили его. Он увидел, что он не может более участвовать в военном походе, разошелся с Черняевым и уехал в Верный. Оттуда перебрался в аул султана Тентека (Тезек. – Ж.Е.), управлявшего адбанами (албан. – Ж.Е.) (род Большой Орды), кочевавшими к западу от Кульджи»¹.

Позже в 1913 г. Потанин более подробно описывает конфликт Чокана с Черняевым: «Из Омска к участию в походе был привлечен мой друг, киргиз (казах. – Ж.Е.) Чокан Валиханов. <...> Чокан, однако, не участвовал в штурме Ташкента; он разошелся с Черняевым и вернулся с дороги... <...> Чокан, воспитанный гуманной литературой шестидесятых годов, вращавшийся в кругу петербургских литераторов, поэтов и популярных ученых, водивший знакомство с Достоевским, ботаником Бекетовым и пр., узнав об этом решении генерала, бросился к нему, чтобы уговорить его отказаться от своего намерения. Генерал не согласился, произошел крупный разговор; Чокан разочаровался в Черняеве, оставил отряд и вернулся в Верный»².

А вот что писал об этом инциденте Н.М. Ядринцев: «Я слышал, что [он] отправился в отряд генерала Черняева к Ташкенту; здесь ему предстояла блестящая карьера адъютанта и переводчика, но у них с Черняевым произошла размолвка; и Валиханов возвратился в степь к родным. Не сошлись ли эти два деятеля, или Валиханов содрогнулся, и в нем запротестовало чувство в виду предстоящей борьбы в Средней Азии, остается неизвестным. Только Валиханов возвращается и удаляется в аул»³.

Версия И.И. Стрелковой: «Каковы бы ни были причины и обстоятельства отъезда Чокана из Зачуйского отряда,

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. XXIX–XXX.

2 Воспоминание Г.Н. Потанина // Сибирская жизнь. 1913. № 257.

3 Ядринцев Н.М. Воспоминание о Чокане Валиханове. С. XXXVIII.

Черняев не обошел его наградой. За отличие в делах с кокандцами штабс-ротмистр Валиханов был представлен к чину ротмистра¹. Об этом свидетельствует документ, в котором сообщается, что «...состоящий по армейской кавалерии штабс-ротмистр султан Чокан Валиханов в настоящем чине с 7 апреля 1860 г. Имеет орден Св[ятого] Владимира 4 ст[епени]... <...> 3. Испрашивая начальством награда. Чин ротмистра со старшинством со 2 июня 1864 г.»².

Можно предположить, что Азиатский департамент МИД России, на службе которого состоял Валиханов, в связи с уйгурско-дунганским восстанием в Восточном Туркестане и общим осложнением политической ситуации в этом регионе, перебросил его из отряда Черняева к китайской границе. Однако исследователи не имеют письменных документов по этому поводу и лишь строят догадки. На наш взгляд, верный военной присяге Чокан Валиханов получил приказ из Петербурга на новое задание, в связи с возникшими событиями в северо-западной провинции Китайской империи. В пользу этого свидетельствует тот факт, что в отношении Чокана Валиханова не было принято никаких дисциплинарных взысканий.

5.2. Пограничная работа на благо империи

Занятия Чокана Валиханова в ауле султана Тезека и его скоропостижная смерть до сих пор вызывают споры среди исследователей. Наиболее близким к истине можно считать мнение доктора исторических наук, профессора К.Ш. Хафизовой. Ею подготовлена обстоятельная статья «Чокан Валиханов и Китай». Вот мнение К.Ш. Хафизовой: «О моральном состоянии Чокана, о его деятельности во время пребывания в ауле Тезека мы можем судить пока только на основании его переписки. Первое известное сегодня письмо Чокана датируется от 24 ноября 1864 г., а последнее – 19 февраля 1865 г., получателем всех этих писем был один человек – его старший

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 276.

2 Список чинов иррегулярных войск, представленных командующим войсками Западной Сибири к наградам за отличия в делах с кокандцами 2 июня и при взятии крепости Аулчи-Ата 4 июня 1864 г. // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. IV. Алма-Ата. 1965. С. 434.

друг, покровитель и начальник Алматовского округа и киргизов Большой Орды Г. Колпаковский»¹.

Полагаем, что содержание переписки явно указывает, чем конкретно занимался Чокан, пребывая в ауле султана Тезека в 1864–1865 гг. Аул Тезека находился недалеко от китайской границы и, по мнению К.Ш. Хафизовой, «сюда стекалась вся информация о важнейших событиях, происходивших в Центральной Азии, среди них: о завоевании русскими Аулие-Аты, о ходе русского-китайского пограничного разграничения на границе с Тарбагатаем и Алтаем, о положении киргизов, о восстании мусульман в Китае и т.д. Все важнейшие новости Тарбагатайского и Кульджинского округов Синьцзяна очень скоро становились известны в ауле султана Тезека, который сам активно участвовал в пограничных делах и взялся доставлять письма в Верный»².

Мы готовы предположить, что Чокан Валиханов находился в ауле Тезека по заданию Азиатского департамента МИД России. Возможно, для своей легализации он специально женился на двоюродной сестре султана Тезека – Айсаре. Б.К. Кыстаубаев считает, что «отъезд в аул Тезека связан не с болезнью, а с назначением на новую работу в пограничную зону»³.

Содержание первого письма свидетельствует о положении дел в Кульдже, где происходили боевые действия, и Чокан сопровождает его своим переводом с китайского на русский язык. В своем комментарии на это письмо К.Ш. Хафизова пишет: «Никто из исследователей не обратил внимание на дату письма Мин Сюя – 28 день 11 луны 3-го года правления Тунчжи. Она приходится на 26 декабря 1864 г. Если дата в письме Мин Сюя указана правильно, то из этого следуют два вывода: 1) либо первое письмо Чокана Колпаковскому ошибочно датировано сроком ранее этой даты – 20 ноября. 2) Либо это письмо Мин Сюя было ошибочно приложено составителями первого Собрания сочинений Чокана по вине Колпаковского к первому письму Чокана. Более правдоподоб-

1 Хафизова К. Чокан Валиханов и Китай // Казахстан мұрагаттары. 2010. № 4/16 . С. 127.

2 Там же. С. 128.

3 Кыстаубаев Б.К. Тайна Чокана Валиханова. Историческое эссе. В 3-х ч. Алматы: Историч. лит., 2009. С. 366.

ным выглядит первое предположение»¹. Как синолог, профессор К. Хафизова, анализируя текст письма, заключает: «Первое письмо Чокана из аула Тезека могло быть написано не ранее начала января 1865 г. В таком случае он не подавал о себе вестей после того, как покинул отряд (полковника Черняева. – Ж.Е.) более полугода. И этот период его жизни пока покрыт для нас мраком неизвестности»².

Еще раз скажем, что впервые письма Ч.Ч. Валиханова к Г.А. Колпаковскому были опубликованы в 1904 г. в 29 томе «Записок Императорского Русского географического общества», затем, в 1947 г., – в «Сборнике статей и переписок Ч.Ч. Валиханова», составленном Х. Айдаровой. В 1958 г. они включены в «Избранные произведения Валиханова», в 1968 г. – в четвертый том собраний сочинений Ч.Ч. Валиханова, в 1985 г. – в пятый том собраний сочинений под редакцией академика А.Х. Маргулана. Отметим, что три письма Чокана Валиханова, адресованные Г.А. Колпаковскому, были выявлены академиком А.Х. Маргуланом в 1957 г. «Одно из них опубликовано в четвертом volume собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова (четвертый том вышел в 1968 году. – Ж.Е.), два других по не зависящим от издателя и редактора причинам оказались не включенными в этот том»³. Впоследствии, в 1985 г., в пятом томе пятитомного собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова были опубликованы эти два письма к генералу Колпаковскому, датируемые от 1 декабря и 19 февраля 1865 г.⁴.

И.И. Стрелкова по поводу писем Чокана Валиханова к Г.А. Колпаковскому высказала собственное мнение: «Передавая в 1887 году Григорию Потанину пять писем Валиханова, Колпаковский не преминул обратить внимание собирающего научного наследия Чокана на то, что это частные письма. Бережность примечательная. Герасим Алексеевич Колпаковский с величайшей любовью относился к памяти Чокана Валиханова»⁵.

1 Хафизова К. Чокан Валиханов и Китай. С. 130.

2 Там же.

3 Маргулан А.Х., Ивлев Н.П. Неизвестные письма Чокана Валиханова // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1970. № 6. С. 61.

4 Письма Чокана Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. V. Алма-Ата, 1955. С. 164–166, 174–175.

5 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 291.

У профессора К. Хафизовой большое сомнение вызвало четвертое письмо Чокана к Герасиму Алексеевичу. Она пишет: «Сам он по ошибке пишет, что это его третье письмо, отправленное в Омск! Это письмо является третьим с информацией о китайских событиях. К этому письму приложен лист Цзян-цзюня, также переведенный Чоканом, но он датирован 24 днем 12 луны 5 (!) года правления Тунчжи. Эта дата приходится на 29 января 1866 года! <...> В казахстанской историографии утверждилось мнение, что Чокан умер в апреле 1865 г., поэтому он не мог переводить письмо Мин Сюя, написанное в январе 1866 г. Это очень важно для нас, так как из этого следует, что общепринятая дата смерти Чокана может оказаться не верной. Это ошибка или целенаправленное введение нас в заблуждение русскими источниками?»¹.

Быточущее среди исследователей мнение о донесении Туркестанского генерал-губернатора военному министру с просьбой удалить из Семиреченской области штабс-ротмистра Валиханова в один из кавалерийских полков внутрь империи – за распространение вредных слухов и тайных сношений с владельцем Кашгара Якуб-беком, к чему был причастен и полковник Тезек, – истолковывается по-разному.

К.Ш. Хафизова считает: «Возможно, что здесь шла речь о другом Валиханове, имя которого было Болат Газы и который также был связан каким-то образом с Тезеком»². И.И. Стрелкова уверяет: «Но, оказалось, ошибка. Другой штабс-ротмистр – Гази Булатович Валиханов. Вскоре после смерти Чокана он поспешил жениться на дочери Тезека. Тот прекрасно понимал, что Валиханов I куда более уважаемый и влиятельный человек, чем Валиханов II, однако сердцу Тезека был милей Гази. Как свидетельствует дело «О неблаговидных действиях султанов полковника Тезека и штабс-ротмистра Гази-Булата Валиханова», это [эта] парочка обвинялась на 164 листах в самовольном и противозаконном захвате скота у своих соплеменников. А уж потом шли обвинения политического порядка – распространение подрывных слухов и связь с Якуб-беком. Следствие тянулось долго, и в результате

1 Хафизова К. Чокан Валиханов и Китай. С. 132.

2 Там же. С. 134.

*те Тезека определили на жительство в Капале под надзором полиции, а Гази выслали в Акмолинскую область*¹.

Справедливости ради следует отметить, что родственные связи Чокана и Гази Валихановых были натянутыми. Возможно, это было связано с тем, что один из сыновей хана Вали – Губайдулла – выступил против экспансии России, направленной на ликвидацию ханской власти, в то время как другой сын от младшей жены Айганым – Чингис Валиевич – верно служил царской администрации и принимал активное участие в подавлении восстания хана Кенесары. После изоляции Губайдуллы от соплеменников и отправки в ссылку в Березово, его сын Булат стал служить царской администрации, приняв царские подарки и чин майора. К слову сказать, эти подарки и звание подполковника вначале предназначались отцу Булага – Губайдулле, которые он отверг. По совету генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорта, султан Булат отдал сына Гази на учебу в Омский кадетский корпус, где учился его родственник Чокан. По ряду причин потомки хана Вали не всегда ладили между собой.

В ИРЛИ в рукописном отделе в фонде П.В. Быкова есть текст, составленный после 1883 г., где излагается биография Гази Булатовича Валиханова. В нем речь идет и о Чокане, как о человеке, написавшем совместно с отцом султаном Чингисом секретный донос на султана Гази генерал-губернатору Дюгамелю. Причиной доноса названо внимание генерал-губернатора к Гази, которое «не давало покоя» султану Чокану Валиханову². В журнале «Нива» в № 11 за 1891 год более подробно напечатана биография Гази Булатовича, где упоминается также донос, написанный Чоканом и Чингисом Валихановыми. Интересующимся этим вопросом предлагаем обратить внимание на личный архив академика А.Х. Маргулана, где помещен текст биографии султана Гази Валиханова из журнала «Нива»³.

Этот факт свидетельствует о том, что современники Чокана часто путали его с Гази, ведь оба служили в одном

1 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 298.

2 РО ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 2. №56. Л. 3 об.-4

3 Из наследия академика А.Х. Маргулана (Сборник документов и материалов из рукописного фонда – личного архива ученого) / Сост. Е.К. Рахимов. Павлодар: Кепеку, 2011. С. 71–73.

воинском звании и носили одну фамилию. Вот почему современник Чокана барон А.Е. Врангель увидел его в Париже, а Г.Н. Потанин, который наверняка знал обоих родственников, якобы узнал его в звании полковника.

Султан Гази Булатович хорошо знал свою родословную, и надо отдать ему должное в том, что в 1903 г. он установил надгробный памятник на могиле своего прадеда хана Уали. В настоящее время на территории Зерендинского района Акмолинской области, близ аула «Казахстан», соотечественники, в том числе и прямые потомки хана Уали, построили мазар, т.е. мемориальный комплекс на месте захоронения последнего хана Среднего жуза¹. Из истории Казахстана известно, что хан Уали погребен у себя на родине, а не в Туркестане, где находятся могилы казахских ханов.

Отметим, что Гази Булатович действительно дослужился до звания «полковника лейб-гвардии Атаманского Его Величества Императорского Наследника Цесаревича полка», как в то время официально писали, и вполне вероятно, что пожилой Потанин узнал в нем Чокана, они были в какой-то степени похожи друг на друга. Остается не выясненным, почему после смерти Чокана неожиданно в ауле Тезека появился штабс-ротмистр султан Гази и забрал большую часть его архива, а полковнику К.К. Гутковскому, который также вскоре вслед за ним прибыл, досталась небольшая часть рукописного наследия Чокана Валиханова. Вопросов больше чем ответов. К сожалению, пока нет достоверных сведений, которые могут что-то прояснить по этому поводу.

5.3. Прежде временная кончина: печальные обстоятельства

О последних днях Чокана Валиханова, проведенных в ауле султана Тезека, не осталось никаких документальных сведений. Перед смертью Чокан отправил последнее письмо отцу, текст которого есть в очерке А.Х. Маргулана: «Устал, нет никакой силы, весь высох, остались одни кости, скоро не увижу света. Мне больше не суждено повидаться с моими до-

¹ О чём расскажет мазар // Казахстанская правда. 2014. 10 декабря.

рогими родными и друзьями, нет для этого никаких средств. Это будет мое последнее письмо. Прощайте, обнимаю всех¹.

Если судить по приведенному письму, то здоровье Чокана было сильно подорвано болезнью, возможно, чахоткой, полученной при длительных поездках и обострившейся в Петербурге. Но есть и другие мнения. К примеру, полковник запаса КГБ-КНБ Кыстаубаев Б.К. категорически не признает факт его болезни и считает: «Чокан Чингизович Валиханов никогда не болел туберкулезом... <...> Легенда о недомогании, но не чахоткой, родилась еще в Омске в целях конспирации, после возвращения разведгруппы из Кашгарии. <...> Болезнь чахоткой в спецслужбах получила развитие в иных целях уже в Петербурге»².

Умер Ч.Ч. Валиханов в апреле 1865 г., хотя эта дата, как уже отмечалось выше, вызывает сомнение у некоторых исследователей. По мнению К.Ш. Хафизовой, «Чокан вел весьма деятельностьную жизнь во время шестимесячного пребывания в ауле Тезека. Половина этого срока подтверждается его перепиской, а другая, возможно, продлившаяся до одного года – еще требует тщательного изучения. Все загадки последних дней жизни Чокана еще не отгаданы»³.

Вместе с тем, в архиве есть отношение начальника Штаба войск Западной Сибири (г. Омск) в Азиатский департамент МИД России о перечислении денежного содержания Чокана Валиханова «с 26 января по 10 апреля [1865 г.], т.е. по день смерти Валиханова» Азиатским департаментом в Штаб войск Западной Сибири⁴.

По официальной версии, Чокан Валиханов скончался в уроцище Кошен-Тоган у подножья Алтын-Эмельского хребта и захоронен в традиционном некрополе казахских чингизидов Старшего и Среднего жузов. Его могила находится внутри некрополя в окружении захоронений султанов Ираллы Адилева, Кожахмета, Момодаира, Касыма и Абиша Ира-

1 Маргулан А.Х. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 87.

2 Кыстаубаев Б.К. Там же. С. 366.

3 Хафизова К. Чокан Валиханов и Китай. С. 135.

4 АВПРИ. Ф. Санкт-Петербургский. Главный архив. IV-2. Оп. 119. Д. 8. Л. 81.

линых, Мухамедьяра Абишева, Аббаса Муртазина, Жунуса Абдулмумунова, Жанбинхана Кожахметова, мемориальные сооружения над которыми не сохранились.

В истории формирования современного мемориально-го комплекса Ч.Ч. Валиханова можно проследить несколько этапов: 1865 г., 1872–1881 гг., 1958 г. и 1979–1985 гг.

На первом этапе, в 1865 г., родственники Чокана в уро-чище Кошен-Тоган, в пяти километрах от бывшей казачьей станицы Кунгурской Копальского уезда Семиреченской области, возвели традиционный купольный мавзолей из обожженного кирпича. При входе имелась деревянная дверь, на которой было написано арабской графикой имя покойного. Это надмогильное сооружение оказалось не-прочным и быстро подверглось разрушению. В 1865 г. А.К. Гейнс посетил аул султана Тезека и сделал дневниковую за-пись: «2-го ноября... не доезжая верст шесть до Куюндинско-го пикета, похоронен Чокан Валиханов. Мы вышли из экипа-жей и подошли к его могиле, находящейся с версту от дороги. Здесь на левой стороне близ ограды поднимается скромный памятник над умнейшим из киргизов. В глиняный памятник вмазана деревянная доска, на которой написано: Валий, сын Аблай-хана; Чингиз, сын Валия; Чокан, сын Чингиза»¹. В 1871 г. могилу Чокана Валиханова посетил генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман с сопровождавшим его литератором Н. Маевым, который впоследствии записал: «Могила Ч. Валиханова, в виде часовни, из плохо обожженного кирпича, окруженная невысокою стеной, слепленного [сле-пленною] из глиняных комьев, – не обещает долгого существо-вания; уже и теперь многие части надгробной часовни при-ходят в ветхость, хотя надгробный памятник существует всего только три года... Чтобы поддержать разрушающийся надгробный памятник, и сохранить имя погребенного в ней, генерал-губернатор изъявил желание заказать большую мраморную могильную плиту»².

1 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. С. 498–499.

2 Маев Н. От Ташкента до Кульджи. Путевые заметки // Материалы для статистики Туркестанского края: ежегодник. Вып. II. СПб.: Туркестанский стат. ком.. 1873. С. 301.

В том же году генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман дал официальное распоряжение военному губернатору Семиреченской области Г.А. Колпаковскому возвести здесь новый памятник – полированную каменную плиту с указанием на ней полного имени и заслуг Чокана Валиханова, о чём сохранились данные в материалах Центрального государственного архива Республики Казахстан и Центрального государственного архива Республики Узбекистан¹.

Следует отметить, что выполнение распоряжения Туркестанского генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана о сооружении памятника Чокану Валиханову затянулось. Об этом свидетельствуют письма военного губернатора Семиреченской области генерала Г.А. Колпаковского в канцелярию Туркестанского генерал-губернатора, датированные 1872 и 1874 годами, в которых названы причины затягивания установки памятника на могиле Чокана Валиханова. Так, в 1874 г. Г.А. Колпаковский писал: «Его Высокопревосходительство, Господин Главный начальник края, в бытность свою в г. Верном, словесно изволил поручить узнать о том, почему до настоящего времени на могиле ротмистра султана Валиханова не поставлен памятник из мраморной плиты, которую еще в 1871 году обещался доставить ныне умерший потомственный гражданин В.П. Кузнецов. Вследствие этого, я спросил доверенного потомственного почетного гражданина И.В. Кузнецова, Токмакского 2-ой гильдии купца Пахотина о том, найдена ли нужная для памятника мраморная плита и поставлен ли памятник Валиханову. Купец Пахотин письмом от 29 минувшего сентября, уведомил меня, что означенная плита была еще заказана в 1873 году в Екатеринбурге купцу Беданину, который в декабре месяце прошлого года сообщил ему, что плита сделана и отправлена в г. Омск через транспортную контору бр[атьев] Каменских, но в г. Верный до сих пор не доставлена, а потому г. Пахотин в настоящее время сделал сношение с Омскою почтовою конторой И.В. Кузнецова, которую просит по этому предмету навести справку в

1 ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 35595 «О надгробном памятнике ротмистра султана Валиханова»; ЦГА РУз. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4119 «О сооружении памятника на могиле умершего султана Большой орды ротмистра Валиханова».

контору Каменских и об оказавшемся уведомить... <...> ...имею честь присовокупить, что получении от г. Пахотина дальнейших сведений о плите, назначенной для памятника Валиханову, Вашему Превосходительству будет мною донесено своевременно и что плита заказана в Екатеринбурге потому, что в г. Верном нет резчиков на мусульманском языке»¹.

Заказ в Екатеринбург был вызван тем, что в окрестностях Верного и Капала не нашли нужную по размерам мраморную плиту, о чем свидетельствует письмо Д.И. Пахотина на имя помощника Семиреченского губернатора Е.А. Рессицкого от 2 апреля 1873 г. В письме говорилось: «Добыча мраморной плиты для памятника умершего султана rot-mистра Валиханова и вырезка на оной надписи, доверительно заказана еще в прошлом году мастеру крестьянину Омского округа Егору Крючкову, который в тоже время и ездил на указанные ему места для розыска и добычи сказанной плиты и проездивший за розыском более месяца – возвратившись заявил, что годной по размеру мраморной плиты он не нашел, а на другом же на каком либо камне сделать вырезку слов невозможно...»².

Кроме губернатора Семиреченской области генерала Г.А. Колпаковского в сооружении памятника участвовали также капальский купец первой гильдии В.П. Кузнецов, его доверенное лицо купец Д.И. Пахотин и заведующий строительным отделением областного правления П.М. Зенков. Текст надписи был составлен на русском языке Туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, перевод с арабского на казахский осуществлен другом Чокана Валиханова И.И. Ибрагимовым. Подробно об установлении мраморной плиты на могиле Чокана Валиханова можно узнать из книги известного краеведа Н.П. Ивлева³.

Архивные материалы и данные краеведа Н.П. Ивлева свидетельствуют о долгой работе по поиску и изготовлению мраморной плиты и установлению ее на могиле Ч.Ч. Валиханова. Заказанная екатеринбургскому купцу Беданину еще в 1873 г. плита была потеряна и нашлась лишь в 1878

1 ЦГА Руз. Ф. 1. Оп. 20. Д. 4119. Л. 7-8.

2 ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 40421. Л. 3.

3 Ивлев Н.П. Находки краеведа. С. 39-60.

г., потом вновь затерялась. После напоминаний генерала Кауфмана о необходимости возведения мраморной плиты на могиле Чокана Валиханова, губернатор Семиреченской области Колпаковский поручает найти на месте плиту и сделать соответствующую надпись. Как пишет Н.П. Ивлев, строительное отделение Семиреченского областного правления нанимает камнереза Ластовского для вырезки текста на плите¹. В ЦГА РК есть расписка Ластовского, где написано: «1881 года ноября 29 дня нижеподписавшийся даю подписку бухгалтеру Семиреченского г. Калачеву в том, что я обязался сделать плиту из мрамора с надписью по размеру до двух и более аршин, а толщиною не менее 6-ти вершков на могилу ротмистра Валиханова, с доставкою на место за сорок рублей...»². В другой расписке он пишет: «1881 года, я, нижеподписавшийся, даю сию расписку приходно-расходчику Семиреченского областного правления Г. Калачеву в том, что за сделанный [сооружение] оного памятника Штабс-ротмистру Валиханову из мрамора оставшие деньги сорок руб. получил. Дворянин Л. Ластовский. Августа 12-го дня»³.

Конечно, общей работой по сооружению памятника руководил военный губернатор Семиреченской области генерал Г.А. Колпаковский, который на долгие годы, как и его непосредственный начальник – генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман, сохранил добрую память о Чокане Валиханове.

В 1881 г. на месте полуразрушенного мавзолея была установлена белая мраморная плита с двумя вариантами надписи: кириллицей на русском языке и арабской графикой на казахском языке. Памятник состоял из четырех столбов, возведенных из обожженного кирпича, на которых прежде возвышался купол. Над могилой Валиханова на квадратной возвышенности была положена плита из белого мрамора с надписями на двух языках. Сверху плиты значилось: «Здесь покоятся прах штабс-ротмистра Чокана Чингисовича Валиханова, скончавшегося в 1865 году», на боковых плоскостях было вырезано: «По желанию туркестанского

1 Там же. С. 48.

2 ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 40421. Л. 1.

3 Там же. Л. 2.

генерал-губернатора генерал-адъютанта Кауфмана 1-го, во внимание ученых заслуг Валиханова, положен сей памятник генерал-лейтенантом Колпаковским в 1880 году¹.

В советское время не раз ставился вопрос о постройке памятника на могиле Чокана Валиханова. Еще в 40-х годах XX в. советская администрация была обеспокоена тем, что могилу Чокана местные муллы стали превращать в место культа. В одной из публикаций сообщалось, что «нужно добиться, чтобы память о Чокане не использовалась религиозными шарлатанами в своих целях. Следует поставить на могиле Чокана памятник с кратким сообщением о его заслугах перед казахским народом»².

Наконец в 1956 г. руководством Советского Казахстана было принято решение соорудить надгробный памятник на могиле знаменитого соотечественника. По словам московского архитектора М. Ващенко, в июне 1958 г. началось возведение монумента из розового гранита. К строительным работам была привлечена бригада мастеров-каменотесов из Алматы. При сооружении памятника вскрытие останков Чокана Валиханова не производилось, снят был лишь верхний покров земли на 50 сантиметров для закладки железобетонной плиты фундамента³.

Надо отметить, что общественность Казахстана была обеспокоена вопросом увековечения памяти выдающегося соотечественника. Так, в июле 1958 г. в редакцию «Известий» – одной из главных изданий СССР – поступило письмо за подписью известных деятелей культуры и науки Казахстана, в котором сообщалось, что «памятник на могиле Чокана в местности Куюн-Куз за перевалом Алтын-Эмель... до сих пор не установлен. Проектирование его поручено талды-курганскому «Облколхозстрою», хотя в подобных случаях всегда объявляется конкурс на создание лучшего проекта. Забвению [забвение] памяти выдающегося ученого и путешественника нетерпимо. Мы обращаемся к советской общественности Казахстана с предложением соорудить памятник Чокану Валиханову на одной из главных улиц или площадей Алма-Аты.

1 ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 39595. Л. 11.

2 Федоров Е. Могила Чокана Валиханова // Большевик Казахстана. 1941. № 5. С. 78.

3 Ващенко М. Как создавался памятник // Семиреченская правда. 1958. 15 октября.

При этом должен быть объявлен конкурс на лучший проект монумента. Мы просим товарищей в Омске и Фрунзе, Капале и Сырымбете, Күшмұруне и Кокчетаве – в местах, связанных с деятельностью Чокана, позаботиться об установлении мемориальных досок в честь Чокана Валиханова¹.

К осени 1958 г. на могиле Ч.Ч. Валиханова был возведен монументальный каменный обелиск. Созданием проекта надгробного памятника занимался московский архитектор М. Ващенко. Изготовление горельефного портрета Чокана, созданного по эскизу алма-атинского скульптора П.Д. Усачева, было поручено Мытищенному заводу художественного литья. Материалом для сооружения обелиска послужил розовый гранит Кордайского месторождения (Жамбылская область).

Пятиметровый каменный монумент, возвышающийся в центре ступенчатого стилобата, выполнен в виде четырехгранной призмы, которая слегка сужается от основания к вершине. Завершается обелиск полушиарием-глобусом, как символом путешествий. На лицевой стороне памятника в овальной нише установлен бронзовый горельеф Ч.Ч. Валиханова, под ним надпись: «Чокан Валиханов. 1835–1865». У подножья монументального обелиска вмонтирован сохранившийся фрагмент надгробной мраморной плиты, установленной в 1881 году.

Торжественное открытие памятника, приуроченное к 100-летней годовщине путешествия Чокана Валиханова в Кашгарию, состоялось 12 октября 1958 г.

Еще один памятник Чокану Валиханову был установлен в 1979 г. в колхозе имени Чокана Кербулакского района Талды-Курганской (ныне Алматинской) области. Авторы памятника – архитектор Н.Н. Миловидов и скульптор Ю. Рукавишников.

В 1983 г., в связи с приближающимся 150-летием со дня рождения Чокана Валиханова, Совет министров Казахской ССР принял постановление об открытии в колхозе имени Чокана Кербулакского района Талды-Курганской области

¹ Увековечить память Чокана Валиханова. Письмо в редакцию // Известия. 1958. 27 июля.

государственного мемориального музея Ч.Ч. Валиханова «Алтын-Эмель», который начал работу 20 сентября 1985 г. Руководитель авторского коллектива – Р.А. Сейдалин, архитекторы – Б.А. Ибраев, С.И. Рустамбеков, Б. Маманов, конструктор – А.П. Котов.

Мемориальный музей-парк имени Ч.Ч. Валиханова «Алтын-Эмель» включает в себя памятник, государственный музей Ч.Ч. Валиханова и могилу великого ученого. Музей построен в центральной части села имени Чокана и представляет собой сооружение из двух прямоугольных двухэтажных павильонов, в которых расположены экспозиционные залы. Фасад музея декорирован силуэтами и мотивами традиционных казахских мемориальных сооружений с выделенными угловыми элементами. С южной стороны здания музея на высоком холме установлена шестиметровая бронзовая скульптура, изображающая Чокана Валиханова с книгой в руках, лицом к центру села. Памятник установлен на трехметровом прямоугольном постаменте, облицованном розовым гранитом. От подножья холма на вершину ведет лестница, соединяющая две смотровые площадки, расположенные по склону холма. Площадь перед музеем и холмом разделена искусственным водоемом, через который перекинут мост с узорными чугунными перилами. Центр аула имени Шокана соединен автострадой с местом захоронения Ч.Ч. Валиханова, которое расположено в пяти километрах от поселка.

Имя выдающегося казахского деятеля Чокана Чингисовича Валиханова в настоящее время отражено как в архитектуре, так и в топонимике. Чокану Валиханову открыты памятники в Казахстане, России и Кыргызстане. С 1960 г. его имя носит Институт истории и этнологии Национальной академии наук РК, с 1965 г. – государственный университет в Kokшетау, его именем названы улицы в городах Казахстана и России. В селе Сырымбет Айртауского района Северо-Казахстанской области, где также функционирует музей, реконструирована усадьба Валихановых.

Жизни и творческой деятельности Ч. Валиханова посвящен ряд художественных фильмов: «Его время придет» («Казахфильм», 1957 г., режиссер М. Бегалин), с Нурмуханом

Жантуриным в главной роли; к 150-летию со дня рождения ученого был снят многосерийный художественный фильм «Чокан Валиханов» («Казахфильм», 1985 г., режиссер А. Ашимов), с Саги Ашимовым в главной роли; документальный фильм «Человек в мундире» (2006 г., режиссер И. Гонопольский) и др.

5.4. Чокан Валиханов и его наследие

Заканчивая описание жизненного пути нашего выдающегося соотечественника Ч.Ч. Валиханова, следует отметить вклад его в различные отрасли науки и, в первую очередь, в гуманитарные. В ходе выполнения различных служебных поручений и путешествий он вел путевые дневники, где записывал легенды, песни, предания, сказания народов Центральной Азии, выяснял родоплеменную структуру казахских и кыргызских родов и их этническую историю, описывал флору и фауну, хозяйство, материальную и духовную культуру населения Казахстана, Кыргызстана и Восточного Туркестана, собирая фолианты, старинные рукописи, монеты, археологические и этнографические материалы. Ценность собранных сведений дополнялась художественными зарисовками, схемами, картами и маршрутами движений по Семиречью, Иссык-Кулю, Тянь-Шаню и Восточному Туркестану.

В работе «Очерки Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов дал оценку накопленным им материалам: «Сведения, собранные во время путешествия, состоят, во-первых, из личных моих наблюдений; во-вторых, из сведений и материалов, полученных от людей, достойных вероятия и поверенных другими показаниями, и, наконец, из письменных источников, полученных от купцов, чиновников, из туземных официальных документов и книг¹. В отчете Императорского Русского географического общества за 1865 г. о вкладе Чокана Валиханова в науку говорится следующее: «Тщательно записывал предания, легенды и поэмы своего народа, изучал среднеазиатские наречия, дорогою ценой скупал древности, находимые ту-

¹ Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 53-54.

*земцами в старых развалинах и могилах, с опасностью для жизни проникал в буддийские монастыри и доставал там редкие рукописи*¹.

В настоящее время научное наследие Ч.Ч. Валиханова представлено опубликованными и неопубликованными трудами, значение которых трудно переоценить. Актуальность и значимость произведений нашего выдающегося соотечественника требуют показать его как путешественника, географа, востоковеда, этнографа, фольклориста, историка, публициста, экономиста, юриста и первого казахского художника.

Ч.Ч. Валиханов, имея хорошее образование, полученное в стенах Омского кадетского корпуса, во время экспедиции в Центральную Азию проявил себя как незаурядный путешественник и географ. Его описания о местах пребывания составлены научно достоверно, что свидетельствует о нем как о пытливом молодом исследователе.

Современники Чокана Валиханова характеризовали его как путешественника и исследователя. Так, А.К. Гейнс, находясь в 1865 г. в служебной командировке в Семипалатинской области, писал: «*В Петербурге, изучив путешествие Валиханова в Кашгар, мы могли заметить, что многое, оставшееся для нас неясным, после знакомого труда, стало понятно*²».

О Чокане Валиханове есть свидетельство знаменитого русского путешественника и военного географа М.И. Венюкова (1832–1901), который в середине XIX в. посетил Тянь-Шань и собрал сведения об ущелье реки Зауку, по которому лежал путь в Кашгар. Как известно, Чокан Валиханов в 1858 г. на пути в Восточный Туркестан выбрал именно перевал Зауку, как прямую дорогу, хотя и опасную. М.И. Венюков в работе «Путешествие по окраинам Российской Азии и записи о них», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1868 г., замечает: «... отчет этого даровитого путешественника был писан им отчасти во время болезни в Омске, при содействии полковника Гутковского и по соображению с картами Захарова, Нифан-

¹ Отчет Императорского Русского географического общества за 1865 г. СПб.: [б. и.], 1866. С. 10.

² Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения.... С. 65.

тьева, и даже Георга Людвига фон *** (из рукописи которого выписка о Кашгаре и соседней стран сообщена была г. Валиханову мною), отчасти полтора года спустя после путешествия в Петербург¹. Высказывание Венюкова подтверждает то, что он был знаком с Чоканом Валихановым.

Известный русский ориенталист Н.А. Аристов в рукописи «Западный Тяньшань. Очерки истории и исторической географии. Часть вторая. Кыргызы или кара-киргизы» отметил вклад Чокана Валиханова в исследование истории кыргызов: «Первые обстоятельные этнографические сведения о кара-киргизах собраны штабс-ротмистром султаном Чоканом Чингисовичем Валихановым, правнуком Аблай-хана. <...> Заметки Валиханова о быте, истории, происхождении, преданиях и поэзии кара-киргизов были частью помещены в статье его «Очерки Джунгарии»².

Отметим, что в «Туркестанском сборнике» за 1869 г. есть сведения о Чокане Валиханове, взятые из «Известий Императорского Русского географического общества»: «Описание поездки своей в Кашгар Валиханов начал печатать в Записках нашего Географического общества, но преждевременная кончина помешала ему окончить издание всех своих трудов. В статье «Очерки Джунгарии» (Записки. 1861. Кн. 1 и 2) он доводит путешествие до Заукинского прохода, а [во] второй записке «О состоянии Алтышара» (Записки. 1861. Кн. 3) представляет общее географическо-статистическое описание шести городов Восточного Туркестана, на основании собранных им сведений»³.

В 1965 г. на научной сессии ученых Москвы и Казахстана, посвященной 100-летию со времени смерти Ч.Ч. Валиханова, доктор географических наук, профессор Э.М. Мурзаев в докладе «Ч.Ч. Валиханов как географ» сообщил о результатах географических исследований Чокана Валиханова в Центральной Азии, где за 8–10 лет творческого труда он смог оставить работы, представляющие существенный вклад в познание природы и географических закономерно-

1 Венюков М.И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записи о них. С. 258–259.

2 Архив РГО. Р. 65. Оп. 1. Д. 11. Л. 650.

3 Поездка Ч.Ч. Валиханова в Кашгар // Туркестанский сборник. СПб., 1869. Т. XVI. С. 97.

стей, свойственных этим регионам. Он отметил: «В середине XIX в. изученность Средней и Центральной Азии была очень слабой. Первое путешествие П.П. Семенова в 1856 г. положило начало исследованиям Тянь-Шаня. Еще не было знаменитых экспедиций Пржевальского в Центральную Азию, из которых первая состоялась в 1870 г., через 5 лет после смерти Ч. Валиханова. Но дружба с Семеновым Тян-Шанским – это можно утверждать – определила географические интересы Валиханова¹. Советский ученый также назвал «великим научным подвигом» сделанный Чоканом по классической схеме обзор Кашгарии с двухступенчатой географической характеристикой. Э.М. Мурзаев отметил, что Ч.Ч. Валиханов в своих дневниках и записках зафиксировал детальные описания маршрутов в Центральную Азию, которыми позднее воспользовались как русские, так и иностранные географы. В своем выступлении московский ученый отметил, что Валиханов уделял внимание картографии, понимая ее значение в исследовании края, и много сделал в этой области².

В 1985 г. на Всесоюзной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова, профессор Э.М. Мурзаев в докладе «Географическое наследие Чокана Валиханова» отметил: «Содержательны исследования Чокана Валиханова. Каждый добывший им факт – ценность; но собрание фактов еще не наука. Их систематизация, установление и выявление причинности на основе фактов – вот что должно привлекать ученого. И молодой казахский исследователь смело встал на увлекательный путь осмысления и обобщения своих наблюдений³. Также он сообщает, что Ч.Ч. Валиханов в «Очерках Джунгарии» в вертикальной поясности гор Семиречья выделил три полосы: горную, полугорную и равнинную. При этом он высказал интересную мысль о том, что в горах флора и фауна имеют много общего с растительностью и животным миром Сибири, что под-

1 Мурзаев Э.М. Чокан Валиханов как географ (к столетию со дня смерти) // Известия АН СССР. Сер. Географическая. 1965. № 6. С. 88–89.

2 Памяти выдающегося казахского ученого-просветителя Ч.Ч. Валиханова (1835–1865 гг.) // Вопросы истории. 1965. № 9. С. 124.

3 Мурзаев Э.М. Географическое наследие Чокана Валиханова // Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюз. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР. 1988. С. 48.

твердились последующими исследованиями. Э.М. Мурзаев считал, что «анализ палеографических условий формирования ландшафтов Центральной Азии показывает, что горы были теми мостами, по которым сибирские элементы проникали далеко на юг, в то время как межгорные впадины и песчаные пустыни оказались проводниками аридных форм далеко на север, вплоть до межгорных котловин Восточной Сибири. Так, мысль, высказанная впервые Ч. Валихановым, получила развитие, но с новыми фактами, очень важными для правильного понимания и анализа происхождения различных видов флоры и фауны гор Центральной Азии»¹.

На этой же конференции академик А.С. Бейсенова охарактеризовала Чокана как географа-путешественника следующим образом: «При изучении географических особенностей исследуемой территории Валиханов прежде всего выявляет характер строения поверхности и особенностей природных условий района вообще. Таковы его наблюдения о «солонцеватой безводной степи» Семипалатинского края, Аркадской возвышенности, долинах и хребтах Джунгарского Алатау, Северного Тянь-Шаня и Восточного Туркестана»². Отметила А.С. Бейсенова и существенный вклад Ч.Ч. Валиханова в исследование озер Казахстана и Центральной Азии – Алаколь, Балхаш, Иссык-Куль и Чатыр-Куль.

В одном из фондов Российского военно-исторического архива содержится ведомость по картам и планам, поступившим в архив Военно-топографического депо с 1 марта по 1 апреля 1860 г., где значится «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», скорее всего подготовленная Чоканом в период его пребывания в Петербурге³. К сожалению, сама карта в деле отсутствует.

О значительном вкладе Чокана Валиханова в картографию исследованных им территорий сообщают многие исследователи. Так, в 1959 г. кыргызский ученый С. Умурзаков в статье, посвященной 100-летию Кашгарского путешествия Валиханова, справедливо заметил: «Существенный вклад внес Ч. Валиханов и в картографию края. В середине

1 Там же. С. 19.

2 Там же. С. 219–220.

3 РГВИА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 36. Л. 75.

прошлого столетия картография Средней Азии находилась в неудовлетворительном состоянии. Даже лучшие карты того периода – карта Центральной Азии М.Ж. Клапрота (1836) и «Карта оз. Иссык-Куль и сопредельных с ним стран» Я.В. Ханыкова (1851) страдали серьезными погрешностями, допуская ошибочные комбинации многих орогидрографических объектов. <...> В этих условиях Валиханов, путешествовавший по Тянь-Шаню и Кашгарии, получил возможность оказать большую услугу отечественной картографии. В течение ряда лет он принимает деятельное участие в создании карт Джунгарии, Заилийского края, Внутренней Азии. В 1860–1861 гг., в период пребывания в Петербурге, Валиханов привлекается к составлению карты Средней Азии и Кашгарии. По возвращении на Родину, ученый продолжает свои картографические занятия, работает над статьей «О картах географических Средней Азии». В его архиве сохранилось около 15 карт восточных областей Казахстана, Центральной Азии и др.¹.

Трудно не согласиться с авторитетным мнением известного казахстанского ученого-чокановеда А.С. Бейсеновой: «...наибольший интерес вызывает карта Центральной Азии, сделанная Чоканом на страницах одного из его дневников. Это была первая достоверная карта Кашгарии и граничащих с ней районов. <...> Среди картографических произведений великого казахского ученого большой интерес представляет «Карта казахской степи XVIII века» (1850). <...> ...внимания заслуживает «Карта казахских степей середины XIX века». По сравнению с другими картами Валиханова, у этой есть важное преимущество – относительное соблюдение масштабности, что делает карту более ценной в практическом применении. <...> Картографические работы Ч. Валиханова еще не собраны полностью. Они разбросаны в разных архивах страны. Сбор воедино этих материалов и их изучение – дело будущего².

Тщательное изучение трудов Валиханова позволяет сделать вывод о его попытке комплексного изучения природы Тянь-Шаня и Семиречья, обратить внимание на разнообразие собранных материалов по многим отраслям знаний.

1 Умурзаков С. К 100-летию Кашгарского путешествия Ч. Валиханова. С. 107.

2 Бейсенова А.С. Чокан Валиханов – путешественник и географ. С. 221–222.

Его интересует многое во время путешествий, в частности фауна посещаемых им мест. Так, географ М.Ж. Жапбасбаев утверждает: «*Ему принадлежит приоритет в изучении млекопитающих и птиц Тянь-Шаня и первая схема их вертикального распределения. Основные виды животных он группирует по вертикальным поясам: горный, полугорный (или субальпийский) и равнинный. Обстоятельны и обоснованы описания и других компонентов природы*¹. По его словам, «*в общей сложности Ч. Валиханов в Семиречье был 6, а на Тянь-Шане – 4 раза. Он был одним из пионеров в исследовании Тянь-Шаня в Семиречье и внес свой весомый вклад в этом вопросе в приоритет русской науки*².

Тем не менее, по мнению академика А.С. Бейсеновой, о Валиханове как географе до сих пор нет еще специального исследования³.

Справедливым будет отметить прочные связи Чокана Валиханова с Императорским Русским географическим обществом, действительным членом которого он был избран в 1857 г. «Хорошо известно, каким вниманием был окружен Валиханов в среде Географического общества во время своего кратковременного пребывания в Петербурге. Все, кого интересовал Восток, встречали с его стороны готовность делиться своими обширными познаниями в области географии, истории, этнографии, фольклора, хозяйственного устройства его родных казахских степей»⁴.

Как утверждает Т.П. Матвеева, изучавшая документы в архиве Русского географического общества, в числе рукописных материалов, принадлежащих Ч.Ч. Валиханову, значатся: «Авторизованная копия рукописи трех последних отделов отчета Валиханова: III. Народонаселение. IV. Правительственная система и политическое состояние края. V. Промышленность и торговля. <...> «Кашгарский дневник II», снабженный надписью: «Эта книжка с собственоручными

1 Жапбасбаев М.Ж. Исследователь природы Тянь-Шаня и Семиречья // Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюз. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР. 1955. С. 227–228.

2 Там же. С. 228.

3 Бейсенова А.С. Чокан Валиханов – путешественник и географ. С. 219.

4 Матвеева Т.П. Документы Чокана Валиханова в собрании архива Географического общества СССР. С. 215.

записками Чеккана Чингисовича Валиханова. П. Семенов». Представляет он собой скорее рабочую тетрадь для записей, связанных с творческой работой. В тетради несколько разнотемных разделов, между которыми оставлено много свободных листов, словно в расчете на дальнейшее добавление к каждому из них¹. Далее она отмечает: «Труды Валиханова по географии, истории, экономике, этнографии Средней Азии впервые были высоко оценены в среде Географического общества. <...> При жизни ученого через общество увидела свет значительная часть его капитального исследования «Описание Алтышара или Кашигара». <...> Думается, небезуспешными могут оказаться поиски новых документальных свидетельств о Чокане Валиханове в фондах Архива Географического общества, в особенности в личных фондах деятелей общества, с которыми он тесно общался в период своего короткого пребывания в Петербурге»².

Труды Ч.Ч. Валиханова, как востоковеда, академик Р.Б. Сулейменов и профессор В.А. Моисеев оценили так: «Востоковедение с самого своего зарождения являлось комплексной наукой и включало изучение языка, литературы, искусства, истории, философии, экономики, политики той или иной страны или народа. Чокан Валиханов посвятил свою жизнь исследованию истории и современного положения языка и литературы тюркских народов Казахстана, Средней и Центральной Азии – казахов, киргизов, узбеков, уйгур, туркмен»³.

Ч.Ч. Валиханов тщательно подходил к изучению истории и культуры народов с привлечением различных письменных источников. В одной из своих рукописей он писал: «Обширные и привольные степи Средней Азии, обильные пастбищами и водой, были населены в наидревнейшие времена бесчисленными ордами отдельных кочевых поколений. Поколения эти, беспрестанно меняя места своих кочевок, являлись под разными именами: то под родовым названием своего поколения, то под коллективным именем сильного, влиятельного рода. Одно племя усиливалось, соединяло все другие и давало им свое имя. Таковы были союзы племен – хунны, ойхоры и

1 Там же. С. 217.

2 Там же. С. 218–219.

3 Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Чокан Валиханов – востоковед. С. 56.

монголы. Миграция одного поколения, стесненного другим, порождала всеобщее движение, всеобщую перемену кочевок. Это то обстоятельство и составляет величайшую трудность при исследовании происхождения современного нам кочевого поколения, тем более, что единственные для того источники – китайские летописи и восточные хроники – не отличаются последовательностью и точностью. Самый способ тонического переложения иностранных имен на китайские иероглифы через какие-нибудь китайские слова, по звуку близко подходящие к настоящему имени..., делает вопрос этот далеко не таким ясным, как бы следовало ожидать от множества фактов, сохраненных их историей»¹.

Занимался Ч.Ч. Валиханов и исследованиями рукописей на восточных языках. Об этом свидетельствуют «Письмо профессору И.Н. Березину» и «Заметки при чтении книги проф. И.Н. Березина «Ханские ярлыки», написанные им примерно в начале 1850-х гг. Отрывок письма русскому востоковеду, заслуженному профессору кафедры турецко-татарской словесности Петербургского университета И.Н. Березину (1818–1896) был обнаружен среди бумаг Ч.Ч. Валиханова и назван «Черновые записки Валиханова по востоковедению»². Письмо впервые было опубликовано в первом томе собрания сочинений Ч.Ч. Валиханова, вышедшем в 1961 г.³.

Переписка между Ч.Ч. Валихановым и И.Н. Березиным установилась с помощью Н.Ф. Костылецкого, который порекомендовал профессору своего ученика для определения содержания некоторых терминов, встречающихся в ханских ярлыках. По словам академика А.Х. Маргулана, «связи юного Чокана с выдающимся русским востоковедом имели решающее значение для выбора им своего научного занятия, укрепили в нем любовь к истории и литературе народов Средней Азии. Труды И.Н. Березина пробудили в юном Чокане интерес к изучению древних письменных памятников, и первые его научные работы были посвящены разбору ханских ярлыков. Во

1 Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 346.

2 Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 630.

3 Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 121–130.

всем этом важную роль играл Н.Ф. Костылецкий, непрестанно заботившийся о развитии молодого Валиханова»¹.

Отметим, что тарханные ярлыки в середине XIX в. изучали многие российские востоковеды, в том числе профессор И.Н. Березин. Чокан Валиханов, внимательно изучив тексты ярлыков, написал рецензию на труды И.Н. Березина, в которой подверг текст ярлыков историко-этнографическому и лингвистическому анализу².

Изучив работы Ч.Ч. Валиханова с китайскими грамотами, профессор К.Ш. Хафизова отметила: «...в руках Чокана Валиханова оказалось всего пять грамот, подлинность которых не вызывает сомнения: 1) тарханская грамота джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна бию и батыру Малайсары; 2) грамота императора Цяньлуна к султану Среднего жуза Аблаю; 3) грамота Цяньлуна султану Вали; 4) грамота Цзяцина хану Вали; 5) грамота Даогуана внуку Аблая – султану Губайдулле... <...> Описание внешнего вида грамот подтверждает их подлинность и позволяет сделать вывод, что Чокан был, возможно, последним ученым, державшим их в руках»³. К.Ш. Хафизова считает, что китайские грамоты имеют неоценимое значение для понимания международной обстановки в Центральной Азии и роли в ней Казахстана, а также будут полезны при исследовании этнической территории казахов и формирования казахского социума XVIII–XIX вв., в изучении родословной казахских правителей, которой Чокан Валиханов придавал особое значение⁴.

Из восточных рукописей особое внимание Ч.Ч. Валиханова привлекали труды Рашид ад-дина «Джами ат-таварих», Мухаммад Хайдар Курекана «Тарихи Рашиди» и Кадыргали Хошум Жалаира «Джами ат-таварих». Сочинение Рашид ад-дина в переводе профессора И.Н. Березина Чокан приобрел еще в 1860 г. в Петербурге. Произведения Мухаммад Хайдар Курекана Валиханов изучал в библиотеке Азиатского музея в Санкт-Петербурге. Из рукописи Кадыргали Хошум Жалаира Чокан сделал выборочный вольный перевод

1 Маргулан А.Х. Очерт жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова. С. 36.

2 Валиханов Ч.Ч. Заметки при чтении книги проф. И.Н. Березина «Ханские ярлыки» // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 131–141.

3 Хафизова К.Ш. Чокан Валиханов о китайских грамотах. С. 179–180.

4 Там же. С. 184–185.

той части, где говорится о казахах, и снабдил перевод примечаниями и словарем этнографических терминов.

Чокан Валиханов придавал большое значение текстологическому исследованию сочинений средневековых авторов. В частности, он анализирует непонятные слова и приводит правильное их написание, находит орфографические ошибки, отмечает небрежность переписчика, допустившего оплошности при переписке сочинений¹.

Известно, что Ч.Ч. Валиханов был знаком с трудами известного востоковеда, дипломата и путешественника, знатока китайского языка, одного из основоположников российской синологии, члена-корреспондента Императорской Санкт-Петербургской академии наук Никиты Яковлевича Бичурина (о. Иакинф) (1777–1853), в том числе с его «Собранием сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851) и др. Отметим, что заслуги Н.Я. Бичурина нашли достойное место в работах Ч.Ч. Валиханова. «Отец Иакинф, по свидетельству синологов, знал хорошо китайский язык и факты, сообщенные им, заимствованы из официальных документов империи», – писал Чокан².

Чокан Валиханов работал над переводом привезенного из Кашгарии сочинения «Тарихи Рашиди», написанного визирем кашгарского хана Абдар-Рашид-хана – Мухаммад Хайдаром долгатом, в котором изложение исторических событий начинается с описания жизни основателя Могульской державы в Восточном Туркестане Туглук хана и заканчивается серединой XVI в. Ч.Ч. Валиханов так описывал эти события: «Хайдар говорит, что деяния монгольских ханов были известны по преданиям, [но] в его время уже не было людей, знаяших даже по устной передаче и [сумевших] так сохранить их. Он начал в 951 г. гиджры свою историю, приняв за образец изложение Зафар-намэ Шереф-эддина... <...> История начинается Туглук-Тимур-ханом, основателем Могул-улуса и первым принявшим ислам; ибо от Чингиса до Туглук-Тимура упоминают все лучшие историки, но история последующих ханов [была] не известна. «Тарихи-Рашиди» разделяется на

1 Бекмагамбетова М.А. Чокан Валиханов как источникoved // Известия АН КазССР. 1985. № 6(144). С. 33.

2 Валиханов Ч.Ч. Западный край китайской империи и город Кульджа... . С. 397.

два отдела: первый заключает [историю отрасли джагаитайдов, произшедшей от Туглук-Тимур-хана]. Вторая часть содержит обстоятельства [из жизни] самого автора: то, что слышал, видел о ханах и султанах джагатайских, о узбеках и о неприятностях, которые имел он от своих родственников – ханов¹.

Сочинение Мухаммад Хайдара интересно тем, что здесь содержатся сведения о казахах, относящиеся к XIV–XVI вв. По мнению М.А. Бекмагамбетовой, «Ч. Валиханов был одним из первых русских востоковедов, обративших внимание на «Тарихи Рашиди». Переведенные им извлечения содержат описание деятельности правителей Восточного Туркестана и событий, в связи с которыми упоминаются казахские ханы².

Надо отдать должное отечественным исследователям, которые в свое время достойно оценили вклад Чокана Валиханова в перевод и анализ этого уникального фолианта средневековья. Конечно, Чокан подверг анализу «Тарихи Рашиди», исследовал историю появления сочинения, дал сведения об авторе, определил цель и задачу памятника, обратил внимание на неточности и ошибки, сделанные переводчиком, объяснил термины, географические названия и т. д.³.

Ч.Ч. Валиханов перевел на русский язык и сделал комментарии к текстам четырех грамот китайских императоров и одной грамоты джунгарского хана казахским ханам Аблаю и Валию. В своих черновых записях он писал: «Так как источники для Киргизской степи очень скучны и главнейшим образом в тех разноречивых известиях и слухах..., то акты (вышеуказанные грамоты. – Ж.Е.) как новые данные для быто-описания киргизских орд, бесспорно заслуживают внимания отечественных ученых...»⁴. В другой работе Ч.Ч. Валиханов подметил, что «главным источником для истории народов кочевых и вообще племен, не имеющих письмен, были

1 Валиханов Ч.Ч. Из «Тарихи-Рашиди» // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 438.

2 Бекмагамбетова М.А. Чокан Валиханов как источникoved. С. 32.

3 Там же.

4 Валиханов Ч.Ч. Черновой набросок // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб.. 1904. С. 306.

*и будут полубаснословные их легенды и отрывки известий из летописей цивилизованных народов, с которыми они имели столкновения*¹.

Современники Чокана высоко оценивали и его вклад в тюркологию. Известные в то время востоковеды не раз прямо или косвенно упоминали об этом в своих трудах. Так, в 1863 г. ориенталист Н.И. Ильминский (1822–1891) в письме к Отто Реригу в числе востоковедов, занимающихся «классификацией тюркской группы языков», называл Ч.Ч. Валиханова².

Нельзя не отметить вклад Ч.Ч. Валиханова в развитие этнографии и фольклористики Казахстана и Центральной Азии. В его трудах можно найти различные этнографические описания народов, встреченных им во время путешествий. В первую очередь отметим вклад Чокана Валиханова в изучение истории Старшего жуза, население которого, вместе с кыргызами, путешественники XVIII в. ошибочно считали одним особым народом, отличающимся от казахов. В работе «Очерки Джунгарии» Ч.Ч. Валиханов дает пояснение: «*Оканчивая свои этнографические заметки о бурутах и уйсунях, я считаю нужным заметить, что не должно смешивать эти два совершенно различных народа. Об этом заботились в свое время гг. Левшин, Мейendorф и особенно горячо отец Иакинф, но до сих пор им никто не внимал. Слова их были гласом вопиющего в пустыне, даже Гумбольт и Риттер не могли понять хорошо, в чем дело: они думали, что буруты именно составляют Большую (Старшую. – Ж.Е.) кайсацкую орду и что эту-то орду нужно отличать от Малой и Средней. Но это было большой ошибкой со стороны почтенных корифеев науки. Большая, Средняя и Малая киргиз-кайсацкие орды составляют один народ «казак» (казах. – Ж.Е.), отличный от киргизов, называемых китайцами – буратами, русскими – дикокаменными или черными. Эти два народа отличаются по языку, по происхождению, по обычаям. Даже в физиономии бурута есть что-то своеобразное, не кайсацкое*³.

1 Валиханов Ч.Ч. Записки о киргизах. С. 346.

2 РО ИРЛИ. Ф. 141. № 60. Л. 2.

3 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 52.

Весьма плодотворны работы Ч.Ч. Валиханова по исследованию этногенеза казахского народа. С привлечением данных из этнографии и фольклора, казахских преданий, легенд, поговорок, пословиц он сумел комплексно подойти к изучению этой проблемы. У Чокана Валиханова было собственное мнение на происхождение казахского народа, которое он ясно выразил в письме профессору И.Н. Березину (1852 г.): «*Все данные, собираем которых я теперь занимаюсь..., подтверждают, что народ казак (так называем себя мы) образовался от союза разных племен турецких и монгольских во время междуусобий в орде, начавшихся тотчас после смерти Бердигека, а не народ древний, о котором писал Фирдоуси. Каждый потомок Батыя хотел быть ханом и иметь народ: так, я думаю, образовались ханство Крымское, Казанское, орда Чорайгаковская, союз узбеков – шейбанов и казаков»¹.*

Именно Чоканом Валихановым впервые высказана мысль о том, что термин «казак» / «казах» первоначально имел социальное значение, а с образованием Казахского ханства он приобрел этническое значение. В одной из своих работ он пишет: «*Кочевой степняк, для отличия от своих городских родовичей-соседей, узбеков и ногайцев, гордился именем казака – свободного степняка, кочевого человека... <...> ...к казакам присоединились, или силою были присоединены, разные отпавшие от Золотой орды отделения многих народов, как-то: кипчаки, найманы, конрады, джалаиры, канглы и другие отрасли, коих названия ныне носят сильнейшие поколения, роды и отделения орд киргиз-кайсаков»².*

Немаловажное значение Ч.Ч. Валиханов придавал народным преданиям, считая их залогом познания жизнедеятельности любого народа. В «Очерках Джунгарии» он пишет: «*Ученые уже давно заметили важность для этнографии изучения памятников народной словесности, в которых лучше всего выражается характер народного быта и нравов. Любовь к старине и богатство преданий составляют особое достояние кочевых народов Северной и Средней Азии. Предания эти*

¹ Валиханов Ч.Ч. Письмо профессору И.Н. Березину. С. 121-122.

² Валиханов Ч.Ч. Киргизское родостовие // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 207.

сохраняются свято или в виде родовых воспоминаний старейшин, как например юридические предания и генеалогические, или в форме эпоса передаются из рода в род особенном сословием певцов. Многие слова и обороты, не употребительные в настоящее время, показывают их древность¹. В этой работе Чокан Валиханов признает значимость генеалогических преданий для изучения состава и взаимоотношений кочевых народов, старшинства родов и племен. «Весьма важный отдел преданий составляют предания генеалогические. На этих преданиях основан родовой быт. Отношение [отношения] родов между собой обуславливается степенью родства родоначальников. Старшинство одного племени перед другим выражается правом физического первородства предков. Предания сего рода важны в том отношении, что они представляют состав и образование народа. Из генеалогических таблиц кайсаков, узбеков и ногайцев видно, что это союз разных тюркских и монгольских племен, образовавшийся после падения Золотой и Джагатайской орд», – писал Валиханов².

При изучении этногенеза казахов, как и других кочевых тюркских и монгольских народов, Ч.Ч. Валиханов уделял большое внимание национальному эпосу. В его работах можно встретить обращение к различным былинам и преданиям, что свидетельствует о его широких познаниях в этнографии и фольклоре кочевых народов. В этом отношении заслуживают внимания следующие мысли Валиханова: «Третий род преданий составляют так называемые ногайские бытины (джир). Они существуют у кайсаков, узбеков, ногайцев и у киргиз. Надо полагать, что под ногаями первоначально разумелись в Средней Азии все кочевые племена турецкого и монгольского происхождения, говорившие татарским языком, [так же] как калмыками назывались кочевники, говорившие по-монгольски. Ногайские предания относятся к концу XVI, к XV и XVI вв. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной устной литературы. Они замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаяев,

1 Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. С. 68.

2 Там же. С. 70.

нравов, образа жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса»¹.

О том, что Чокан занимался сбором фольклорных сказаний и былин, свидетельствует академик К.И. Сатпаев в своей книге «Ер Едиге», изданной в 1927 г. в Москве на казахском языке (переиздана в 1995 г.), где приводится один из вариантов этого легендарного эпоса тюркских народов. В предисловии к книге автор писал: «Рассматриваемый вариант сказания об Едиге впервые услышал Чокан Валиханов в 1841 году из уст народного акына Жумагула, происходящего из рода курлеут-кыпчак. Этот же вариант был позже сличен Валихановым с вариантом другого акына из кыпчаков – Арыстанбая и был записан Чоканом совместно с отцом – Чингисом. Позже Чокан перевел этот вариант на русский язык (см.: Ч. Валиханов. Сочинения. Изд. ИРГО. 1904 г. С. 223–237.)»². Далее К.И. Сатпаев отметил, что после смерти Чокана профессор П.М. Мелиоранский, исследовавший его архив, опубликовал в 1905 г. это сказание об Едиге на казахском языке (См.: П.М. Мелиоранский. Сказание об Едиге и Тохтамыше. Приложение к XXIX тому Записок ИРГО. 1905 г.)³.

По мнению этнографа В.П. Курылева, «Ч. Валиханов использовал три основных круга источников для решения проблемы этнической истории тюрко-монгольских кочевых народов: народные сказания и предания, китайские письменные источники, восточные и европейские письменные источники»⁴. Мы разделяем данное мнение известного ученого.

Много сделано Ч.Ч. Валихановым по поиску, сбору и накоплению этнографических и фольклорных источников, а также по анализу и подготовке их к изданию с собственными комментариями. Это можно проследить в таких историко-этнографических трудах, как «Записка о судебной реформе», «Предания и легенды Большой киргиз-кайсацкой орды», «Киргизское родословие», «Следы шаманства у киргизов», «Исторические предания о батырах XVIII в.», «Шуна-батыр»,

1 Там же. С. 70–71.

2 Сатпаев К.И. Ер Едиге. Алматы: Гылым. 1995. С. 75.

3 Там же.

4 Курылев В.П. Чокан Валиханов – этнограф // Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюз. науч. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата: Наука КазССР. 1988. С. 54.

«Песни Урака», «Песня об Аблае», «Образец причитаний» и др. Эти работы ценные авторским толкованием многих приведенных в них разнообразных источников. Так, известный казахстанский литературовед Р.Б. Бердибаев в свое время писал: «Ч. Валихановым записаны мифы, легенды и предания, исторические песни, пословицы и поговорки, поэтические состязания и др. Среди них песни знаменитого Бухар-жырау (XVIII в.), посвященные Аблаю. К числу исторических песен относится также «Песнь об Аблае», песни об Ураке и Кара-батыре, повествующие о событиях прошедших веков»¹.

Значимость этнографических и фольклорных источников для изучения истории и культуры казахского народа прослеживается в его «Очерках Джунгарии», «Заметках по истории южносибирских племен», «Киргизском родословии» и других работах. В одной из них Ч. Валиханов подметил: «Изучая внимательно этнографию народа, мы можем открыть, если не истину, то, по крайней мере, слабое отражение ее, сколько-нибудь раздирающее густой слой тьмы неизвестной. Если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании свое происхождение и истину, то нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и при сличении во всем согласные с историческими указаниями, могут иметь значение историческое»².

В ходе своих поездок Чокан Валиханов записывал фольклор разных народов Центральной Азии, а в последующем использовал эти записи в своих сочинениях. Исследователь Р.Б. Бердибаев по этому поводу писал: «Ч. Валиханова интересовал фольклор казахов, киргизов, уйгуров, каракалпаков, алтайцев, монголов, бурят, якутов и др. В его трудах встречаются важные наблюдения о фольклоре каждого из этих народов»³.

1 Бердибаев Р.Б. Чокан Валиханов – исследователь казахского фольклора // Там же. С. 272.

2 Валиханов Ч.Ч. Заметки по истории южносибирских племен // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. I. Алма-Ата. 1961. С. 355.

3 Бердибаев Р.Б. Чокан Валиханов – исследователь казахского фольклора. С. 273.

Ш.К. Сатпаева по поводу фольклорных изысканий Чокана отмечает: «Он одним из первых в науке применяет сравнительно-историческое изучение фольклора. Стремясь установить общие закономерности историко-литературного процесса, Валиханов нередко проводил типологическое сопоставление сходных фольклорных явлений, наблюдавшихся у территориально не связанных между собой и стоящих на разных ступенях культурного развития народов»¹.

В работе известного казахского этнографа Э.А. Масанова есть замечательные слова, характеризующие Чокана Валиханова как выдающегося ученого: «Вклад Валиханова в этнографическое изучение казахского народа весьма значителен. Научные материалы, собранные им, и многие его выводы не потеряли своего значения. Пожалуй, нет ни одного важного вопроса, относящегося к исторической и современной ему этнографии казахов, который бы он не затронул в той или иной степени и разрешению которого бы не способствовал своими исследованиями. Его труды оказали огромное влияние на всю последующую историю изучения культуры и быта казахского народа»².

В свое время советские исследователи неоднократно указывали на вклад Чокана Валиханова в изучение этногенеза народов Центральной Азии. Так, таджикский ученый М.С. Асимов отметил в своей статье, что «Чокан Валиханов хорошо был знаком с историей культуры таджикского народа. Он знал классиков персидско-таджикской литературы. В его трудах мы встречаем имена Фирдоуси, Руми, Хафиза, Сади, Джами, Бедиля»³.

Исследование научного наследия Чокана Валиханова по-прежнему требует настоятельного обращения к его публицистике, изучению языка и стиля изложения. Советские ученые еще в конце 1950-х – начале 1960-х годов обращали внимание на Валиханова как на публициста. Так, исследо-

1 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата: Наука КазССР, 1955. С. 263–264.

2 Масанов Э.А. Очерки истории этнографического изучения казахского народа в СССР. С. 158.

3 Асимов М.С. Вклад Чокана Валиханова в изучение истории и этнографии народов Центральной Азии // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. 1985. № 4(122). С. 5.

ватели Х. Суюншалиев, А. Маргулан, Ш. Сарыбаев, литературный критик З. Кедрина, литературовед М. Фетисов в своих работах указывали на своеобразный индивидуальный стиль языка Чокана Валиханова¹.

Академик Ш. Сарыбаев еще в 1958 г. в газетной заметке «Шоқан және тіл білімі мәселелері» отметил знание Чоканом ряда европейских и восточных языков, широкое использование им в своих работах поговорок, крылатых слов, терминов: «Шоқанның орыс тілін жақсы білгендігі – дәлелдеп жатуды керек етпейтін ақиқат. Ол барлық еңбектерін орыс тілінде жазған. Шоқанның кадет корпусына түскенге дейін бір ауыз орысша білмегендігі туралы тарихи мәліметтер бар. (Г. Потаниннің естелігі). Атақты ғалым орыс тілін үйренуге дең қойып, сол тілде жазылған шыгармаларды көп оқыған <...> Шоқанның орыс тілін үйренуге, орыс тілінде жазылған әдебиетке деген құмарлығын аңгартады. Шоқанның мақалаларында кездесетін ғылыми терминдер, қанатты сөз тізбектері мен тіркестері оның орыс тілін жан-жақты, терең, тамаша білгендігін көрсетеді <...> Шоқанның тек орыс тілін ғана емес, сонымен қатар үйгыр, қыргыз, француз т. б. тілдерді білгендігін байқауға болады <...> Ғалым өзінің еңбектерінде неміс, әсіресе француз тілінде жазылған кітаптарды мол пайдаланған <...> Шоқанның латын тілінен де маглұматы болған. Ол «Жоңгария туралы очерктер» деген еңбегінде өсімдіктер мен жануарлардың орысша, қазақша аттарының түсініна олардың латынша аттарын жазып отырған <...> Шоқан кейде қытай тілінен де мысалдар келтіріп, бұл тіл жайында көптеген пікірлер айтқан. Оның архивінде қытайша-орысша шағын сөздік сақталған <...> Шоқанның архивінде ескі араб алфавитімен жазылған ондаган беттер кездеседі. Ол қазақ сөздерінің қайдан шыққандығын көрсету үшін араб, парсы тілдерінен мысалдар келтіріп отырады <...> Осы айтылғандардың негізінде Шоқан араб, парсы, қытай, монгол тілдерін білді, сол

1 Сүйіншалиев Х. Шоқан – публицист // Лениншіл жас. 1957. 31 желтоқсан: Маргулан Э. Шоқан Ұәлихановтың әдеби мұралары // Қазақ тілі мен әдебиеті. 1958. 6 тамыз: Сарыбаев Ш. Шоқан және тіл білімі мәселелері // Қазақ әдебиеті. 1958. 10 қантар: Кедрина З. Из живого источника. Очерки советской казахской литературы. М.: Советский писатель. 1960: Фетисов М. Зарождение казахской публицистики. Алма-Ата, 1961.

тілде сөйлемді деп кесіп айтудан аулақтыз. Бұл мәселені шешу үшін қосымша зерттеулер, деректер керек. Бірақ Шоқан-ның, қыргыз, үйгыр, француз тілдерін білгендігіне шек келтіруге болмайды. Шоқан ана тілін жогары бағалады. Оның тазалығы үшін күресті. Ол қазақ тілін татар, шагатай тілдерімен орынсыз шүбарлауга қарсы болды»¹.

О том, насколько глубоки были знания Валиханова в области восточных и европейских языков, Ш. Сарыбаев высказал и в статье, написанной в соавторстве с академиком А.Т. Кайдаровым². Здесь они указывают на то, что лингвистические мысли, наблюдения, высказывания Чокана Валиханова рассеяны в многочисленных статьях разнообразного содержания. «В них мы встречаем отдельные высказывания о различных языках, этимологические изыскания, tolкования многих слов, лексикографические материалы (краткие двуязычные глоссарии) и т. д. Чокан Валиханов в своих исследованиях употребляет такие лингвистические термины, как прилагательные, существительные, синонимы, числительные, единственное и множественное число, именительный, родительный падежи, спряжение и многие другие»³.

Литературный критик З.С. Кедрина в своей работе о лингвистическом наследии выдающегося казахского ученого отметила: «Чокан Валиханов писал по-русски. Стилистика русский язык Чокана Валиханова даже кажется ближе к нашему современному языку, чем язык российских писателей того времени; это язык образный, но свободный с нашей точки зрения от архаизмов. Чокана Валиханова можно считать отцом казахской публицистики. Его труды написаны образованным передовым казахом своего времени, человеком, психология которого обусловлена его принадлежностью к своему народу»⁴. Литературовед В.А. Мануйлов также заметил, что «свои работы Валиханов писал по-русски. Этим он ввел казахское народное творчество в круг изучения европейской науки...»⁵.

1 Сарыбаев Ш. Шокан және тіл білімі мәселелері // Казак әдебиеті. 1955. 10 қантар.

2 Кайдаров А.Т., Сарыбаев Ш.Ш. Обращение языковедов к работам Чокана Валиханова // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата. 1955. С. 229–237.

3 Там же. С. 229.

4 Кедрина З. Из живого источника... . С. 52.

5 Мануйлов В.А. Друг Ф.М. Достоевского Чокан Валиханов. С. 364.

По мнению академика Ш.К. Сатпаевой, «Ч.Ч. Валиханов – один из первых в восточном регионе ученых, чьи труды еще при жизни начали печататься на русском языке и вызвали значительный интерес у читающей публики, получили прекрасную оценку. Некоторые были переведены на английский и немецкий языки и опубликованы в западноевропейской периодической печати»¹.

Знаток казахской литературы, доктор филологических наук М.И. Фетисов писал, что «публицистическая деятельность его [Валиханова] до сих пор не подвергалась целостному исследованию (по данным на 1961 г. – Ж.Е.), о ней обычно упоминалось лишь в связи с научными работами Валиханова или с другим каким-нибудь поводом»².

Несомненно, публицистический дар Чокана во многом связан с его прекрасным знанием русской классической литературы. К этому выводу пришли многие исследователи его литературного творчества. В частности, Ш.К. Сатпаева, изучая влияние русской литературы на творчество Чокана Валиханова, пишет: «В трудах и письмах Ч.Ч. Валиханова – множество явлений и фактов из русской литературы XIX в. <...> С творчеством А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, идеями В.Г. Белинского Ч.Ч. Валиханов знакомился еще в Омском кадетском корпусе»³. Развивая свою мысль о Чокане как о замечательном публицисте, автор статьи далее отмечает: «О знании Ч.Ч. Валихановым творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского писали его современники. В записях Ч.Ч. Валиханова мы находим фрагменты из поэм А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и М.Ю. Лермонтова «Демон», на полях одной из работ ученого приведены строки их стихотворения Михаила Юрьевича «Ветка Палестины»⁴.

Вместе с тем, в казахстанской историографии труды ученых, посвященные языку и стилю произведений Чокана Валиханова, по мнению профессора О.А. Султаньяева,

1 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. Алма-Ата: Жазушы, 1987. С. 6.

2 Фетисов М.И. Зарождение казахской публицистики. С. 89.

3 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988. С. 264.

4 Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. С. 27.

по большей части не являются специальными, «т. е. они не дают конкретного анализа произведений ученого с точки зрения языка и стиля. В них общие наблюдения над слогом, общая характеристика его лингвистического интереса на примере отдельных фактов из его сочинений. Но в большинстве из них проводится четкая мысль о том, что настало время для изучения лингвистической концепции ученого, для анализа его произведений с точки [зрения] языкоznания, для выявления его речевых особенностей, для изучения его литературно-публицистического наследия и т. д.»¹.

Рассматривая стилевые особенности языка Чокана Валиханова в контексте приведенных авторских работ, посвященных его публицистике, можно особо отметить исследование доктора филологических наук, профессора О.А. Султаньяева «Публицистика Чокана Валиханова. О языке и художественно-стилевых особенностях публицистических произведений Ч. Валиханова», где подробно изучены лексика и фразеологизмы в произведениях выдающегося ученого. Исследуя язык и стиль трудов Ч.Ч. Валиханова, О.А. Султаньяев пишет: «Он был языковедом, причем двоякого плана: хорошо разбирался как в отдельных теоретических проблемах лингвистики, так и в совершенстве овладел практическим ее аспектом, о чем свидетельствуют живое, увлекающее повествование, яркая, выразительная речь, неповторимый своеобразный индивидуальный стиль, богатые и совершенные художественно-изобразительные средства»².

Профессор О.А. Султаньяев в своих научных работах и в успешно защищенной докторской диссертации «Русская и казахская лексика и фразеология в произведениях Чокана Валиханова» сумел изучить лингвистические особенности его произведений и представить Чокана как выдающегося ученого и публициста, чье научное наследие важно и актуально по настоящее время.

Взгляд Ч.Ч. Валиханова на обычное право казахов показывает, насколько хорошо он осведомлен о сложившихся в

1 Султаньяев О.А. Публицистика Чокана Валиханова. О языке и художественно-стилевых особенностях публицистических произведений Ч. Валиханова. Алма-Ата: Мектеп, 1986. С. 39–40.

2 Там же. С. 41.

степи правовых отношениях. Для написания статьи «Записки о судебной реформе», посвященной правовой реформе в Казахстане в 1860-х гг., Чокан серьезно и скрупулезно изучал казахское обычное право, нормы шариата, а также действующее русское законодательство. Впервые работа вышла в свет в Записках Русского географического общества в 1904 г. под редакцией профессора Н.И. Веселовского. В 1958 г. статья была напечатана в избранных произведениях Ч.Ч. Валиханова под редакцией академика А.Х. Маргулана – в первоначальной, авторской подаче, без учета редакции профессора Н.И. Веселовского, опубликовавшего другую версию¹. Мы опираемся на вариант А.Х. Маргулана (1958 г.), как авторского и наиболее полного.

Анализ содержания «Записки о судебной реформе» подтверждает, насколько вник Чокан в вопросы преобразования судебной системы в казахской степи. Имея собственное представление о судебных реформах в Казахстане, он, в частности, пишет: «Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области и, нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса, будет образовано в округах управление более народное и на началах самоуправления, которое принято теперь и для русских сельских и городских общин»².

Ч.Ч. Валиханов пытался предостеречь от поспешных преобразований в Казахской степи. Он справедливо полагал, что вопросы «о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное – «быть или не быть»³. Развивая свои мысли о судьбе казахского народа, Чокан писал: «Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем, принадлежит нам, киргизам [казахам]. Мы занимаем одну обширную сплошную террито-

1 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. С. 235.

2 Там же. С. 196.

3 Там же. С. 200.

рию, между тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения <...> мы превышаем миллион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды, полагается [насчитываются] едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более не менее, как торговля наша: на долю Бухары, Коканда и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не так дик и груб, как думает о нем русское общество»¹.

Составляя записку о судебной реформе для проекта положений об управлении казахскими степными областями, Ч.Ч. Валиханов выступал за сохранение суда биев, и считал нецелесообразным введение института мировых судов. Выражая желание большинства казахского населения, он писал: «Суд биев и съездов их, говорил народ, существует [существуют] у нас издавна и заключают в себе все начала мирового суда, предлагаемого русским правительством. Суд этот, продолжали собравшиеся киргизы, вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме»².

Чокан Валиханов настойчиво подчеркивал высокий авторитет суда биев среди казахского населения: «Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа, что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер»³. Приведем мнение доктора юридических наук, профессора С.Ф. Ударцева: «По мнению Валиханова, народная форма судопроизводства – суд биев и спонтанная народная форма права – обычное право являются формами правовой реальности, которые нельзя недооценивать и тем более механически разрушать»⁴.

В пользу этого мнения рассуждает и американский историк В. Мартин, которая в своей статье пишет: «Как в

1 Там же. С. 200–201.

2 Там же. С. 205.

3 Там же. С. 211.

4 Валиханов Ч. Записка о судебной реформе / Вст. ст. и примеч. д-ра юрид. наук, проф. С.Ф. Ударцева. Атматы: ВШП «Эділет». 1999. С. 23.

гражданских, так и в уголовных делах, доказывал Чокан Валиханов, казахский этнограф и чиновник, состоявший на императорской службе, число обращений в русские суды было незначительным, а в функционировании обычного права в первые сорок лет после того, как оно перешло под русский контроль, наблюдались лишь несущественные перемены¹.

Российский ученый Р.Ю. Почекаев в своей статье пишет, что Чокан Валиханов критически отнесся к введенному в 1854 г. «Утвержденному положению Сибирского комитета о распространении на казахов Сибирского ведомства общих законов Российской империи», «согласно которому бии должны были разбирать дела на основании Свода гражданских законов Российской империи и постановлений об управлении Сибирской губернии»².

Кроме того, Ч.Ч. Валиханов считал, что сложившаяся система управления на местном уровне не отвечала потребностям казахского народа, и обвинял пограничную администрацию в том, что она не позволяла казахам использовать право выбора местных властей, предоставленное ему реформой 1822 г.

Уделяя особое внимание изучению уголовного и семейного права, Валиханов считал полезным изменить, в частности, обычаи, связанные с неравноправием женщин в семейно-брачных отношениях. Он полагал необходимым требовать от местной администрации в лице старших султанов и управителей «иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не приуждали своих сыновей и дочерей вступать в брак без личного их согласия и проч.»³.

По поводу введения института присяжных заседателей в суде Ч.Ч. Валиханов писал: «Еще вопрос – о выборе присяжных. Признаться, мы не ручаемся за беспристрастный выбор этих лиц и большие влияния знатных ордынцев и родовых

1 Мартин В. Обычай в глазах кочевников. преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство. 2005. С. 365.

2 Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // Страны и народы Востока. XXXIV. 2013. С. 337.

3 Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Ч.Ч. Валиханов. Избранные произведения. С. 192–193.

симпатий и антипатий. Чтобы избежнуть этого неудобства, нам кажется, что можно бы выбор присяжных производить при суде, взяв список всех бывших, решавших в предыдущем году какие-либо дела и избрав из них по жребию присяжных. Содержание присяжных во время сессии суда, конечно, ничего не будет стоить, если принять в расчет ту экономию, которую приобретает казна, не учреждая для степи особого окружного суда»¹.

В «Записках о судебной реформе» Ч.Ч. Валиханов подробно рассмотрел институт барымты, который приобрел особое значение в период подготовки судебных реформ. Он определял барымту как традиционную древнюю форму института обычного права у кочевых народов. В условиях проведения судебных реформ в казахской степи барымту, наряду с изменой, убийством, разбоем, поджогом и другими тяжкими деяниями, русская администрация отнесла в состав тяжких уголовных преступлений, с чем категорически был не согласен Ч.Ч. Валиханов: «...относительно баранты [барымты] следовало бы сделать некоторое смягчение и уступки. В наших судах слово баранта имеет какое-то (нечастное самому акту роковое), страшное значение и считается самым важным преступлением после измены и убийства. Мы стараемся объяснить баранту, как понимают его сами киргизы. У киргиз [она] допускалась иногда и законом. За воровство, грабеж, угон полагается аип, а за баранту – ничего. Барантой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг – калым или кун. Баранта производилась явно, т. е. днем, и с насилием в случае нужды, или же тайно, воровски. Понятно, что при явной баранте барантчи встречали готовый отпор, случались драки, убийства. Но все это может случиться и при угоне, который, однако же, не считается уголовным преступлением. В наше время баранта производится за долг, за неуплаченный калым и большей частью тайно, воровски»².

1 Там же. С. 226.

2 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Чокан Валиханов. Избранные произведения. С. 222–223.

Здесь считаем уместным привести мнение выше приведенной зарубежной исследовательницы В. Мартин о статье Чокана: «Чокан Валиханов, писавший о культурных предрассудках, проявляющихся в русском восприятии барымты, заключал: «Криминал заключается не в факте, а в зловещем звуке этого слова». Например, один источник описывал барымту, сопровождавшуюся убийством, успешно создавая образ более жестокого преступления»¹.

Таким образом, определяя с одной стороны барымту как легальную, осуществляющую за неуплаченный калым, и регламентируемую нормами обычного права, не являющуюся преступлением по казахскому обычаю, Ч.Ч. Валиханов описывал и противоправную, «воровскую» барымту с целью наживы, квалифицируемую им как серьезное уголовное преступление. Отсюда он предлагал передать дела о барымте в юрисдикцию суда биев, что, конечно, противоречило российскому законодательству и шло вразрез с общей колониальной политикой царизма в Казахстане. Но, невзирая на такое отношение к барымте со стороны русской администрации, этот институт продолжал существовать в казахской степи.

В работах Ч.Ч. Валиханова отмечаем также ряд высказанных им положений об экономических проблемах кочевого общества. Так, в работе «О кочевках киргиз», где речь идет о главной отрасли хозяйства казахов – скотоводстве, Ч.Ч. Валиханов пишет: «Киргизы Семипалатинской области исключительно живут скотоводством. В северной полосе преобладает табуноводство, в южной – овцеводство, соединенное с разведением верблюдов»². Далее он отмечает, что ведение кочевого хозяйства требует определенных условий и навыков со стороны казахов, так как «промышел этот, предоставленный попечению самой природы, зависит всего более от состояния погоды, от качества почвы»³. Исходя из этого, требовалось наличие обширных территорий для перекоче-

1 Мартин В. Обычай в глазах кочевников, преступление в глазах империи // Российская империя в зарубежной историографии. М.: Новое издательство. 2005. С. 372.

2 Валиханов Ч.Ч. О кочевках киргиз // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. 321.

3 Там же.

вок. «Киргизы Меньшей орды лето кочевали под Оренбургом и в горах Мугоджара, а зиму проводили на Сыре и в песках Бурсук и Каракум. Киргизы Средней орды в одно лето из-под Семипалатинска шли к Троицку и обратно. При таком образе жизни понятно, что голодные зимы не имели такого рокового характера, как теперь. По сему обширный район кочевок должно считать самым важным и главным условием для скотоводства»¹.

Однако русская администрация в середине XIX в. активно вела строительство военных укреплений и казачьих поселений на лучших пастьбищных участках казахов, что вызывало протест у местного населения. Ч.Ч. Валиханов требовал от властей возвращения незаконно изъятых территорий у казахов, а также справедливого перераспределения земель с учетом интересов как степняков, так и казаков.

Полученное хорошее образование в Сибирском кадетском корпусе, аналитический склад мышления и наблюдательность позволили Ч.Ч. Валиханову дать подробный анализ экономическому положению в тех регионах, где ему пришлось побывать. Экономические взгляды Чокана Валиханова складывались на основе наблюдений за жизнью казахов, кыргызов и кашгарцев, которые вели кочевое хозяйство, знали земледелие, торговлю, ремесла и прочие промыслы.

Путешествие в Кашгирию оставило у Валиханова массу впечатлений, описание которых было актуальным для военных и штатских чиновников Российской империи, обративших взоры на Восточный Туркестан. Сведения о развитии промышленности и торговли в этом районе Западного Китая с экономической точки зрения представляли большой интерес. Экономическое положение Восточного Туркестана Ч.Ч. Валиханов описывал подробно, со знанием дела: «Промышленность в Восточном Туркестане менее развита, чем в соседних среднеазиатских владениях. Непомерные налоги останавливают успехи промышленности и торговли. Вследствие частых войн поля очень часто остаются невозделанными. Виды сельского хозяйства в Восточном Туркестане суть: хлебопашество, возделывание хлопчатой бумаги,

¹ Там же. С. 323.

конопли, конджута, искусственное луговодство, шелководство (только в Хотане), разведение табака, огородничество, садоводство и скотоводство. Хлебопашество и разведение хлопчатой бумаги составляют главный предмет народного богатства...»¹.

В путевых записках, очерках и отчетах Ч.Ч. Валиханова можно встретить разнообразные сведения о развитии торговли России с Китаем и Центральной Азией. О роли торговли с Китаем он сообщал: «Торговля с Западным Китаем началась у нас с давних времен. Купцы троицкие и семипалатинские и торгующие азиаты выменяли здесь на нанку чай и продавали на Нижегородской ярмарке»².

Можно с уверенностью сказать, что информация Чокана о состоянии торговли между Россией и Китаем способствовала подписанию в Пекине 2/14 ноября 1860 г. «Дополнительного договора между Россией и Китаем». В частности, в 6 статье этого договора указано: «В виде опыта открывается торговля в Кашгаре, на тех же самых основаниях, как в Или и Тарбагатае. В Кашгаре китайское правительство отводит в достаточном количестве землю для постройки фактории, со всеми нужными при ней зданиями для жилища и склада товаров, церкви и т. п.», а в 8 статье оговорено, что «русские купцы в Китае, а китайские в России состоят под особым покровительством обоих правительств. Для наблюдения за купцами и предотвращения могущих возникнуть между ними и местными жителями недоразумений, русское правительство, на основании правил, принятых для Или и Тарбагатая, может назначить теперь же своих консулов в Кашгар и Ургу. Китайское правительство, равным образом <...> [может] назначать своих консулов в столицах и других городах российской империи»³.

В его отчете о Восточном Туркестане важное место было отведено городу Кашгар, где была сосредоточена основная торговля Китая со Средней Азией: «Город Кашгар принадле-

1 Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. 455.

2 Валиханов Ч.Ч. О торговле в Кульдже и Чугучаке // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. в пяти томах. Т. II. Алма-Ата, 1962. С. 147.

3 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 77–78.

жит с древнейших времен по своей обширной торговле к числу первоклассных рынков Средней Азии. Он был главным пунктом, через который Восток получал произведения Китая. Торговый путь из Ферганской долины через Теректы в Кашгар был известен еще Птолемею. В настоящее время вся Средняя Азия получает через Кашгар чай, употребление которого в этих странах сделалось также общим, как и у нас, поэтому все торговое значение Кашгара и прочих шести городов Восточного Туркестана было основано и основывается теперь на произведениях Китая и в особенности на вывозе чая¹.

Чай, как один из главных потребительских товаров, был в центре внимания Ч.Ч. Валиханова. В его сообщении упоминается пять сортов чая: зеленый, цабет-чай в тростниковых цибиках, фу-чай в четырехугольных плитках, оклеенных наглухо бумажным картоном, цянь-лян-чай, известный под именем атбаш (конской головы), и джайнек-чай в цилиндрических цибиках².

Казахстанский экономист М.К. Илюсизов заметил, что «экономические суждения Ч. Валиханова в основном были направлены на такие проблемы развития казахского общества и других народов Средней Азии, как скотоводство и роль кочевий; значение земледелия в жизни кочевых народов; промышленность и торговля, налоговая политика государств; народонаселение и другие вопросы»³.

Описывая Чокана Валиханова как ученого, нельзя забывать его художественных дарований. Один из главных его биографов – академик А.Х. Маргулан еще в 1950 г. отметил: «Им оставлено огромное... наследие, в том числе многочисленные зарисовки, эскизы и наброски, изучение которых имеет первостепенное значение для истории искусства...»⁴.

Интерес к изобразительному искусству, по всей вероятности, проявился у него в детстве, когда в аул Валихановых приезжали русские топографы и художники, которые способствовали развитию интереса казахского мальчика к ис-

1 Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. СПб., 1904. С. 462.

2 Там же. С. 463–464.

3 Илюсизов М.К. Экономические воззрения Чокана Валиханова. М.: Соцэкиз. 1960. С. 8.

4 Маргулан А.Х. Валиханов как художник // Вестник АН КазССР. 1950. № 8. С. 86.

кусству. В 1847 г. Чокан, оказавшись в городе Омске, произвел на Григория Потанина впечатление, которое тот отразил в воспоминаниях о нем: «Чокан ни слова не знал по-русски и уже тогда любил рисовать карандашом. Дабшинский показывал картинку, нарисованную Чоканом уже в Омске; русский город поразил мальчика и он изобразил карандашом один из городских видов»¹.

Развитию художественной одаренности Чокана способствовали его учителя по кадетскому корпусу. Все биографы Чокана Валиханова отмечают влияние на него учителя рисования Померанцева, в квартире которого он часто бывал. Так, Г.Н. Потанин вспоминал: «Квартира его [Померанцева] была настоящая мастерская художника; да и сам хозяин был художественная, симпатичная натура»². Несомненно, учитель рисования Померанцев оказал на юного Чокана самое благотворное влияние. «Один из преподавателей корпуса Померанцев, человек с большой склонностью к искусству, тепло и радушно принимает Чокана к себе [у себя], как своего родного брата, оказывает ему уважение и товарищескую поддержку до окончания им кадетского корпуса. Они вечерами сидят с мольбертами, вместе пишут картины из жизни казахов, часто делают экскурсии по городу и поездки в степь»³.

Рисовал Ч.Ч. Валиханов карандашом, пером, акварелью, маслом и пастелью. По признанию А.Х. Маргулана, «для учебного Валиханова изобразительное искусство имело лишь побочное значение и не составляло его основного занятия. Но он часто обращался к нему в необходимых случаях. Изобразительное средство для него служило важным орудием, особенно во время его частых поездок и путешествий по Казахстану и Средней Азии»⁴.

Завершая тему, посвященную исследовательской деятельности выдающегося казахского путешественника и ученого, отметим, что о творчестве Чокана Валиханова написано немало. В предисловии к изданию 1904 г. профессор Веселовский написал: «Как блестящий метеор промелькнул

1 Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. VI.

2 Там же. С. XIII.

3 Маргулан А.Х. Валиханов как художник. С. 87.

4 Там же.

над нивой Востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские-ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов, но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд. Он умер от чахотки, не достигнув и 30-летнего возраста»¹. Это лучшее признание заслуг и памяти нашего соотечественника.

---

¹ Веселовский Н.И. Предисловие // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXIX. Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова. С. I.

Заключение

Короткая жизнь Чокана Валиханова оставила многие «белые пятна» в его биографии, которые стали объектом дискуссионных споров в книгах, статьях, газетах и журналах. До сих пор его биографы спорят о дате и месте рождения, возможной поездке в Париж, размолвке с полковником Черняевым и его отъезде в аул султана Тезека, причинах скоропостижной смерти. Некоторые стороны жизни Ч.Ч. Валиханова обрели ореол загадки и превратились в мифы.

Так, по поводу даты и места рождения Чокана Валиханова есть разные мнения. П.П. Семенов-Тян-Шанский, Г.Н. Потанин, Х. Айдарова и некоторые другие исследователи считают годом рождения Чокана 1837 год, что не совпадает с официально признанным 1835 годом¹. В настоящее время мы не имеем подтверждений о том, что Чокан Валиханов родился в 1837 г., а не в 1835 г., как это зафиксировано в официальных его документах. В 1965 г. историк М.С. Турсынова, занимавшаяся исследованием биографии Чокана, писала, что «Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР найдена собственноручная отметка Чокана Валиханова, сделанная мелким почерком наверху первой страницы своего формулярного списка. Он отметил: «В ноябре 1853 года мне было 18 лет»². Отсюда следует считать 1835 год датой рождения Чокана.

И по поводу места рождения Чокана Валиханова до сих пор не утихают споры среди краеведов и любителей истории. В основном они возникают на страницах областных и республиканских газет в связи с юбилейными датами Чокана Валиханова (160- и 170-летиями со дня его рождения). Костанайские авторы Б. Ильясов, А. Петель и В. Середенко утверждают, что Чокан родился в Күшмұруне (Құсмұрын – клюв птицы), и нигде более³. Член Союза писателей Казах-

¹ Отчет Императорского Русского географического общества за 1865 год. СПб., 1866. С. 9; Потанин Г.Н. Биографические сведения о Чокане Валиханове. С. V; Айдарова Х. Чокан Валиханов. С. 22–23; Доскараев Ж. Указ. соч. С. 75.

² Турсынова М. Новое в биографии Ч.Ч. Валиханова // Простор. 1965. № 2. С. 105.

³ Все врут календари? Чокан Валиханов родился в Күшмұруне. И нигде более // Костанайские новости. 1995. 7 ноября.

стана А. Шаяхмет местом рождения Ч.Ч. Валиханова считает не Күшмұрун, а местность Күнтимес, находящийся рядом – в Сарыкольском районе Костанайской области. Профессор К. Абуев из Кокшетау убеждает нас в том, что Чокан Валиханов родился в Сырымбете¹.

Где он родился – в Күшмұруне или в Күнтимесе, то есть близ Күшмұруна, или в Сырымбете – родовом имении Валихановых – также неизвестно. В дореволюционное время у казахов не было метрических свидетельств о рождении, и у многих людей, в том числе известных, даты и места рождения носят условный характер. Они зависели от времени года и географического расположения данной местности.

Остается спорным сюжет о поездке Чокана в Париж. До сих пор одни авторы признают факт поездки Валиханова в Париж, другие сомневаются в этом. Приверженцы поездки Чокана во Францию ссылаются на его письмо родителям от 4 ноября 1860 г., в котором он писал: «Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж, для чего занял деньги у одного человека...»², а также на воспоминания друга Ф.М. Достоевского – барона А.Е. Врангеля, согласно которому он «встречал его в Петербурге и Париже»³. Полковник запаса КГБ-КНБ Б.К. Кыстаубаев в своей книге утверждает: «В результате анализа и критической оценки всех материалов о деятельности российских спецслужб в тот период и личности самого Чокана, мною установлено, что он действительно находился в краткосрочной заграничной командировке с разведывательным заданием в составе российской делегации во Франции»⁴.

С другой стороны, академик А.Х. Маргулан в своем очерке о Чокане Валиханове даже не упоминает об этом. Публицист И.И. Стрелкова осторожно замечает, что «до сих пор исследователи надеются найти документы, свидетельствующие о его поездке»⁵.

1 Абуев К. Неизведанный мир Чокана // Казахстанская правда. 2005. З декабря: Он же. Абылай Хан. Современники и наследники. Кокшетау: РПО КГУ им. Ш. Уалиханова, 2013. С. 259–291.

2 Валиханов Ч.Ч. Третье письмо родителям. С. 53.

3 Врангель А.Е. Указ. соч. С. 95.

4 Кыстаубаев Б.К. Указ. соч. С. 257.

5 Стрелкова И.И. Указ. соч. С. 212.

До 1965 года была неизвестна и точная дата смерти Чокана Валиханова. Однако научным сотрудникам Института истории, археологии и этнографии КазССР удалось найти архивные документы, свидетельствующие, по мнению М.С. Турсуновой, что «жалованье и квартирные, причитающиеся по Военному министерству за время с 1 сентября 1862 года по 1 января 1864 года, а также жалованье по должности переводчика из Азиатского департамента были переведены 17 марта 1865 года в штаб войск Западной Сибири для вручения по назначению... <...> 9 июня 1865 года был получен и аттестат, подтвердивший расчет, что в штабе войск Западной Сибири возник вопрос, кто же будет платить жалованье Ч. Валиханову за время с 1 января 1864 по 26 января 1865 года. Поскольку по существовавшему тогда законоположению штаб войск Западной Сибири не имел права платить жалованье за прошедшее время, то он [штаб] 3 июля 1865 года обратился в Азиатский департамент с письмом, в котором было написано: «...за время же с первого января 1864 года до назначения в распоряжение командующего войсками до 26 января с.г. содержанием он должен быть удовлетворен через Азиатский департамент или Главное управление генерального штаба. Посему, возвращая его аттестат за № 2476, прошу распоряжения Департамента об истребовании штабс-ротмистру Валиханову содержания, откуда будет следовать с 1-го января 1864 года по 26 января с.г. (1865 г.), и доставить таковое в штаб с аттестатом об удовлетворении содержанием на предмет истребования по оному такового при штабе (с 26 января по 10 апреля, т.е. по день смерти Валиханова), следующего на уплату его частных долгов, а остальное для выдачи наследникам»¹.

На основании приведенного документа М.С. Турсунова заключает: «Мы думаем, что правильность этой даты (10 апреля) не вызывает сомнения, так как, с одной стороны, в это время между штабом войск Западной Сибири и Ч. Валихановым, находившимся в ауле Тезека, кочевавшего в районе хребта Алтын-Эмель, существовала постоянная связь, что подтверждается датами известных нам последних писем Ч.

1 Турсунова М. Новое в биографии Ч.Ч. Валиханова. С. 105.

Валиханова (20 ноября, 14 декабря, 27 декабря 1864 года и 14 января, 20 января 1865 года)... к Колпаковскому; с другой – эта дата дается в связи с выплатой последнего жалованья Ч. Валиханову»¹.

Обстоятельства смерти Чокана Валиханова также являются предметом спора. По настоящее время появляются разные конспирологические версии смерти Чокана. Так, полковник Б.К. Кыстаубаев считает, что «обстоятельства смерти Чокана Валиханова все еще остаются “белым пятном” и являются принципиально важным для отечественных исследователей в плане установления истины»².

«Много лет нам рассказывали о нем исключительно как о просветителе, историке и этнографе. Но до последнего времени никто не акцентировал свое внимание на том, что “путешествие” в 1859 году в Кашгар султана Чокана Валиханова с легендой мусульманского купца Алимбая Абдиллаева, кокандского подданного и сына маргеланского (ферганского) выходца, являлось не чем иным, как нелегальной заброской на территорию иностранного государства профессионального военного разведчика – азиата, который успешно собрал ценнейшие военно-политические и социально-коммерческие сведения и благополучно вернулся обратно», – пишет Б.К. Кыстаубаев³.

Мы поддерживаем мнение о том, что Ч.Ч. Валиханов был именно блестящим военным разведчиком. Его поездка в Восточный Туркестан была санкционирована и осуществлена как со стороны военного ведомства, так и Министерства иностранных дел России. И, как считает профессор К.Ш. Хафизова, «естественно, что ученые пишут свои работы исходя из интересов своего народа и своей страны, как они это понимают»⁴.

---

1 Там же.

2 Кыстаубаев Б.К. Указ. соч. С. 383.

3 Там же. С. 239-240.

4 Хафизова К.Ш. Чокан Валиханов в китайской историографии. С. 50.

Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
АН КазССР	Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики
АНАН РК	Архив «Ғылыми ордасы» Национальной академии наук Республики Казахстан
ААН СССР	Архив Академии наук Союза Советских Социалистических Республик
АН СССР	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
Архив НАН РК	Архив Национальной академии наук Республики Казахстан
ЗСОИРГО	Западно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества
ИАОО	Исторический архив Омской области
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
КГБ	Комитет государственной безопасности
КНБ	Комитет национальной безопасности
Л/д	Личное дело

МИД	Министерство иностранных дел
РАН	Российская академия наук
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГО	Русское географическое общество
РО ИРЛИ	Рукописный отдел Института русской литературы
СПб	Санкт-Петербург
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦГА РУз	Центральный государственный архив Республики Узбекистан
ЦК КП (б) Казахстана	Центральный Комитет Коммунистической партии (большевиков) Казахстана.
ЦНБ НАН РК	Центральная научная библиотека Национальной академии наук Республики Казахстан

Указатели

Имена собственные

А

- Адбан (албан) – название казахского рода 138, 179
Абдиллаев Алимбай 229
Абдильдин Ж. 28
Абдильдина Р. 28
Абишев Мухамедъяр 187
Аблай 13
Аблай хан 187, 196
Абдумумунов Жунус – султан 187
Абсеметов М.О. 10
Абуев К. 227
Абул-Макаджан 57
Абусеитова М.Х. 10
Агисов Ю. 138
Аделаида Федоровна 14
Адилев Иралы 186
Адильгереев Х. 20, 25
Айганым 7, 35, 38, 40, 52-54, 61-69, 184
Айдарова Х.Г. 9, 19, 20, 24-26, 90, 139, 144, 182, 226
Айсара 56, 181
Айханым 39, 40, 52, 64, 65
Азимов Хуан Али Мир 139
Акан серэ 59, 62
Акпамбетова Т.М. 26
Александр I 39, 53
Александр II 110, 118, 137, 138, 141, 142, 172
Алдажуманов К.С. 10
Алимбаев Н.А. 28
Алимбай 113
Алимбай Н.А. 28
Алтынсарин И. 149, 153
Альжанов Коке 62
Альжанов Коке 171

Анваров А. 28, 29
Анна Григорьевна 162
Анненков И.А. 80, 168
Аргынбаев Х.А. 28
Аристов Н.А. 196
Арыстанбай 209
Асимов М.С. 211
Аскер-хан 150
Асфендияров С.Д. 17, 18
Асфандиярова М. 58, 59
Атишев А.А. 9, 25, 27, 30
Аупаев Букаш 113, 119
Ауэзов М.О. 159, 163
Ауэзова Л.М. 21
Ахан серә 59, 62
Ахун 51, 126
Ачисов Юсуф 138
Ашимов А. – режиссер 194
Ашимов С. – актер 194

Б

Бабаджанов М.С. 34
Бабков И.Ф. 139
Бабыгуль-Джамал 55
Баев Абду Керим Шариф 138
Бай-Китятов Кашгар 139
Байров Кабил 139
Байтеким Илчара 64
Байтурсынов А. (Байтұрсынұлы) 9, 17
Банзаров Д. 149
Бардашев 101
Барковский 74
Батагов 41
Батый 207
Баян-Сулу 47
Бегалин М. 193
Бегалин С.И. 9, 28
Беданин 188, 189

Бедиль 211
Безобразов В.П. 17, 101
Бейсембиев К. 9, 25-27
Бейсенбайұлы Ж. 26, 28, 29
Бейсенова А.С. 28, 108, 198-200
Бекетов А.Н. 78, 146-148, 153, 159, 173, 179
Бекмагамбетова М.А. 204, 205
Бекмаханов Е. 25, 28
Белинский В.Г. 76, 81, 214
Белыгул-Жамал 59
Бердибаев Р.Б. 210
Бердібек 207
Березин И.Н. 6, 75, 76, 146, 147, 151, 202, 203, 207
Бекейхан Ә.Н. 17
Биби Фатима – дочь Жакупа 56
Биржан сал 62
Бичурин Н.Я. (о. Иакинф) 204
Блудов 139
Богданович 102
Болат Газы (Булат) 183
Болгамыш Д. 34
Бокей хан 38
Брагин А. 158
Броневский С.Б. 40
Букаш (Аупаев) 113, 119
Булатов С.Я. 25
Буллу 93
Бурумбай (Бурамбай) 88, 114-117, 119
Бухар жырау 210
Бэкон Э. 33
Бэр К. Эрнст фон 150
Быков П.В. 184

B

Вали (Уали) – дед Чокана 37-40, 53, 184
Валиев 42-44, 49, 50, 52, 53, 65
Валиханов Гази-Булат 183
Валиханов Джакуп Чингисович 56

Валиханов Мухаммед-Ханафия 5, 70, 154
Валиханов Чингис 15, 37, 40-45, 47-52, 54-57, 59-63, 67-69, 72-74, 78, 107, 151, 169, 174, 184, 209
Валиханов Чингис Валиевич 15, 40, 42, 44, 45, 47, 48, 55, 68, 72-74, 151, 169, 174, 184
Валиханов Чокан Чингисович 5, 6, 13, 15, 16, 31, 37, 70, 83, 146, 190, 193, 196, 201, 225
Валиханов Шота-Аман Идрисович 31, 32, 58
Валиханов Эдиге Жансултанович 31
Валихан-тюре 104, 109
Валиханова Г.Ш. 26
Васильев В.П. 146, 147, 152
Вашенко М. 191, 192
Вельяминов-Зернов В.В. 146, 149
Венюков М.И. 17, 150, 195, 196
Веревкин 178
Веселовский Н.И. 9, 14, 15, 17, 79, 224
Вибе П.П. 44, 77
Вишневский 65
Влангали А.Е. 88, 110

Г

Габдулмажитов И. 23
Гази 183-185
Газиза – дочь Жакупа 56
Галдан Цэрэн 203
Гасфорт Г.Х. 7, 50, 86, 87, 94, 100, 103, 105-107, 109-111, 113, 114, 116-119, 133-136, 137, 138, 141, 184
Гейбович А.И. 155
Гейнс А.К. 17, 46, 47, 61, 96, 110, 187, 195
Геродот 210
Георг фон Людвиг 196
Гоголь Н.В. 76, 214
Голицын 52
Голубев А.Ф. 88, 150, 168
Гомбоев Г. 146, 152
Гомер 210
Гонопольский И. 194

Гонсовский Г.В. 75-77
Горчаков А.М. 110, 116, 117, 121, 133, 140, 141, 142, 145
Гривцов 151
Григорьев В.В. 146, 148, 149
Громыко М.М. 80
Грум-Гржимайло 102
Губайдулла – сын хана Вали 37, 184, 203
Гумбольдт А. 100
Гутковский К.К. 72, 73, 75, 77-79, 86, 87, 100, 104, 109, 111-113, 116, 119, 135-137, 173, 174, 176, 177, 185, 195

Δ

Дабшинский 65, 66, 72, 74, 224
Данель Алькеевна (Маргулан) 27
Демчинский 101
Джаикпаев Ибрагим 67
Джами 203, 211
Джангир 98
Джанкулов Я. 112
Джантюрин А.М. 175
Джексенбе 138
Дмитрий Иванович (Менделеев) 78
Добролюбов 159
Долгоруков 83
Доскараев Д. 55, 61, 173
Достоевский М.М. 165
Достоевский Ф.М. 10, 30, 34, 58, 80, 81, 150, 154-164, 173, 174, 179, 227
Достоевская А.Г. 162
Достоевская М.Д. 161
Дружинин Н. 19
Дробышев Ю.И. 25, 26
Дулатов М. 9
Дулатова Д.И. 26
Дулатулы 17
Дуров С.Ф. 60, 79-83, 150, 154
Духин Я.К. 167
Дюгамель А.О. 171, 173, 174, 184
Дюков Л.В. 25

Е

- Егоров В.Л. 29
Едиге 93, 209
Екатерина II 106
Екатерина Ивановна Капустина 78, 79, 154
Ермекбаев Ж.А. 62
Ермекбай Ж. 5
Ермоленко Г.В. 23
Ерофеева И.В. 10, 28
Есмагамбетов К.Л. 10, 32
Ерден 174
Ермолаев 53, 54
Ефремов Ф. 105

Ж

- Жакуп 45, 175
Жақып 55
Жан-Мухаммед 55
Жантурин Н. 194
Жапбасбаев М.Ж. 108, 200
Ждан-Пушкин 75
Жиренчин А.М. 18
Жуанъжуань 104
Жумагул 209

З

- Забелин И.М. 28
Захаров И.И. 99, 106, 146, 195
Зафар-намә Шериф-эддин 204
Зейнеп 41, 55, 59, 70, 172
Зенков П.М. 189
Зеньковский С.А. 33
Зиманов С.З. 9, 25, 27, 30
Зиновьев В.П. 5, 10
Знаменский М.С. 46
Зубайра – дочь Жакупа Валиханова 56

И

Ибрагимов И.И. (Шахимардан Мирясович) 15, 19, 47, 171, 172, 189
Ибраев Б.А. 193
Иванов К.И. 80
Иванова О.И. 80
Ивановы 80, 81, 154
Ивашкевич 174
Ивлев Н.П. 9, 28, 101, 182, 189, 190
Игнатьев Н.П. 145, 171
Илиада 93
Илюсизов М.К. 28, 223
Ильминский Н.И. 206
Ильясов Б. 226
Имар Г. 34
Иралин Абиш 187
Иралин Касым 187
Ир Назар 138
Искаков А. 26
Исмагулов О.И. 28
Истемиров И. 41
Исхак 98
Исхаков Г.М. 25
Итемгенов Сары Хаджи 138
Ишембетов И.Р. 26

К

Кабдиев Д. 28
Кабилов Майка 139
Кадыргали Хошум Жалаир 203
Кадыров Ш. 92
Казем-бек 146, 147
Кайдаров А.Т. 213
Калачев 190
Каменские – братья 188, 189
Кангожин К. 62, 172
Капустин С.Я. 15, 77-79, 155

Капустин Я.С. 15, 77-79, 155
Капустина Е.И. 78, 79, 154
Капцевич П.М. 53, 66
Кара-батыр 210
Кара-Кули 138
Каратаев М. 158
Кармышева Д.Х. 21, 23
Карьке 173
Касимов Кутлубай 138
Касымов Кенесары 42, 62, 74
Касымов М. 23
Касымов С. 177
Катаанаев Г.Е. 58, 59
Каченов 67
Качкынбай 64
Кедрина З.С. 25, 212, 213
Кеменгерұлы Қ. 17
Кендже Сары Хаджим 138
Кенесары хан 37, 178, 184
Клапрот М.Ж. 199
Ковалевский Е.П. 110, 139, 140, 142, 161, 164, 165
Ковальская С.И. 10
Кожахмет, султан 186
Кожахметов Жанбинхан 187
Койгельдин Ходжа 138
Козлов 102
Козы-Корпеш 47, 76
Коқуш 56, 60
Колесников А.А. 25, 26, 105, 133
Колпаковский Г.А. 14, 15, 68, 178, 181, 182, 188-191, 229
Комаров 102
Косанов Д. 20
Костомаров 151
Костылецкий Н.Ф. 72, 75, 76, 202, 203
Котов А.П. 193
Коченов Т. 65
Кошаров П.М. 102
К.П. фон Кауфман 187-191

Крестовский Вс. 159, 160, 164-166, 168
Крючков Е. 189
Кузнецов В.П. 188, 189
Кулбаев Бир Мулла 139
Кульджанов Мухаммед Джан 138
Кукотай хан 7, 94
Куник А.А. 150
Кури 178
Курочкин В.С. 164, 165
Курочкин Н.С. 164-166
Курылев В.П. 209
Кэмпбелл Я. 34
Кыстаубаев Б.К. 181, 186, 227, 229

Λ

Ладыженский М.В. 48, 64
Ламанский Е.И. 102, 103
Ланский С. 50
Ластовский Л. 190
Левшин 93, 206
Лермонтов М.Ю. 71, 214
Лерх П.И. 149
Ливен 145
Любимов 145
Лычагин А. 61

Μ

Магфур Мирза 138
Маев Н. 17, 187
Мажитова Ж.С. 10
Майков А.Н. 159, 164-166, 171, 175
Майков Л.Н. 164
Маккензи К. 33
Макин 55
Макшеев 150
Макы 55-58, 169, 171
Мақы 55
Макыжан 31, 58

- Малайсары 203
Малтабаров 176
Малышева М. 41, 46-49
Маманов Б. 193
Ману – жена Жакупа Валиханова 56
Мануйлов В.А. 25, 160, 161, 164, 168, 213
Маргулан А.Х. 9, 10, 13, 20, 21, 23-25, 27-29, 31, 39, 44, 47, 51, 52, 55, 70, 75-77, 90, 91, 94, 98, 99, 108, 110, 111, 122, 125, 127, 139, 143, 144, 151, 162, 168, 171-173, 182-186, 202, 203, 212, 216, 223, 224, 227
Мария Дмитриевна 161
Мария Федоровна 169
Марков С.И. 9, 28
Мартин В. 35, 217, 218, 220
Масанов Н.Э. 28
Масанов Э.А. 28, 73, 74, 76, 103, 211
Матаев Д. 138
Матвеева Т.П. 103, 200
Махиджан 55
Махмед – сын Жакупа 56
Махмет 55
Махмуд 55, 56, 58, 59
Махмудов М. 71
Мейенфорд 107
Мелиоранский П.М. 209
Менделеев Д.И. 78-80, 146, 153, 154, 159
Миловидов Н.Н. 192
Милютин 145
Миклухо-Маклай 102
Мин Сюй 181, 183
Митчелл Д. и Р. 32
Михаил Михайлович 164
Михайлов М.Л. 166, 167
Михеев А.П. 44, 77
Моисеев В.А. 29, 87, 92, 201
Момодаир 186
Муканов С.М. 9, 28, 29
Мурзаев Э.М. 196-198

Муса 45, 48, 59, 67
Мусабай 23, 113-115
Муса-бай (Мусса-бей) 120, 137
Мусина М. 10, 25, 26, 30, 139, 142, 144, 149-152, 161, 165
Муктарулы С. 28
Муртазин Аббас 187
Мухаммад Хайдар дөглөт 204
Мухаммад Хайдар Курекан 203
Мухаммед Ханафия 4, 70, 154
Мушкетов 102
Мұхтарұлы С. 28

Н

Назарбаев Н.А. 6, 84
Насреддин 124
Негри 107
Нессельроде К.В. 40
Нестерев 174
Нифантьев 195
Ногаев Ф. 107, 116
Нор Магомет 130
Нурида 55, 58-60
Нурмагамбет-датха 124
Нурмухамед 55

О

Обручев В.А. 83, 101
Оллворс Э. 33
Олкотт М.Б. 33
Оловинцев А.Г. 56, 59
Омурзаков Р.К. 56, 59
Остен-Сакен Ф.Р. 16, 143, 146
Өтениязов С. 26

П

Павел Яковлевич 64
Палибин Н.А. 161
Пальгов Н. 28
Панов 116

Пахотин 188, 189
Певцов 102
Петель А. 226
Петерман А. 32
Петр I 49
Перемышльский М.Д. 94, 100, 111, 114
Петрашевский М.В. 80
Пирназаров Мухамед Рзық 138
Пирс Р. 33
Плотников Л.Н. 146
Познанский В. 41, 46-49
Полонский Я.П. 159, 164-166
Померанцев К.П. 75, 224
Потанин Г.Н. 9, 14-17, 26, 39, 44, 48, 54-58, 60, 69-83, 87, 101-104, 113, 147, 148, 150, 151, 160, 164, 165, 168, 179, 182, 185, 212, 224, 226
Почекаев Р.Ю. 25, 26, 218
Пржевальский 102, 197
Прищепова В.А. 46
Птолемей 223
Пугачева Н.М. 44, 77
Пулу 93
Путинцев Н.Г. 41
Пущин 150
Пушкин А.С. 158, 214
Пыпин А.Н. 14, 15

Р

Рахимов Е.К. 21, 27, 184
Рахия 55
Рашид-Эддин 93
Реклю Э. 32, 33
Ремнев А.В. 38
Риттер 104, 206
Рериг О. 206
Роборовский 102
Россицкий Е.А. 189
Роттиер П. 35

Рукавишников Ю. 192

Руми 211

Рустамбеков С.И. 193

C

Саади 211

Сабол С. 35

Сагитов Мирза Мухсин 138

Садвокас – сын Мусы Чорманова 59, 60

Садык 178

Сакып-Керей (Козыке) 55, 58, 59

Сақыпкерей 55

Сандыбаев Байгулы 174

Сандыбаев Ерден 174

Саргалдакова 40

Сарыбаев Ш. 212, 213

Сатпаев К.И. 209

Сатпаева Ш.К. 28, 160-164, 166, 211, 214

Саримсаков Азим Джан 138

Сарымсаков М. 47

Сауkenбаев Т. 47

Святая Анна 138

Северцов Н.А. 102, 169

Сегизбаев О.А. 26, 28

Сейдалин Р.А. 193

Семенов П.П. 9, 17, 39, 40, 72, 89, 99-103, 109-111, 132, 143, 144, 197, 226

Семенов-Тян-Шанский 15, 73, 88, 100, 103, 104, 121, 132, 148, 197, 201

Середенко В. 226

Сниткина А.Г. 162

Сорокин Ю.А. 10

Сотников А.А. 47, 72-74

Сперанский М.М. 38

Страхов Н.Н. 164-166

Стрелкова И.И. 9, 28, 29, 73, 138, 140, 144, 145, 148, 150, 160, 161, 166, 167, 171, 172, 174, 179, 180, 182-184, 227

Сулейменов Р.Б. 29, 30, 87, 92, 201

Султаньяев О.А. 9, 25, 26, 29, 214, 215

Сухозанет И.О. 105, 110, 111, 117, 141, 142, 145

Суюншалиев Х. 212

Т

Табу́лдин Г.Ж. 56, 59

Тахтубаев М. 113, 114

Тан – китайская династия 93

Тезек – султан 73, 179-187, 226, 228

Тейлор П. 35

Теннер Джон 158

Тентек 179

Тихомиров Б. 25, 26, 30, 139, 142, 144, 149-152, 161, 165

Тогжанов Абе 173

Толстой И.М. 140, 141, 145

Толстой Ф.П. 169

Тохтамыш 209

Туглук-Тимур хан 142, 204, 205

Туглук хан 204

Тургенев 165

Турдалиева Ч.Д. 25, 26, 89

Турекулов Н.В. 62, 63

Турекулов Т.В. 62, 63

Турсунова М.С. 22, 23, 226, 228

Тукиу 104

Тунчжи 181, 183

У

Уали, ходжа 100

Үәлиханов Шоқан 26, 29, 31, 55, 173, 212

Үәлиханов Ш.Ш. 29

Ударцев С.Ф. 28, 29, 217

Умурзаков С. 89, 198, 199

Ундерович 65-67

Урак 210

Усачев П.Д. 192

Усенова Г.Р. 26

Усов Ф.Н. 44

Утениязов С.К. 10, 25

Утин 150

Φ

Фаизханов Х. 146, 152, 153

Федор Михайлович 156, 157, 160-164, 174

Федоров Е. 191

Фетисов М.И. 9, 25, 81, 144, 146-148, 154-156, 158-160, 162, 163, 167, 212, 214

Фирдоуси 207, 211

Фишер 93

Фридрихс 176

Фютлер М. 33

Х

Хавьер Х. 34

Хайдар 204

Хакани 150

Халид А. 33

Ханыков Я.В. 199

Хасанов К. 25, 26

Хафизова К.Ш. 28, 29, 35, 36, 181-183, 186, 203, 229

Хафиз 211

Хебе-анбя 97

Хоментовский М.М. 7, 88, 89, 94, 115

Хостлер В. 34

Хрущов А.П. 54, 66

Худояр хан 127

Ц

Цзяцин 203

Циммерман 177

Цуриков А.Н. 15, 156

Ч

Чайльд-Гарольд 71

Чернышев А. 57, 169

Чернышевский А. 57

- Чернышевский Н.Г. 25, 159, 167
Чернышевская Н.М. 167
Чингис 37, 41, 42, 44, 48, 47, 55-57, 59-64, 69, 78, 184, 204, 209
Чингис Валиевич (Валиханов) 15, 40, 42, 45, 47, 48, 55, 68, 72-74, 151, 169, 174, 184
Чингисов Сартай 64
Чокай М. 9, 17
Чокан 5-37, 39, 40, 44, 45, 48, 55-63, 70-84, 86-89, 92-94, 96, 99-104, 106, 108-115, 117, 119-122, 124-142, 144-177, 179-229
Чорманова З. 41, 55
Чорманов М. 45, 48, 59, 67

Ш

- Шавуя 56
Шакен 172
Шашков С.С. 44
Шаяхмет А. 227
Шевченко Т.Г. 166, 167
Шиловский М.Б. 25, 26
Шлагинтвейт А. 109, 139
Шоинбаев Т. 25
Шокай М. 17
Шоқан 26, 28, 29, 31, 55, 173, 212, 213
Шренк А.И. 47, 48, 88
Шубенко 41
Шыңғыс Үәлиханов 55

Ы

- Ыдырыс 55

Э

- Эрман А. 32

Ю

- Юсупов Э.С. 100
Юшков С. 20

Я

- Ядринцев Н.М. 9, 14, 15, 17, 44, 71, 72, 147, 150, 151, 166, 168, 179
Яковлев 85
Якуб-бек 178, 183
Якунин А. 25
Янов Язы 41
Янузаков Т. 40
Яценко И.Е. 173

Латинские

- Allworth E. 33
Bacon E. 33
Campbell I.W. 34
Erman A. 32
Futrell M. 33
Hostler W.C. 34
Imart G.G. 34
Khalid A. 33
MacKenzie 34
Michell J. and R. 32
Olcott M.B. 33
Rottier P. 35
Sabot S. 35
Xavier H. 34
Zenkovsky S.A. 33

Географические названия

А

- Абакан 93
Афганистан 106
Азиатская Россия 33
Айртауский район Северо-Казахстанской области 35, 36, 193
Азнабай Сай 44
Ак-Мечеть 87
Акмолинская область 38, 39, 46, 51, 67, 69, 184, 185

Акмолинский (внешний округ) 67
Аксайская дорога 120
Аксу, город 70, 105, 111, 116, 126
Аксу, река 88, 116
Алаколь, озеро 87, 89, 198
Алатауские горы 114, 115
Алатауский округ 94, 126, 127, 129, 130, 178, 181
Алатау 178
Алатауский округ 94, 100
Алмалық, город 91, 92
Алма-Ата 30, 191
Алматы 11, 17, 26, 28, 29, 35, 39, 62, 87, 91, 191
Алтай 48, 181
Алтайские горы 48
Алтышар 8, 13, 111, 126, 132, 143, 144, 148, 196, 201
Алтын-Эмель (Алтын-Емель) 36, 120, 191, 193, 228
Алтын-Эмельский хребет 115, 186
Аман-Карагайский (внешний округ) 38, 41, 74
Аман-Карагайский окружной приказ Омской области 41-43, 74
Ана Су, урочище 65
Англия 105, 106
Анdagул Ораз-Баимбетовская волость 52
Аргыновская волость 42
Арна, долина или река 131
Астана 6, 17, 26, 28, 29
Атагаевская волость 53
Атбасарский округ 51, 174
Атбасарский окружной приказ 51
Атбасар, станица 51
Атбасарская станица 51
Атбаш 131
Атбаш-Арну 120
Аулиеата 179
Аулис-Ата 178, 181
Аягуз 86, 90
Аягузский (внешний округ) 38

Б

Балхаш, озеро 144, 198
Барнаул 103, 104, 157
Бархуджин-Тукум 93
Баян-Аул 87
Баян-Аульский внешний округ 38, 45, 67
Бишкек 178
Бишкек 26
Большая Аксайская 120
Большая Орда 101, 138, 179, 181
Борохуджир (пикет) 96
Букеевская орда 146, 217
Бурсук, пески 221
Бухара 105, 107, 145, 172, 217

В

Великобритания 105
Верный, город 39, 86, 87, 91, 94, 112, 114, 117, 120, 131, 132, 134, 136, 178, 179, 181, 188, 189
Внутренняя Азия 199
Володарское, селение 63
Восток 72, 97, 147, 149, 200, 223
Восточная Азия 165
Восточная Африка 165
Восточно-Казахстанская область 88
Восточный Туркестан 6, 8, 13, 29, 33, 97, 99, 100, 102, 104, 105, 108-110, 113, 114, 116, 117, 119, 122-130, 132-135, 137, 139, 140, 142-144, 154, 174, 177, 180, 194-196, 198, 204, 205, 221-223, 229

Г

Гороховая, улица 57

Д

Джагатайская орда 208
Джаркын-Камыш, урочище 64
Джетым-Асу 115

Джидда 172
Джиргалан, река 88, 90, 115
Джунгария 6, 88, 89, 199
Джунгарский Алатау, хребет 198
Джунгарские ворота 87
Джунгарское ханство 87, 152
Дрезден 89

Е

Европа 140, 158
Европейская Россия 44, 217
Екатеринбург 188, 189

Ж

Жамбылская область 192
Жетысуз 86
Жонғария 212
Жунгаро-Казахская степь 48

З

Заилийский Алатау 86, 89, 103
Заилийский край 87, 88, 103, 144, 199
Западный край Китайской империи 96–98, 108, 111, 116, 125, 144, 204
Западно-Сибирское генерал-губернаторство 38, 39, 45, 58, 72, 105
Зауки, река 88
Заукинский проход 112, 120, 121, 122, 131, 136, 196
Зерендинский район 185
Золотая Орда 207, 208

И

Или, река 93, 97, 106, 115, 222
Илийская долина 91
Илийский край 105
Индия 105, 139
Индукуш 93
Иркутск 14

Ислык 130

Иссык-Куль, озеро 7, 31, 85, 88-94, 100, 101, 103, 104, 108, 116, 119-121, 144, 146, 150, 194, 198, 199

Ишим, река 44, 68

Й

Йеттишер 105

К

Кавказ 75

Казанское ханство 207

Казань 26, 105

Казахское ханство 152, 207

Казахстан 6, 7, 9, 17-21, 23-28, 32, 37, 39, 40, 58, 60, 62, 71, 84, 87, 102, 127, 146, 148, 153, 156, 185, 191, 193, 194, 196, 198, 199, 201, 203, 206, 216, 220, 224

Казахстан, аул 185

Кайнак 91

Калмак-Учак 115

Капал 86, 94, 96, 115, 184, 189, 192

Капал, крепость 86

Карагандинская область 38

Каракум, пески 221

Карамул, хребет 114, 115

Карачилик, урочище 52, 53

Каркара, река 90

Каркаралы 87

Каркары, жайляу 115

Каркаралы, урочище 52, 53

Касимов, город 153

Кашгар, город 17, 23, 73, 90, 105-109, 111, 112, 114, 116-133, 135-137, 139, 141, 143-145, 147, 159, 160, 168, 174, 178, 183, 195, 196, 201, 222, 223, 229

Кашгария 8, 31, 33, 99, 103, 105, 109-114, 126, 127, 129, 133, 134, 144, 174, 186, 192, 197, 199, 204, 221

Кеген, река 91

Келинтайгак, река 115

Кем (Енисей) 93
Кем-Кемджут 93
Кемчук, река 93
Кзылкия, перевал 115
Кипчаковская волость 42
Киреевская волость 42, 54
Китай 20, 91, 94-98, 105, 106, 110, 118, 126, 178, 180, 181, 222, 223
Китайская империя 33, 104, 108, 125, 127, 128, 144, 180
Китайская провинция Нан-Лу (Малая Бухария) 8, 13, 143
Китайский Туркестан 111
Коканд 105, 112, 129, 130, 217
Кокандское ханство 105, 113, 122, 127, 129, 145, 177
Кокчетав 39, 57, 65, 81, 87, 161, 192
Кокчетавский (внешний округ) 38, 40, 49, 51, 52, 55, 67, 74, 107
Кокчетавский уезд 15, 46, 48, 67
Кокчетавский окружной приказ 40, 52, 54, 63-66, 171
Кокшетауская возвышенность 52
Кокшетау 31
Копал 120, 136
Копальский уезд Семиреченской области 187
Костанайская область 38, 227
Кочкулинское отделение 53
Кошен-Тоган, урочище 186, 187
Крымское ханство 207
Кубергент, река 115
Кузнецк, город 157
Кульджа 17, 31, 85, 88, 94-99, 108, 110-112, 116, 118, 125, 129, 144, 146, 174, 179, 181, 187, 204
Кульдинский округ 181
Кульдинский трактат 106
Кунгурская, станица 187
Кунтимес, Сарыкольский район Костанайская обл. 227
Купчан, селение 97
Курум 97
Кушмурун 41, 47, 51, 52, 70, 71, 192, 226, 227
Кушмурунская крепость 41

Куэнь-Дуни 93

Куяндинский пикет 187

Кызылорда 87

Кызыл Чубар, река 44

Кыргызстан 13, 26, 91, 102, 131, 146, 177, 193, 194

Кыргызский хребет 178

Λ

Ленинград 11, 21, 24, 98

Лепсы 90

Лагор 105

Μ

Малая Бухария 8, 13, 125, 143, 148

Мензелинск 71

Минская губерния 77

Могул-улус 204

Могульская держава 204

Монголия 71, 102

Москва 9, 11, 18, 21, 47, 49, 153, 162, 171, 196, 209

Мугоджары, горы 221

Мус-Дага, проход 105

Η

Нарын, река 121, 122, 131

Нижегородская ярмарка 222

Нижний Новгород 71

Ο

Область Сибирских киргизов 38, 51, 116, 135, 136, 171

Омск 9, 11, 21, 38-40, 45, 46, 57, 58, 63-65, 70, 72-74, 77-82, 84-87, 99, 101, 103, 104, 109-111, 117, 119, 133, 135, 136, 137, 154-158, 160, 176, 177, 179, 183, 186, 192, 195, 224

Омская область 38, 41, 43, 45, 49, 53

Оразовское отделение 53

Оренбург 71, 144, 176, 178, 221

Оренбургская губерния 71

П

Павлодар 21, 27

Павлодарская область 38

Париж 185, 226, 227

Певческий мост 150

Пекин 152, 222

Перовск, форт 87, 178

Персия 105

Петербург 8, 24, 46, 50, 55, 57, 58, 72, 75, 79, 94, 101, 104, 110, 117, 132, 139, 140, 144-149, 151, 152, 155, 158-161, 163-170, 174, 176, 180, 186, 195, 196, 198-201, 203, 227

Питер 14, 176

Пишкек 179

Пограничное управление Сибирскими киргизами 38, 42, 44, 50, 52, 63, 65, 83, 87

Р

Россия 7, 9, 19, 25, 26, 27, 30, 37-39, 41, 42, 47, 51-53, 80-82, 89, 92, 94, 95, 97, 105, 106, 108, 111, 113, 115, 116, 119, 121, 128, 133, 141, 142, 145-147, 154-156, 158, 160, 162, 163, 165, 167-169, 174, 177, 178, 180, 181, 184, 186, 193, 217, 222, 229

Российская империя 8, 11, 16, 40, 42, 49, 50, 58, 68-71, 84, 94, 100, 105, 110, 135, 139-141, 145, 148, 149, 166, 177, 178, 216, 218, 220-222

Русская Джунгария 91, 92

С

Саз, урочище 64

Самара 71

Санкт-Петербург 9-11, 26, 30, 39, 43, 45, 57, 58, 78, 111, 119, 133, 135, 139, 143, 151, 154, 169, 195, 203

Санташ (Сенташ), перевал 90, 115, 120

Саратов 113

Сарыбас, аул 114

Сарыкольский район Костанайской обл. 227

Сары-Озек, урочище 52, 53

Саудовская Аравия 172

Саумалколь, центр Айртауского района Северо-Казахстанской обл. 63
Северная Америка 140
Северо-Восточный Казахстан 47
Северный Казахстан 47, 60
Северо-Казахстанская обл. 35, 36, 38
Северная Киргизия 86, 88
Северный Тянь-Шань 89, 198
Северный Тянь-Шань, хребет 100, 103, 122
Семипалатинск 38, 86, 90, 101, 106, 109, 112-116, 119, 130, 133, 136, 154-157, 160, 161, 221
Семипалатинская область 7, 38, 39, 86, 90, 94, 116, 195, 220
Семиречье 7, 23, 85, 86, 89, 91, 99, 103, 108, 110, 111, 114, 146, 150, 168, 178, 194, 197, 199, 200
Семиреченская область 39, 183, 187-190
Синьцзянь 26, 181
Синьцзянь-Уйгурский автономный район 177
Средний жуз 5, 37, 38, 52, 53, 177, 185, 186, 203
Срымбет 39
Старая Кульджа 97
Старший жуз 38, 86, 87, 94, 128, 178, 206
Степное генерал-губернаторство 39
Стерлибашево, село 70, 71
Сугут, гора 115
Сыр 221
Сырдарья, река 87, 178
Сыр-Дарья, река 100, 122, 178
Сырдарынская пограничная линия 178
Сырт, гора 121, 131
Сырымбет, село в Айртауском районе Северо-Казахстанской обл. 9, 35, 36, 40, 52, 53, 55, 58-63, 67, 69, 70, 78
Сырымбетские сопки 52

Т

Таджикистан 177
Тарагай, река 115
Тараз 178
Тарбагатай 86, 87, 97, 181, 222

Тарбагатайский округ 181
Тасма, гора 90
Таш-рабат, горы 130
Ташкент 1
Тверь 155, 161
Тезек, аул сultана Тезека 73, 179-187, 226, 228
Тенгри-таг, горная группа 100
Теректинский горный проход 115
Теректы 223
Теректы-Даван, перевал 122
Тешик-таш 130
Тибет 93, 102, 105
Тобольск, город 38, 66, 80
Тоин, река 130
Токмак 177
Торайгыр, хребет 90, 115
Троицк 221
Туркестан 171, 178, 185
Туркестанская область 178
Туркестанское селение 91
Тянь-Шань, горы 6, 17, 40, 72, 86, 88, 89, 92, 99-104, 108, 109, 121, 122, 146, 194, 195, 197, 199, 200

У

Уваковская волость 42, 54
Узбекистан 94, 177, 188
Узун-Агач 178
Урда 39
Урумчи 97
Уфа 71
Уч-Булакский округ 74
Уч-Турфан, город 120, 126

Φ

Ферганская долина 223
Франция 227
Фрунзе 192

Х

- Хан-кон 39
Ханнын Кзыл-Агаши 39
Ханское озеро 39
Хан-Тенгри 100, 104
Хива 105, 107
Ходжент 178
Хокандское владение 106
Хонокай 91
Хоргос, город 97
Хотан, город 105, 126, 222
Худайбердинская волость 54

Ц

- Центральная Азия 6-8, 14, 33, 34, 48, 71, 78, 92, 102, 122, 127, 132, 165, 181, 194-199, 201, 203, 206, 210, 211, 217, 222
Центральный Тянь-Шань 89, 103, 122
Цинская империя 96, 105
Цинский Китай 39

Ч

- Чакыркурум, река 115
Чарын, река 90
Чатыр-Куль, озеро 130, 198
Чатыр-Таш 115
Чигу, город 91
Чилик, река 90, 91
Чифанзе, город 97
Чокан, колхоз в Кербулакском районе Талды-Курганской обл. 192
Чорайгаковская орда 207
Чу, река 100
Чуе 93
Чугучак, город 94, 95, 222

Ю

- Южная Европа 165
- Южный Казахстан 13, 145, 177
- Южный Кыргызстан 130, 131
- Южный Синьцзян 35
- Южный хребет Тянь-Шаня 122

Я

- Якшильская волость 64
- Яны-Курган, поселок 178
- Янысар, город 126
- Яркенд, город 105, 126

Ермекбай Жарас Ақышұлы

Судьба и наследие Чокана Валиханова

Сдано в набор 10.08.2020. Подписано в печать 29.10.2020.
Формат 60x90¹/₁₆. Гарнитура Cormorant Infant, Brygada 1915.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 17.25. Тираж 2000 экз. Заказ № 1299

Отпечатано в типографии «Центр оперативной полиграфии».
Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Масанчи 23

Qazaq Geography

Модор мәдениеті, тарихы - со